

Сергей Владич

Код бесконечности

*Бог есть круг, центр которого
везде, и нигде – окружность*

*Поистине, Богу ли жить на земле?
Небо и небо небес не вмещают Тебя,
Тем менее сей храм, который я построил*

Молитва царя Соломона (III Цар. 8:27)

*Эта история является плодом фантазии
автора, а все ее герои - вымышленные*

Глава 1. Пропащее воскресенье

Джим Кеннет Уитни, детектив Юго-западного округа полиции Балтимора, по жизни был убежденным жаворонком. Обычно он просыпался рано, не позже шести утра, и уже к семи был готов ехать на службу. Однако раз в неделю – по воскресениям - Джим превращался в закоренелую сову и позволял себе расслабиться часиков так до девяти. Вот и этим утром он все еще дремал в постели, когда суетной мир напомнил ему о себе пронзительной телефонной трелью. Уитни упрямо не хотел просыпаться в надежде, что кто-то просто ошибся номером, и звонки вот-вот прекратятся. Тщетно, телефон не умолкал. Джим выругался про себя, вылез из-под одеяла, уселся на кровати и снял трубку.

- Детектив Уитни слушает.

- Доброе утро, сэр, - бодро отчеканили с той стороны телефонной линии. - Это офицер Демински, дежурный по участку. У нас, похоже, убийство с ограблением, сэр. Капитан Уайт просит вас приехать. Случай не совсем обычный, - добавил он доверительно. Джим вспомнил этого парня – высокий, худощавый, но достаточно крепкий малый с короткой прической на манер морских пехотинцев. Молодой офицер Демински только начинал службу в полиции, и все еще был полон романтики. Очевидно поэтому он ощущал личную причастность к любому делу, которое попадало к ним в участок.

- Где это?

Ему назвали адрес. Престижный, но не самый богатый пригород Балтимора, примерно в полчаса езды на запад. Там жили преимущественно отставные военные, врачи и профессура из университета Джона Хопкинса. Дантисты и адвокаты строили свои дворцы совсем в другом месте.

- Передайте капитану, я скоро буду.

Это была откровенная и сознательная ложь. Ничто на свете не могло заставить детектива Уитни покинуть дом без сэндвича и кофе даже в будний день, а в воскресный – и подавно. Капитан Уайт мог ожидать его не раньше, чем через час.

Он поднялся с кровати, потянулся, подошел к окну и раздвинул плотные шторы, чтобы впустить в комнату солнечный свет. Однако с этим вышла незадача: свет-то был, но не солнечный, а какой-то сероватый. На улице моросил дождь. Вообще-то, Балтимор – город приморский, и влажность здесь скорее норма, чем исключение. Весной и осенью тут бывают такие грозы, что порой начинаешь сомневаться – это все еще Соединенные Штаты или уже Юго-восточная Азия. Однако сегодняшний мелкий дождик не расщедрился даже на тоненькие струйки; играясь с ветром, он сыпал во все стороны каплями, будто рисом из пригоршни, и оттого казался каким-то особенно неуместным.

Окна квартиры, которую снимал Джим после развода с Мартой, выходили на тихую балтиморскую улочку. Самым примечательным строением на ней была Украинская православная церковь Святого Михаила – здание, внешне совершенно не

похожее на храм Божий. Сегодня было воскресенье и к церкви съезжались машины спешивших на службу представителей украинской общины города. Уитни относился к ним с уважением. Коренных американцев уже давно не заманишь воскресным утром на службу, а эти потомки недавних иммигрантов ходили в церковь, как на работу, хоть часы сверяй. В этом они походили на выходцев из Латинской Америки, хотя те, все же, оставались вне конкуренции.

Джим прошел на кухню, включил кофеварку, зарядил хлеб в тостер и вернулся к окну.

По неизвестной прихоти архитекторов церковь и дом, на третьем этаже которого квартировался Уитни, были облицованы одинаковой серой плиткой, без фантазий. Это их вовсе не сближало, а, скорее, отталкивало, поскольку для церкви такой фасад был странным, а для дома – слишком скучным. А вот что у них действительно было общим – это устроенная во всю длину улицы бесплатная парковка. Именно ее сейчас и заполняли машины американцев, одетых в нарядные, вышитые красным и черным белые сорочки. Уитни знал – они назывались странным и труднопроизносимым для англосакса словом «вышиванка».

На улице было сыро и неуютно, а свежесваренный кофе и выскочившие из тостера горячие ломтики хлеба источали соблазнительный аромат. Джим налил кофе во внушительных размеров «маг» (чашкой это чудовище назвать просто язык не поворачивался), отрезал пару кусочков сыра, пристроил их на тосты и присел за стол. Уитни не любил делать что-либо на халтуру, и поэтому даже ел он основательно и неспеша.

Джим Кеннет Уитни – невысокий, но крепкий brunet с широким лбом, который грозил со временем превратиться в залысины, родился и вырос в Балтиморе. Друзья называли его Джей-Кей, начальство – детектив Уитни, а Люси – так звали его дочь – звала его просто Ра. Это прозвище пошло от древнеегипетского божества, о котором Джим когда-то читал ей книжки. Всемогущий египетский Бог Солнца так запал Люси в душу, что она и отца стала называть этим коротким, но таким звучным именем, в котором сквозила тайна, присутствовали властность и какое-то особое уважение. В те годы Джим был для нее олицетворением силы и могущества, сравнимых разве что с качествами богов, поэтому в выборе прозвища не было ничего удивительного. Сейчас Люси уже выросла, а прозвище – осталось. После развода она жила с Мартой, и Джим виделся с дочерью лишь по выходным. Сегодня он как раз собирался взять Люси на бейсбол (она была страстной болельщицей «Ориолс»), и если бы не этот телефонный звонок, они бы отлично провели время. Люси уже стукнуло пятнадцать, но она вовсе не спешила, как большинство ее сверстниц, оторваться от родителей и нырнуть с головой во взрослую жизнь. Это была редкая удача, что Джим легко ладил с дочерью, которая унаследовала от него не только спортивную фигуру и зеленые глаза, но и пылкий ум, обстоятельность и умение настаивать на своем. Это весьма облегчало его взаимодействие с бывшей женой –

если Люси что-то решила, как, например, сегодня пойти с отцом на бейсбол, то так тому и быть.

Наконец, кофе был выпит, тосты съедены, украинцы прошли в свою церковь, дождь перестал моросить, Джим принял душ и окончательно проснулся. Пора было ехать по указанному дежурным офицером адресу. Но прежде ему предстояло урегулировать ситуацию с Люси.

Джим набрал номер телефона Марты.

- Это я, - сказал он, когда Марта взяла трубку. – Прошу прощения, что разбудил. Люси, я знаю, точно еще в кровати, не хотел ее тревожить.

- Я не спала, - ответила Марта.

- В любом случае... Я хотел сказать, что не смогу забрать сегодня Люси. Меня срочно вызывают в участок. Похоже, это на целый день. Мне очень жаль.

- Ничего, я привыкла. Было бы сюрпризом, если бы ты сделал все так, как обещал. Но для тебя существует только твоя работа, - Марта в который раз повторила свои обычные обвинения в его адрес. – Капитану и всем остальным мужланам из твоего участка привет от меня не передавай, - сказала она холодно и стержовно.

Марта обладала уникальным качеством в любой ситуации заставить его чувствовать себя виноватым. Из-за этого они и развелись.

- Спасибо, - Джей-Кей не хотел портить себе настроение. - Я позвоню Люси попозже, когда она проснется.

На месте преступления уже было полно народу. Привычная рутина в таких случаях: короткий доклад офицера, который нашел тело – сосед позвонил, что в доме все утро громко лает собака, и оказалось, что не зря; руководителя группы криминалистов – ничего особенного обнаружить не удалось, если не считать отсутствия видимых следов насилия на теле и орудия преступления; судмедэксперта – пока ничего не понятно, требуется вскрытие, не исключено, что смерть наступила вполне естественным путем. Наконец, выяснилось, о ком идет речь. Покойным оказался руководитель отдела древних рукописей Балтиморского музея искусств доктор Стивен Риц. Он жил в доме один, хотя и с собакой. Очевидно, некто застал его увлеченно работающим над какими-то документами, поскольку доктор Риц был найден все еще сидящим за письменным столом, лишь чуть-чуть откинувшись на спинку довольно потертого кожаного кресла. Рядом с креслом на полу валялась большая лупа, видимо выпавшая из его левой руки. На столе были аккуратно разложены скальпели, набор старомодных деревянных ручек с перьями, какая-то специальная лампа, несколько небольших флаконов с прозрачными, голубыми и желтоватыми жидкостями, особые очки с мощными увеличительными стеклами. Однако кроме этих принадлежностей ничего – ни рукописей, ни книг. Осмотр места происшествия также показал, что либо покойный сам впустил убийцу, либо тот ловко открыл замок ключом или воровской отмычкой и бесшумно прошел в кабинет, о чем

свидетельствовали несколько кусочков земли с травой, найденных на полу в коридоре перед дверями. Следов взлома, сторонних отпечатков пальцев или отчетливых следов обуви обнаружить не удалось. При опросе соседей выяснилось, что один из них ночью не спал и слышал шум подъехавшей машины, которая простояла некоторое время у дома и затем уехала, а другой – тот, который и вызвал полицию, – уже под утро обратил внимание на лай собаки. Увы, когда лай стал надоедливым, и он решил позвонить 9-1-1, единственным автомобилем, припаркованным возле дома доктора Рица, оказался его собственный «фольксваген». Собака – золотистый ретривер – оказалась запертой на первом этаже в гостиной. Она сильно нервничала, скулила, но даже к полицейским отнеслась приветливо. Было крайне сомнительно, чтобы она могла создать проблемы возможному убийце. Собственно, и версия-то об убийстве возникла лишь из-за странной позы покойного и этой посторонней ночной машины, в противном случае оснований считать, что смерть Рица наступила неестественным путем, не было. Кусочки земли с травой могли быть занесены в дом самим покойным или его собакой.

Негусто.

Джей-Кей не спеша прошелся по дому. Обычная прихожая, со вкусом подобранная мебель в гостиной, обстановка явно холостяцкая, но не без прикосновения женской руки. Вот, к примеру, вышитая салфетка на журнальном столике вряд ли могла появиться в жилище убежденного холостяка, которому за пятьдесят. «Надо будет узнать, что это он был за одинокий волк», - подумал про себя Уитни. Главное, что бросилось ему в глаза, это огромное количество книг. Они были повсюду, аккуратно заполнившие обширный книжный шкаф в кабинете, и множество полок, искусно вписанных в интерьер гостиной и даже прихожей. Джим подошел к одной из них, бегло просмотрел корешки. В основном это были книги с претензией на древность, старинные, в кожаных переплетах издания древнегреческих философов, какие-то трактаты на греческом и латыни... Очевидно, среди этих книг могли быть и весьма ценные экземпляры. «Неужели банальное ограбление?» - снова подумал про себя Уитни.

- Джей-Кей, какие новости? – раздался за его спиной голос капитана Уайта, начальника отделения.

- Пропащее воскресение, - Джим не был склонен выражать радости по поводу внеурочной работы, - вот главная новость. Он поставил книгу, которую вертел в руках, на полку и повернулся к начальству.

- А если без лишних эмоций и обид?

- Нужны результаты экспертизы о причине смерти, а то на первый взгляд ничего не видать, - произнес Уитни. – Мотив преступления, если оно вообще было, пока неясен, нужно опросить соседей, родственников, сослуживцев. Навскидку – скорее всего, ограбление. Нельзя исключать, что в момент смерти покойный работал над какой-то рукописью, которая и интересовала преступника. Но что бы это могло быть – пока ни малейшего намека. Моя первая версия – случайная кража с целью

наживы. Кто-то знакомый зашел в дом с вполне мирной целью, открыл дверь своим ключом, увидел труп хозяина, который скончался от естественных причин, и похитил то, над чем Риц работал тем вечером. Судя по тому, как все аккуратно выглядит – ни следов, ни отпечатков пальцев, это вполне могла быть женщина. Или работал профессионал высочайшего класса. Тогда возникает вопрос: за чем он охотился?

- О'кей, я скажу ребятам, чтобы они детальнее обработали базу по соседям, свидетелям и прочая, а ты, Джей-Кей, как интеллеktуал, - капитан картинно развел руками в стороны, - отправляйся прямо завтра с утра в музей. Установим возможный мотив – будет ясно, куда копать дальше. Все материалы на этого Рица мы пришлем тебе с доставкой на дом. Вместе с пиццей и кока-колой. Только прошу тебя, с колой не переборщи – от нее, как говорит моя внучка, зубы портятся.

Первые «раскопки» по доктору Рицу сразу дали несколько интересных результатов.

Музей искусств Балтимора, расположенный на Норф Чарльз стрит, представлял собой огромный серый прямоугольник со стеклянной пирамидой на крыше. Здание было не слишком древней постройки, но смахивало «под старину». Его относительно недавно реконструировали и оснастили суперсовременной охранной системой, включая многоуровневую сигнализацию. Во всяком случае, требования полиции по безопасности таких объектов были удовлетворены полностью. Хотя, по правде говоря, никаких особенно дорогих произведений искусства в Балтиморском музее не хранилось. Во всяком случае, так было еще десять лет тому назад. Но вот выяснилось, что в 1998 году в местный отдел древних рукописей поступила одна из самых дорогих книг мира – некий весьма необычный молитвенник XIII века. Его на аукционе Сотби в том же году купил за 2,2 миллиона долларов какой-то анонимный миллиардер-американец из сферы «ай-ти» и передал лично доктору Рицу для всестороннего и глубокого изучения. Эта книга должна была бы храниться в музее, но когда Уитни посетил соответствующий отдел, ее на месте не оказалось. Отсюда возникло сразу несколько задач. Во-первых, обнаружить анонимного хозяина и выяснить, чем объясняется его необыкновенный альтруизм. Во-вторых, установить, куда подевалась книга, и не с нею ли в нарушение всех инструкций занимался доктор Риц на выходных у себя дома. В-третьих, узнать, что же это за книга такая особенная, и с чем связана ее баснословная стоимость. Возможно, именно она и была целью преступника. Следовало также учесть, что книга – не бриллиант, ее так просто не продать. Подобные кражи обычно происходят только под заказ, и это исключало версию о случайном грабителе.

Проще всего оказалось справиться с задачей номер три. При опросе сотрудников музея быстро выяснилось, что группа специалистов-филологов и технарей под руководством Стивена Рица уже несколько лет успешно работала над этой самой книгой, пытаясь ее прочитать с помощью суперсовременных методов и приборов, включая рентгеновские аппараты, лампы специальной подсветки,

компьютерную томографию и новейшие цифровые технологии. Оказалась, что речь шла о греческом молитвеннике, написанном в 1229 году в Константинополе и сильно пострадавшем от времени. Он был небольшого размера, в пол-листа, но зато толщиной в 177 пергаментных страниц. Сам по себе молитвенник никакого особенного интереса не представлял, а вот то, что текст XIII века был написан поверх другого текста, значительно более древнего и содержащего некие математические трактаты, было намного важнее. На языке ученых такие рукописи называются палимпсестами. Как рассказала детективу Уитни одна из ведущих специалистов проекта доктор Маргарет Форбс, в древности так поступали часто: из-за нехватки материалов старый текст с пергамента смывали или соскабливали, и поверх него писали новый. Вся штука заключалась в том, что это был за старый текст. В данном случае, под греческими молитвами находились неизвестные доселе работы знаменитого ученого Архимеда из Сиракуз, что на Сицилии.

Уитни не очень-то дружил с математикой, но это имя даже для него было знакомым, как и название города – ведь Сиракузы есть не только в Италии, но даже под Нью-Йорком. Правда, если отвлечься от забавных легенд, которые уже давно и прочно ассоциируются с именем древнегреческого ученого и изобретателя, было непонятно, почему его работы более чем двухтысячелетней давности представляли такой интерес, чтобы заплатить за них целое состояние. Как оказалось, ответ на этот вопрос доктора Форбс совершенно не интересовал. Она разъяснила, что ее работа заключалась в том, чтобы получить такие изображения старого текста, которые можно было бы прочитать максимально близко к оригиналу. А определять их ценность она бы с удовольствием перепоручила кому-то другому.

Все это было чрезвычайно любопытно, однако не вело даже к рабочей гипотезе.

Когда Уитни вернулся из библиотеки в офис, его ждали два сообщения от коллег. Одно – объясняющее, почему имя покупателя книги на аукционе никоим образом не может быть раскрыто, а второе – о причине смерти доктора Рица. Оказалось, что по правилам аукциона, если только права собственности на проданную редкость не оспариваются в суде, покупатель имеет гарантированное законом право на анонимность. В таких случаях от его имени действует, как правило, какой-нибудь агент или адвокат. По поводу исчезнувшего молитвенника такое судебное разбирательство состоялось, но по отношению не к покупателю, а к продавцу. Дело было в том, что книгу на продажу в Сотби выставили от имени некой французской семьи, которая утверждала, что владеет ею на законных основаниях. Однако Иерусалимский патриархат Греческой православной церкви оспорил право собственности продавца на книгу. Представители церкви утверждали, что этот молитвенник с XVI века хранился в каком-то монастыре в Палестине, потом был перевезен в другой монастырь, в Константинополь, откуда его украли в 1920 году. При этом единственным доказательством в пользу истца был каталог книг монастырей Иерусалимского патриархата от 1899 года, составленный секретарем

патриархии, греком с практически непроизносимой для англоязычного человека фамилией Попандопулос-Керамеус, в котором упоминалось, что на последней странице молитвенника имеется экслибрис упомянутого монастыря. Однако когда в судебном расследовании книга была представлена судье, оказалось, что никакого экслибриса в ней нет. Таким образом, все вопросы были сняты, книга продана неизвестному миллиардеру, французская семья получила свои деньги, а детектив Уитни – головную боль.

Не лучше обстояло дело и с покойным. Предварительное заключение гласило, что у него, очевидно, случился синдром внезапной остановки сердца – это такая редкая болезнь, по-латыни называется *commotion cordis*, когда сердце просто останавливается, и все, без всяких на то видимых причин. Об этом Уитни решил подумать позднее, а вот по поводу миллиардера - хозяина манускрипта, у него вдруг появилось предчувствие, что как только газеты сообщат о смерти Рица, он сам объявится. Стоит ли говорить, что профессиональное чутье его не обмануло.

Глава 2. Знакомство с Архимедом

- Вам приходилось бывать в Балтиморе, а, Сергей Михайлович?

С недавних пор Трубецкого этот вопрос начал сильно раздражать. Он напоминал ему старый детский анекдот, когда один человек спрашивал другого, умеет ли тот играть на скрипке, на что следовал ответ: «Не знаю, еще не пробовал». Так и тут: Сергей Михайлович Трубецкой, известный киевский профессор-палеограф и лингвист, никогда в Соединенных Штатах не бывал, поэтому, разумеется, и в Балтиморе тоже. Но его все равно спрашивали об одном и том же все, кому не лень, ведь на историческом факультете университета, где работал Сергей Михайлович, поездки в Америку считались большой редкостью. Впрочем, любопытство окружающих было далеко не праздным. Дело заключалось в том, что две недели назад Трубецкому в продолговатом иностранном конверте пришло письмо, в котором его приглашали в США. Как оказалось, там, в Балтиморском музее искусств, на изучении находился какой-то древний палимпсест – средневековый молитвенник XIII века. В свое время Сергей Михайлович опубликовал в европейских журналах несколько весьма любопытных работ по библейским рукописям, которые зачастую писались одна поверх другой, и поэтому с точки зрения опыта работы с палимпсестами в таком приглашении ничего удивительного не просматривалось. Странно было другое: в письме упоминалось, что основным предметом исследований в Балтиморе являются рукописи древнегреческого ученого Архимеда, поверх которых и были записаны литургические псалмы и молитвы, а к математическим текстам Трубецкой никогда отношения не имел.

Сергей Михайлович откровенно сомневался, стоит ли ему принимать приглашение американцев. С одной стороны, с профессиональной точки зрения, поездка в США была бы весьма любопытным предприятием, не говоря уже о

престиже. С другой – как ученый, Трубецкой не мог себе позволить оказаться некомпетентным. Вот его и мучили сомнения. Разрешить их помогла, как это часто случалось в их совместной жизни, супруга Сергея Михайловича и по совместительству ученый-историк Анна Николаевна Шувалова. Она не поленилась поинтересоваться долгой и полной белых пятен историей балтиморского палимпсеста и неожиданно обнаружила в ней следы саксонского ученого-палеографа Людвиг фон Бекендорфа. С «художествами» пронырливого немца, жившего в XIX веке, Трубецкой как-то уже сталкивался при изучении Синайского кодекса – древнейшего из известных списков Библии, тоже, якобы, открытого Бекендорфом в монастыре Святой Катерины, что на Синае. Все, чего касался этот выходец из Саксонии, носило налет или сенсационности, или шарлатанства, и именно этот фактор сыграл ключевую роль в положительном решении вопроса о поездке в Балтимор.

В данном случае выяснилось, что в 1840 году по дороге на Ближний Восток господин Бекендорф по случаю посетил константинопольское отделение Иерусалимского монастыря Гроба Господнего, в котором была собрана неплохая библиотека редких рукописей. В те годы древние манускрипты часто путешествовали по маршруту Палестина-Египет-Константинополь-Европа, и не было ничего удивительного в том, что часть из них оседала на берегах Босфора. Там он и обнаружил этот странный молитвенник-палимпсест, однако не смог разобрать, что за рукописи скрывались под более поздними средневековыми псалмами. Бекендорф лишь мельком упомянул о своей находке в опубликованных через несколько лет дневниках, подчеркнув при этом, что речь шла, очевидно, о каких-то математических текстах. Математика Бекендорфа не интересовала. Но немец, все же, вырвал, попросту говоря, - украл, самым наглым и безжалостным образом, одну страницу из этой книги и в 1879 году не постеснялся продать ее Кембриджскому университету. Именно там в 1906 году ее и обнаружил датский филолог и переводчик текстов древнегреческих математиков Йохан Людвиг Хайберг. Поняв, о чем идет речь, а на вырванной страничке явно просматривался полустертый текст великого математика древности, он помчался в Константинополь, нашел все в том же монастыре упомянутую Бекендорфом книгу и стал первым, кто исследовал палимпсест. Именно Хайберг опубликовал в 1910-1915 годах часть текста, который сумел разобрать с помощью лупы. Он-то и определил, что это не что иное, как труды Архимеда Сиракузского, причем среди них были и такие, которые ранее в мировой литературе не встречались. Однако сделанные Хайбергом расшифровки текстов содержали огромное количество лакун, то есть пробелов, в тех местах, которые датчанин разобрать не смог. Последний раз Хайберг держал манускрипт в своих руках в 1908 году. Позже книга исчезла. Очевидно, это случилось во время Первой мировой войны, когда в Константинополе хозяйничали все, кому не лень. Далее Кодекс Архимеда появился через девяносто лет на аукционе Сотби, где его за два миллиона долларов продали какие-то французы. Кто стал покупателем – непонятно, но, в конце концов, манускрипт передали на исследование в музей искусств Балтимора.

Сергей Михайлович воспринял всю эту историю, как своеобразный вызов. Однажды он уже выводил выскочку Бекендорфа на чистую воду, и с удовольствием сделал бы это еще раз. Однако перед тем как ехать в США, ему было совсем не лишним укрепить свои познания в математике. Для этого к его услугам был математический факультет университета, где работал друг Трубецкого по студенческим годам, а ныне профессор по кафедре высшей алгебры Женя Маркевич. Когда-то в молодости они дважды вместе побывали в стройотрядах и, кроме коровников в колхозах Киевской области, строили железную дорогу Сургут-Ноябрьск. При коммунистах интеллектуалы считались бездельниками, и поэтому каждый выпускник университета к пятому курсу имел как минимум одну неформально освоенную строительную специальность. Так Женя стал не только крупным ученым в области теории групп, но еще и бетонщиком, а Трубецкой – каменщиком. Маркевич всегда считал, что это было хорошо. Он часто говаривал: «Когда нас посадят за свободомыслие, мы и на Колыме не пропадем!». Такие вещи не забываются.

- Даже и не знаю, что сказать, - Женя развел руками в ответ на просьбу Сергея Михайловича рассказать об Архимеде и его работах. – Архимед известен нам больше по легендам.... Вот, к примеру, самая знаменитая из них, - как он бегал по Сиракузам голый и кричал: «Эврика!».

- Легенды, - заметил на это Трубецкой, – это мой бизнес, а не твой. Даже я знаю про голого Архимеда. От тебя я хочу услышать, что такого выдающегося сделал Архимед в математике, чтобы его труды и поныне ценились столь высоко. Возить меня в Америку за счет американских налогоплательщиков – недешевая затея.

- Ладно, - профессор Маркевич сразу стал серьезным, - расскажу тебе все, но кратко, как для «чайника».

Архимед жил в третьем веке до нашей эры в Сиракузах. Его отцом был астроном и математик Фидий. Будущий гений учился в Египте, в Александрии – тогда это был мировой центр наук. Ему принадлежит, или, вернее, ему приписывают множество открытий. Он изобрел и математически обосновал рычаг, винт, разработал учение о центре тяжести, построил модель солнечной системы, нашел способ измерять объем сложных тел, погружая их в воду, и множество других полезных штук. Но с точки зрения математики, как по моему мнению, самое главное, что он сделал – это нашел гениальный метод вычисления длины окружности и площади круга.

Знаешь, как говорят англичане, дьявол кроется в деталях. Так вот, если ты посмотришь вокруг себя, то обнаружишь, что круг, окружность, шар есть самыми обыкновенными предметами, которые встречаются повсюду. Окружность так легко нарисовать, и даже измерить, кажется, просто. Однако это только на первый взгляд. Не Архимед был первым, кто заметил, что и длина окружности, и площадь круга зависят только от диаметра. Это знали еще и в Вавилоне, и в древнем Египте. Но

именно он первым придумал измерять и то, и другое с помощью последовательности описанных и вписанных правильных многоугольников. Если бы Архимед знал основы теории пределов, все было бы понятно, но он жил за две тысячи лет до разработки этой теории, и, все же, догадался, в чем дело. Так он и установил, что отношение длины окружности к ее диаметру всегда одно и то же, и вычислил, кстати, с весьма неплохой точностью, коэффициент пропорциональности. Им оказалось совершенно необыкновенное число, обладающее просто сверхъестественными свойствами – число «пи». Впрочем, тогда его так еще не называли. На протяжении своей истории это число сменило много наименований, а «пи» оно стало в XVIII веке благодаря трудам Леонарда Эйлера. Далее я вынужден перейти к сложносочиненным словам и предложениям, прости, - Женя похлопал Трубецкого по плечу и продолжил.

- «Пи» – число иррациональное, то есть не может быть представлено дробью, где числитель и знаменатель – целые числа; трансцендентное, то есть не является корнем многочлена с целыми коэффициентами, да и с нецелыми тоже; зато оно может быть представлено в виде бесконечного ряда, предела, интеграла, суммы, последовательности, да Бог его знает, чего еще.... Но самое главное – оно представляется в виде десятичной дроби, где последовательность цифр после запятой случайна и бес-ко-неч-на.

Последнее слово Маркевич произнес по слогам.

- Вот подумай только: если взять окружность, - Женя достал из кармана монету и продемонстрировал ее Трубецкому, - и принять, что длина ее диаметра – единица, а физический стандарт длины существует и его можно реально установить, - то длина такой окружности и есть само число «пи»!

Трубецкой все это время напряженно слушал, но тут не выдержал.

- То есть ты хочешь сказать, что совершенно конечная и такая понятная окружность с единичным диаметром на самом деле является бесконечным числом «пи»?

- Ну, не самим числом, а его графическим образом, но в принципе ты правильно уловил ход моих мыслей. На сегодняшний день вычислено несколько триллионов знаков после запятой этого числа, и никто не знает, сколько их там еще. Собственно, известно, что их там сколько угодно. Аристотель называл это относительной бесконечностью – сколько их не вычисляй, все равно найдется следующее. Но пока неясно, как строго доказать, что число знаков после запятой действительно бесконечно. Это как в истории с параллельными прямыми: понятно, что они никогда не пересекаются, но непонятно – почему. Получается нечто вроде аксиомы – утверждения, принимаемого без доказательства.

- Хорошо, - Трубецкой пожал плечами и характерным движением руки взъерошил свои волнистые волосы, - я понял, что здесь все очень сложно, и при этом необыкновенно интересно. Однако в связи с чем работы Архимеда могут представлять такой серьезный интерес сегодня? Ведь, как я понимаю, за две тысячи лет математика ушла далеко вперед, он же не вычислил число «пи» ну, скажем, с

десятью триллионами знаков, так что же может быть предметом такой непреходящей ценности его работ, что американцы даже до меня добрались?

- Увы, - теперь настал черед Маркевича пожимать плечами, - я не могу тебе точно ответить на этот вопрос. Архимед был изобретателем и философом, и трудно вообразить, что еще он мог написать в своих трудах. Ты же сам, наверное, знаешь, что самой дорогой книгой современности является кодекс Леонардо да Винчи – не помню точно, как он называется, - который в свое время за двадцать четыре миллиона долларов купил сам Билл Гейтс. Так вот, говорят, что там есть такие чертежи, которые и поныне вдохновляют конструкторов и изобретателей. А вдруг книга, о которой идет речь, содержит нечто подобное? Одним из древних историков, который писал об Архимеде, был Плутарх. Так вот, он утверждал, что великий механик, астроном и изобретатель был настолько погружен в свои исследования, что оставил потомкам лишь мизерную часть своих знаний в виде сочинений. Кстати, в древней Греции выдающиеся философы и математики – Пифагор и Сократ, к примеру, придерживались той точки зрения, что самые сокровенные знания нельзя записывать, они должны передаваться только устно, от учителя к ученику. А я тебе как ученый скажу – зачастую очень важно знать не только результат, но и ход рассуждений или доказательств, которые иногда могут быть даже ценнее, чем окончательный вывод. Не знаю, правда ли это, но то, что большинство механических конструкций и математических доказательств Архимеда либо и по сей день неизвестно, либо дошло до нас лишь в пересказах других ученых - это факт. Говорят даже, что чуть ли не единственная достоверная дата в его биографии – это то, что он умер в 212 году до н.э., и то, мы знаем ее только из римских хроник: в том году полководец Марцелл взял, наконец, Сиракузы. Вроде бы, Архимеду тогда было 75 лет. Нам остается только верить тем, кто составлял эти хроники.

После разговора с Женей Маркевичем Трубецкой вернулся домой совершенно озадаченным. Он рассказал все, что ему удалось разведать, Анне. К его удивлению, супруга восприняла информацию от Жени не только весьма серьезно, но и где-то с пониманием сути проблемы.

- Пока ты ходил по своим старым товарищам, я тут тоже времени зря не теряла, - пояснила Анна Николаевна. – Теперь мне кажется, что в этом деле математики меньше всего. Я поработала с компьютером, и вот что удалось установить. Книга эта не просто палимпсест, а двойной – то есть, под греческими молитвами скрывается текст Архимеда, написанный, точнее, переписанный в X веке, а под ним – критика трудов Аристотеля от третьего века нашей эры! Ты видел нечто подобное? Один грек – неизвестный – стирает критику Аристотеля и сверху переписывает работы Архимеда, взятые из неизвестного источника. Другой, кстати, его имя встречается в книге - Иоанн Миронас, через двести лет стирает труды Архимеда и пишет сверху молитвы. При этом он расшивает предыдущие книги, поворачивает листы на девяносто градусов и строчит поперек старого текста так, будто нарочно, чтобы тот

было легче обнаружить и прочитать. Все это удалось установить только сейчас, совсем недавно: у них там, в Балтиморе, видимо, чудо-лаборатория какая-то, которая смогла разглядеть обе рукописи, слой за слоем. Однако подумай сам: покупатель этой книги не мог знать достоверно в 1998 году, какой получится результат через десять лет, значит, он свою цель нащупывал вслепую.

- Какую еще цель? – переспросил озадаченный Трубецкой.

- Вот это мы с тобой и узнаем, - Анна, похоже, была настроена весьма решительно.

- Мы с тобой?

- Да, милый, - супруга чмокнула Сергея Михайловича в щеку. – Мы летим в Балтимор вместе, и это еще неизвестно – ты со мной, или я с тобой. – Анна засмеялась. – Не волнуйся, я шучу. Но в Америку мы все-таки летим вместе. И вот еще почему.

Она достала из стола сложенную вчетверо газету и положила ее перед мужем. Это был номер газеты «Балтимор Сан». На первой странице броский заголовок гласил: «Убийство в Музее искусств, похищен экспонат стоимостью 2 миллиона долларов!». Сергей Михайлович пробежал глазами статью на первой странице и с тревогой взглянул на Анну. Речь шла о смерти доктора Стивена Рица, руководителя отдела древних рукописей Балтиморского музея. В статье высказывалось предположение, что известный ученый умер не своей смертью. А ведь именно его подпись стояла под письмом-приглашением, которое пришло Трубецкому из Америки.

- Хочешь - верь, хочешь – нет, но эту газету сегодня утром я нашла в нашем почтовом ящике, когда ты ушел в университет. Я что-то не припоминаю, чтобы нам раньше доставляли «Балтимор Сан». Это не может быть совпадением или случайностью. Это – либо угроза, либо предупреждение. Здесь, в статье, кстати, написано, что книга украдена. В этой истории что-то нечисто. Ты не хочешь отменить поездку?

Трубецкой напрягся, а затем решительно сказал:

- Как раз наоборот. У меня даже азарт появился. Кроме того, мне буквально вчера прислали подтверждение и билетов, и бронировки гостиницы. Надо ехать – отказываться поздно.

- Я так и знала. Поэтому я тебя одного никуда не отпущу. Да ты и сам без меня не поедешь. Так ведь? Тогда сообщи в Балтимор, что нас будет двое и пошли собирать вещи.

Глава 3. Технологии нужно развивать

Даллаский коридор в Северной Вирджинии – знаменитое место в Соединенных Штатах. Около тридцати километров в длину, он соединяет международный аэропорт имени Далласа и окружную дорогу, опоясывающую столицу США – город

Вашингтон, округ Колумбия. С обеих сторон широченного, по пять полос в каждом направлении хайвея раскинулся целый город из полутора тысяч высокотехнологичных компаний. Здесь сосредоточено больше телекоммуникационных фирм, чем где бы то ни было на планете. Злые языки говорят, что семьдесят процентов мирового трафика интернета так или иначе проходит через серверы Северной Вирджинии, а ведь всего в пятнадцати минутах езды отсюда – то самое Ленгли, где находится штаб-квартира ЦРУ... Сколько миллиардов долларов стоит весь этот коридор, не знает никто, а вот то, что здесь представлены все мировые гиганты сферы ай-ти, оборонки, авиации, энергетики, био- и прочих технологий, видно невооруженным глазом. Да тут, собственно, никто и не скрывает своих громких наименований, сверкающих знакомыми логотипами на фасадах офисных зданий с двузначным количеством этажей. Зачем? Они здесь, чтобы конкурировать за заказы правительства США, а это дело почетное. Впрочем, исключения все же встречаются.

Неброский двухэтажный особняк светло-коричневого цвета был, наверное, одним из самых неприметных зданий Даллаского коридора. Он практически затерялся в тени высотных стеклобетонных соседей, и, если бы не надпись «Ай-Ти Консалтинг», выведенная дешевыми неоновыми буквами на его крыше, можно было бы подумать, что это столовая или, к примеру, хозяйственное помещение соседствующих с ним «Майкрософта», «Локхиды Мартина», «Бектела» или «Интела». Но это только на первый взгляд внешний вид штаб-квартиры и название предприятия пахивали провинциализмом. Наоборот, здесь все было продумано до мелочей. К примеру, при попытке обнаружить веб-сайт компании и узнать, чем она занимается, заинтересованные пользователи интернета были заведомо обречены на провал: фирм с таким названием только в Соединенных Штатах – тысячи.

Исключительно демонстративной была и скромность здания. Так, для непрошенных гостей, которые случайно попадали в окрестности «Ай-Ти Консалтинг», становилось сюрпризом то, что мобильные телефоны вблизи него не работали. Кроме того, территория вокруг особняка была обнесена ажурным металлическим забором, представляющим собой на самом деле решеточную антенну субмиллиметрового диапазона, которая «видела» любой объект, приближающийся к периметру здания на расстояние нескольких метров. Въезд внутрь периметра контролировался не только шлагбаумом с охраной, но и системой видеокамер, позволяющих проследить каждый шаг прошеного или непрошеного гостя.

Водителю шикарного черного лимузина «кадиллак», который в сопровождении двух машин охраны мягко подкатил и остановился перед въездом на территорию «Ай-Ти Консалтинг», все эти подробности были, очевидно, хорошо известны. Формальности заняли ровно пятнадцать секунд, после чего «кадиллак» проследовал к входу в здание, а машины охраны – на парковку позади него. Из автомобиля вышел

молодой человек в хорошем костюме, с изящным портфельчиком в руках и в темных очках. Не оглядываясь и не мешкая, он уверенно прошел внутрь. Там его ждали. Зайдя в облицованный сплошным металлическим листом лифт, молчаливый сопровождающий сначала приложил указательный палец к сенсорному датчику, затем вставил какую-то карточку в специальную прорезь возле пульта и нажал кнопку, отправляя кабину с молодым человеком ... вниз.

После нескольких секунд мягкого и бесшумного скольжения лифт остановился. Его двери плавно отворились, и молодой человек оказался в руках весьма нетривиальной внешности дамы (разумеется, блондинки), место которой, судя по размерам груди и бедер, было на подиуме «Мисс Вселенная», а не в скучном коридоре на минус четвертом этаже скромного здания «Ай-Ти Консалтинг». Впрочем, справедливости ради следовало признать, что коридор был оформлен с редким вкусом и, пока они шли сто отведенных метров до кабинета шефа, молодой человек успел обратить внимание на новую коллекцию импрессионистов, которая украшала стены этого подземелья. Каждая картина имела индивидуальную подсветку, и вся эта импровизированная галерея смотрелась весьма эффектно. Он вспомнил, что в прошлый раз коридор был украшен выставкой батальных сцен из какого-то музея маринистов.

Они прошли в офис. Шеф, которого в профессиональных кругах называли уважительно – мистер Ай-Ти, сидел за столом и читал бумаги, аккуратно сложенные в кожаную папку. Молодой человек вошел в кабинет и остановился в шагах десяти от стола. Он еще раз окинул взглядом обстановку. Она была великолепна. Мягкий свет, струящийся из невидимых источников, обволакивал изумительной работы кожаный диван и кресла, ковер с высоким ворсом, который совершенно приглушал звук шагов, огромный, старинной работы деревянный стол, несколько со вкусом подобранных пейзажей в дорогих рамах, серебряные подсвечники, аквариум, ай-мак на столе, в общем, все, что нужно серьезному человеку для работы.

Шеф оторвал глаза от бумаг и взглянул на вошедшего. Ему – хозяину этого кабинета - было лет пятьдесят. Крупное, волевое лицо, волнистые, но уже начинающие седеть волосы, открытая улыбка, так часто вводящая в заблуждение партнеров и конкурентов – все вместе весьма располагало к этому человеку. Единственное, что было в нем холодного – это глаза, умеющие смотреть на собеседника не мигая, как бы используя технику удава перед броском. Взгляд именно этих глаз и был прикован сейчас к молодому человеку, вызывая у того неприятную слабость в ногах даже с расстояния десяти шагов.

- Здравствуйте, Поль, - произнес мистер Ай-Ти. – Какие новости?

- Здравствуйте, шеф, - чуть откашлявшись, произнес Поль. – Не судите строго, но сообщения из Балтимора вызывают тревогу.

Он явно волновался. Никому не хочется быть курьером плохих новостей.

- Что случилось?

Шеф оставался спокоен и невозмутим. Он, разумеется, уже обо всем знал, однако хотел предоставить молодому человеку возможность проявить себя. Поль открыл портфель, достал из него сложенную вчетверо газету, преодолел разделяющие их несколько шагов и положил газету перед боссом. Тот пробежал заголовки и текст статьи на первой странице. Следующие две минуты прошли в тишине.

- То есть, манускрипт похищен? – Мистер Ай-Ти первым нарушил молчание. Он отложил газету в сторону и вопросительно взглянул на Поля.

- Увы, сэр, похоже, что Риц взял его с собой на выходные поработать дома... Само собой, что тем самым он грубо нарушил условия нашего договора с музеем. Сложно сказать, зачем он это сделал... Его обнаружили мертвым, а книга исчезла, и найти ее пока не удалось. Во всяком случае, ни в доме у Рица, ни в музее ее нет.

Поль произнес эту тираду, слегка запинаясь и подыскивая правильные слова. Его прямые и зачесанные назад волосы стали влажными на затылке, а по спине, скрытой под рубашкой от «Валентино» и костюмом от «Хьюго Босс», пробежала волна предательского холода. Реакцию хозяина этого кабинета на плохие вести предугадать было нелегко.

Тем временем шеф откинулся в кресле. Он размышлял.

- Это плохо, Поль, я очень расстроен. В чьих руках находится дело?

- Юго-западный округ полиции Балтимора.

Мистер Ай-Ти молча развернул к Полю стоящий на столе телефонный аппарат. Тот понял все без слов. Поль нажал несколько кнопок.

- Соедините меня с Балтимором. Юго-западный округ полиции.

Секретарь вернулась через десять секунд:

- Капитан Уайт на линии, сэр.

Поль взял трубку.

- Капитан Уайт? Добрый день. Меня зовут Поль Манже, компания «Манже и Партнеры». Я представляю интересы собственника Кодекса Архимеда – книги, переданной несколько лет назад на исследование в отдел древних рукописей музея искусств Балтимора. Как мы понимаем из сообщений газет и телевидения, в воскресенье руководитель этого отдела доктор Стивен Риц был найден мертвым у себя в кабинете, а книга из музея исчезла. Предположительно, она была украдена из дома Рица. Мне бы хотелось убедиться, что вы осознаете всю серьезность этой потери для моего клиента.

Поль выслушал ответ.

- Все обстоит не совсем так, капитан. Разумеется, книга была застрахована. Но дело вовсе не в заплаченных деньгах и не в получении страховки. Мой клиент – большой поклонник древнегреческой математики, и книга дорога ему, как источник уникальных, более нигде не встречающихся рукописей великого ученого. Им просто нет цены. Поэтому нам крайне важно вернуть саму книгу, а не просто получить за нее деньги.

Он снова выслушал то, что говорил ему капитан Уайт.

- Хорошо капитан. Я буду звонить вам время от времени. Не откажите в любезности держать меня в курсе.

Поль положил трубку.

- Он сказал, что расследование ведет детектив Уитни, их лучший специалист. По состоянию на сегодняшний день они квалифицируют это дело, как убийство, а не как кражу. Собственно, убийство еще толком не доказали, а дело - не оформили. Они ожидают заключения судмедэксперта, а также официального заявления музея о пропаже книги.

- Поль, помогите им выполнить все формальности, - глаза шефа снова перестали мигать, он смотрел на Поля пристально, не отрываясь ни на мгновение. – Вы же адвокат. Дело нужно переквалифицировать, или, по крайней мере, выделить кражу в отдельное производство. Этот Риц интересуется меня во вторую очередь, а вот книгу необходимо вернуть.

Шеф снова сосредоточился на своих бумагах. Разговор был окончен. Поль развернулся и вышел из кабинета. Он проделал путь навверх в обратной последовательности: коридор-лифт-лобби, и прямо из «Ай-Ти Консалтинг» выехал в Балтимор. Благо, это было совсем рядом.

Тем временем мистер Ай-Ти, который только что отправил Поля искать утерянную книгу, решительно отложил свои бумаги в сторону. Какое-то время он провел в размышлениях, затем снял трубку телефона и, не обращаясь за помощью к секретарю, набрал известный только ему номер.

- Я бы хотел знать, как продвигается работа, – сказал он невидимому собеседнику, не здороваясь и не представляясь. Очевидно, с той стороны хорошо знали его голос и манеры.

Он выслушал то, что ему говорили, явно борясь с искушением перебить собеседника на полуслове.

- Меня начинает беспокоить ваша привычка рассказывать мне о разнообразных сложностях, - в голосе шефа появились металлические нотки. – Я вложил в это предприятие уже более двадцати миллионов долларов. Вы имеете в своем распоряжении самые суперсовременные процессоры, лучших программистов, к вашим услугам секретные криптологические протоколы ЦРУ и Агентства по национальной безопасности. Чего еще вам не хватает? Я рискую не только деньгами, но и головой, черт возьми!

- Что?! – воскликнул он, выслушав ответ. – Нет еще таких технологий? Так создайте их! У вас для этого есть все необходимое.

Шеф начал нервничать. Это было нехорошо.

- Учтите, что у нас, точнее – у вас, очевидно, появились конкуренты, - произнес он, взяв себя в руки. – Работы по проекту необходимо ускорить. Попробуйте расширить языковую базу. Сколько существует устоявшихся языков? Две с половиной тысячи? Ну, это же пустяки! Да, я понимаю, что не для всех языков

существуют общепринятые алфавиты. Не сомневаюсь, что проверять нужно несколько вариантов кодировки для каждого языка. Но мы оказались в цейтноте. Работайте по двадцать пять часов в сутки, но дайте результат! Если нас опередят... – шеф демонстративно вздохнул, - я не сторонник крайних мер, но ... подумайте о семье. Вы просто останетесь без работы, и надолго. Это я вам гарантирую.

Он положил трубку.

В этом деле было множество нюансов и деталей, о которых он не мог рассказать никому, особенно Полю. Да тот бы и не понял даже, если рассказать. Его адвокат был хорошим юристом и, похоже, преданным малым, но продуктом цифрового века, в котором люди сначала дают поработать компьютеру, а потом чаще всего соглашаются с предложенным машиной результатом. Мистер Ай-Ти был совсем из другого теста. В его молодости единственным доступным вычислительным устройством были собственные мозги и поэтому продукты, которые принесли ему большие, очень большие деньги, были настоящими прорывными решениями в области информационных технологий. Привычка думать не оставила его и в роли миллиардера, и именно размышления о будущем привели его, как это ни странно, в глубокое прошлое, к Архимеду.

Он, как никто другой, знал, что в наши дни мощность процессоров удваивается чуть ли не каждые три месяца. Созданы уже ядерные процессоры, производительность которых достигает триллионов операций в секунду. Весь мир плотно опутан паутиной всемирной сети, в которой обычные пользователи, правительственные и коммерческие предприятия, различного рода мошенники и жулики, а также разведки всех более-менее цивилизованных стран мира ловят свою «рыбку». Если представить, что однажды откажут пять-шесть ключевых серверов этой «паутины», мир ждет глобальная катастрофа. Так что же дальше? Есть ли предел у насыщенности нашей жизни электронными мозгами и не подменят ли они однажды реальный мозг человека? В отличие от множества ужасиков, в которых машины будущего поднимают бунт против людей, значительно более катастрофические последствия несет в себе подмена реального общения – социальными сетями, а умения мыслить – правильным подбором компьютерных программ.

И вот однажды ему попала на глаза публикация в журнале «Сайенс» о выдающихся изобретателях древности, среди которых одним из самых легендарных был назван Архимед. В статье говорилось, что большинство его работ ныне утеряно, а приписываемые ему открытия были, возможно, сделаны другими. Автор утверждал, что если бы удалось восстановить ход логических рассуждений великого грека, найти оригинальные описания его изобретений, то прогресс человечества опередил бы наше время минимум на сто лет.

Отлично. А зачем?

Именно эта мысль первой появилась в его голове. За ней последовали другие. Куда мы спешим? Какова цель бесконечного удвоения и утроения? Заработать больше денег? Больше потребить ресурсов? Быстрее истощить планету? Что такое

бесконечность с точки зрения нашего развития? Тогда он только начал изучать этот вопрос.

Затем произошло чудо. Стало известно, что на аукционе Сотби какая-то французская семья выставила на продажу древнюю книгу, в которой, по предварительным данным столетней давности, имелись уникальные, все еще не разобранные рукописи Архимеда. Он заплатил большие деньги за эту книгу и отдал ее в музей искусств Балтимора, чтобы ученые, наконец, вернули труды великого грека человечеству. Точнее, сначала ему, а потом – всем остальным.

Была, правда, еще одна цель. Но о ней специалистам из Балтиморского музея искусств знать было вовсе не обязательно.

Глава 4. Туман начинает рассеиваться

Опрос соседей практически ничего не дал. По их единогласному мнению, при жизни доктор Риц был образцовым членом местного жилтоварищества, всегда вовремя подстригал траву на лужайке перед домом и аккуратно убирал за собакой, когда выводил ее на прогулку. Он не был замечен в подозрительных связях и не доставлял соседям никаких хлопот. Короче говоря, никто ничего о нем толком не знал. Хотя одна наблюдательная старушка все же нашлась. Мадам Элеонора Госсип проживала в доме, расположенном через один от дома Рица, и кое-что видела. По ее словам, иногда Риц приезжал домой по вечерам не один, а с дамой, но при этом она затруднялась сказать, оставалась ли гостя до утра. Мадам Госсип лишь один раз видела эту женщину вблизи и поэтому не могла ее описать, хотя обещала узнать по фотографии. «Отлично, - подумал про себя Уитни, выходя из ее дома, - только вот где ее взять, эту самую фотографию?»

Это навело его на мысль еще раз осмотреть место преступления – благо ключ от дома был в кармане. При первом осмотре дома он в суете как-то упустил фотографии из виду. В жилище Рица было тихо и прохладно. Собаку забрали в приют, а сам дом стоял нетронутым, пока разыскивали родственников или наследников усопшего. До сих пор никто не объявлялся.

Джей-Кей не спеша прошелся по дому. Он поднялся наверх, в частные покои хозяина. В прошлый раз он ограничился личным осмотром только первого этажа. На втором все было скромно, аккуратно, по-деловому. Несколько фотографий на стенах: на одной, очевидно, были его родители, на другой – молодой Риц с какими-то друзьями, но ни одного женского портрета. И в то же время, в спальне имелся столик с зеркалом, который женщины обычно используют для нанесения макияжа, а в ванной – явно дамских размеров халат и розовые тапочки.

Уитни спустился вниз, в кабинет. Только сейчас он вдруг обратил внимание, что в кабинет вели две двери – одна со стороны парадного входа, а вторая – со стороны кухни, где был черный ход на небольшую лужайку за домом. Джей-Кей присел за стол в то самое кресло, где нашли тело Рица, и не спеша огляделся вокруг.

Он сидел боком ко входу со стороны коридора и спиной к кухне. Выходило, что Риц наверняка увидел бы любого посетителя, вошедшего через парадную дверь, но не мог контролировать то, что происходило у него за спиной, особенно, если вошедший через черный ход воспользовался ключом, а не взламывал замок. На всякий случай Уитни отметил этот факт в своем блокноте. Затем он осмотрел ящики письменного стола Рица. В них ничего особенного не обнаружилось. Однако один из выдвижных ящиков оказался запертым на ключ. Джей-Кей минут десять провозился, пока подручными средствами не вскрыл глубоко спрятанный в дерево замок. В ящике кроме нескольких не совсем понятных бумаг, густо испещренных какими-то цифрами и значками, лежала фотография, на которой Риц был изображен в окружении сотрудников – Уитни узнал, как минимум, одну из них - Маргарет Форбс. Он положил это фото во внутренний карман пиджака, затем обратил внимание на корзину для мусора, которая была будто нарочно задвинута глубоко под стол. В ней находилось несколько скомканных бумаг и один весьма любопытный клочок, оставшийся от листа бумаги, который явно пытались сжечь. Почему до сих пор никто не обратил внимания на эту корзину сказать было трудно, ведь именно в таких местах чаще всего встречаются весьма любопытные улики.

Он аккуратно достал этот клочок из корзины и положил перед собой на стол. Увы, на нем практически ничего не сохранилось. Была видна лишь часть какого-то вензеля, состоящего из букв «Эн» и «Ай», причем в «Ай» вместо точки был изображен красный огонек пламени. Уитни на всякий случай положил этот кусочек бумаги себе в блокнот и принялся разворачивать скомканные листы. Увы, это были просто счета, рекламные письма, в общем – обычный мусор, который образуется при разборе почты. «Что же, похоже, это все», - подумал про себя Джей-Кей. Пора было возвращаться в участок.

В офисе его ждал сюрприз в виде молодого человека в очень хорошем костюме с гладко зачесанными назад прямыми волосами и с кожаным портфелем в руках. Уитни автоматически отметил про себя его тонкие ничем не выдающиеся губы, серые глаза под аккуратно подстриженными бровями, небольшой, как для мужчины, нос и чуть островатые скулы. «Наверное, адвокат», - подумал он про себя.

- Детектив Уитни? – поинтересовался посетитель.

- Собственной персоной, - ответил Джей-Кей. – Чем обязан?

- Меня зовут Поль Манже, компания «Манже и Партнеры», - вежливо произнес гость. – Я представляю интересы собственника Кодекса Архимеда, той самой книги, которая исчезла из музея после смерти доктора Рица.

- Вы француз? – Уитни был не слишком приветлив. На этот раз посетитель ответил тем же.

- Скажем так, с французскими корнями. Но это не имеет отношения к делу. Я же не спрашиваю, почему вы развелись с женой.

Уитни не пропустил мимо ушей осведомленность этого Манже. Он, было, вспыхнул, но потом взял себя в руки. В конечном счете, это парень был прав - личные вопросы можно было бы и не задавать.

- Что вы от меня хотите? – спросил он, присаживаясь за стол. Гость остался стоять.

- Мы узнали, что вы ведете расследование о смерти доктора Рица. Позвольте поинтересоваться, а как обстоит дело с пропажей книги?

- Какой книги? – Уитни изобразил удивленное лицо.

Поль понимающе улыбнулся.

- Детектив, мы теряем время. Вы уже побывали в музее и отлично осведомлены, о чем идет речь. Книга стоит недешево, и она очень дорога моему клиенту. Было бы исключительно важно найти ее и вернуть.

- А кто он, этот ваш клиент?

- Это конфиденциальная информация, и об этом, - Поль слегка вздохнул, - вы тоже отлично осведомлены.

- Детектив, - продолжил он, - мы навели справки - у вас безупречная репутация умного человека. Мой клиент – просто собственник книги, он никогда сам не встречался и лично не знал доктора Рица. Это была случайная, как я полагаю, рекомендация друга – отдать книгу на исследование именно в музей искусств Балтимора, иначе выбор пал бы на Стэнфорд, где учился мой клиент. Но сейчас все это уже не имеет значения. Мы просто хотели бы, чтобы дело о пропаже книги было выделено в отдельное производство.

- Послушайте, господин Манже, - Уитни снисходительно взглянул на молодого человека снизу вверх, - я еще не знаю, что имеет значение, а что – нет. Мой опыт и интуиция подсказывают мне, что, может быть, со временем нам придется побеспокоить и вашего клиента, и даже его друга. Ничего нельзя исключать. А что касается книги, то открывать отдельное расследование по поводу ее исчезновения я смысла не вижу, только лишняя писанина. Очевидно, что смерть доктора Рица и пропажа книги тесно связаны между собой. Раскрытие одного дела повлечет за собой ясность в другом. Вы бы лучше сказали мне, для кого еще, кроме вашего клиента и ученых – энтузиастов древнегреческой математики, может представлять интерес подобная литература.

Поль протянул Уитни руку.

- Всего хорошего, детектив. Я могу сказать вам только то, на что меня уполномочил клиент. Вот моя визитная карточка. Умоляю держать меня в курсе в случае появления любых новостей по поводу книги.

Джей-Кей взял карточку и бросил ее в ящик стола. Там было уже сотен пять таких карточек. Если бы он каждого адвокатишку держал в курсе его расследований, ему пришлось бы работать тридцать шесть часов в сутки.

Когда Поль ушел, Уитни сходил на кухню, налил себе кофе, вернулся в офис и откинулся в кресле, чтобы поразмышлять. В деле Рица его очень раздражало отсутствие каких-либо зацепок. Он не имел права признаваться этому Полю, что и дела-то об убийстве пока никакого нет – для того, чтобы оно появилось, следовало дождаться результатов судмедэкспертизы. Только в том случае, если смерть Рица будет признана насильственной, он имел возможность привлечь серьезные ресурсы, а пока это выглядело обыкновенной кражей, даже без взлома. Телефонный звонок вернул его к реальности. Это был старинный друг и соратник детектива Уитни – старший офицер группы судебной медицинской экспертизы Грег Норман.

- Сегодня ты именинник, Джей-Кей, - произнес Грег своим слегка хрипловатым голосом. – У меня для тебя сюрприз. – Грег сделала паузу. - Но не совсем обычный. Слушай меня внимательно. Этот Риц действительно умер от внезапной остановки сердца. Он был гипертоник и постоянно принимал лекарства для снижения давления, которые влияют на сердечный ритм. Теоретически, даже небольшая передозировка таких препаратов могла вызвать смерть, особенно, если прием лекарств сопровождался физическим или умственным перенапряжением, иначе говоря – нервным стрессом. Дело в том, что при перегрузке нервной системы может нарушиться деятельность водителей ритма сердца, и тогда внезапная смерть наступает через резкую потерю сознания в течение примерно часа с момента появления острых симптомов. Особенно часто такие вещи происходят в ночное время, когда частота сердечных сокращений резко сокращается. Впрочем, все, что я тебе говорю - теория, поскольку об этой болезни еще известно очень мало. Как ты понимаешь, те, кто ею заболевают, рассказать врачам уже ничего не могут.

Уитни внимательно слушал Грега, не перебивая. Однако потом все же не выдержал:

- Так в чем же сюрприз?

- Я как раз к этому и веду. Видишь ли, на теле Рица нет никаких следов насилия, все выглядит естественно, но...меня смущает одно небольшое и едва заметное красное пятнышко в области шеи...я бы сказал, как след от укуса насекомого или, скорее, от укола.

- Вот как? И что?

- Есть группа психотропных препаратов, в частности, производных дибензодиазепина, или антигипертензивных, которые могут вводиться с помощью шприца. Если требуется, чтобы они подействовали быстрее – это самый эффективный способ и есть.

Уитни напрягся. Это уже было кое-что.

- Ты хочешь сказать, что ему насильно могли сделать укол, вызвать эффект аритмии, причем спровоцировать нарушение сердечного ритма весьма быстро, отсюда – как минимум - потеря сознания, а как максимум – смерть?

- Именно. Жаль только, что доказать этого я не смогу. Даже, если следы этих препаратов есть в крови покойного, невозможно определить, что он их не принял в

виде таблеток как регулярное лекарство. Так что считай мое предположение об уколе догадкой, плодом интуиции, если хочешь.

- Спасибо, Грег, с меня пиво.

- Договорились. Только не забудь, что «Самуэль Адамс», и вообще любое бостонское пиво, я не пью из принципиальных соображений.

- Да ладно тебе, «Ред Сокс» стали чемпионами впервые за последние тридцать два года.

- Нет! Я им никогда этого не прощу!

Не успел Уитни положить трубку, как в его кабинет без стука вошел капитан Уайт. Он явно был чем-то озабочен. Начальник отделения полиции был, в сущности, хорошим мужиком, без звезд, но и без претензий. Высокий, рано поседевший и прихрамывающий на одну ногу после давнего ранения, обычно он не мешал работать подчиненным, поэтому Уитни не ждал от него неприятностей. Уайт присел на стул напротив детектива. Джим вопросительно взглянул на начальника – тот не имел привычки просто так ходить по кабинетам сотрудников, значит, что-то случилось.

- Ты меня знаешь, Джей-Кей, - решительно сказал Уайт, глядя прямо в глаза Уитни, - я не люблю вмешиваться. Это не мое решение. В общем, дело Рица забирают себе федералы. Нам остается кража.

В дверях показался крепкий чернокожий парень в сером костюме, белой рубашке и дешевом галстуке.

- Это агент Марли, - представил его Уайт. – Передай ему все дела.

Сказать, что детектив Уитни был разочарован – это ничего не сказать. Когда-то он и сам подумывал перейти работать в Бюро, потому, как все вкусные дела всегда доставались им. Однако потом случился развод, да и насиженное место бросать не хотелось.... Короче говоря, Джей-Кей остался в своем родном округе и теперь был вынужден терпеть подобные выходки конкурирующей фирмы. Он сложил в папку те немногочисленные документы по делу Рица, которые успел оформить, и с кислым выражением лица протянул ее агенту Марли. Тот взял папку, поблагодарил, и они вместе с капитаном Уайтом оставили Уитни в одиночестве.

Через несколько минут в его кабинет зашел молодой стажер, в обязанности которого входило разносить сотрудникам почту. Это был высокий блондин явно ирландской наружности. Он аккуратно положил на стол Уитни пачку разнообразных конвертов. Совершенно автоматически Джей-Кей проследил за движением рук стажера и обратил внимание на его тонкие, как у пианиста пальцы. Затем стажер вышел, а Джим бегло просмотрел почту, не вскрывая писем. Одно из них в белом конверте почему-то без марки и почтового штемпеля, на котором вручную, печатными буквами было написано только его имя, привлекло его внимание. Он вскрыл конверт. Там было короткое сообщение, напечатанное на компьютере:

«Кодекс Архимеда. Бест Вестерн, 22 Ист Файет Стрит. Сергей Трубецкой».

Все остальное было делом техники.

Глава 5. Здравствуй, Америка!

«В Америке все, как у нас, только наоборот», - вспомнились Трубецкому слова известного советского сатирика времен перестройки, когда они с Анной ехали в такси из международного аэропорта «Би-Дабл Ю-Ай» в Балтимор. Девятичасовой перелет из Вены прошел без приключений, если не считать испорченного перед посадкой на самолет настроения в связи с крайне жестким «шмоном» сотрудниками «Австрийских авиалиний». Сергею Михайловичу с трудом удалось отстоять свой портфель с ноутбуком, который настырные австриячки пытались сдать в багажное отделение. Помогло знание Анной немецкого языка.

И вот, они в США. Вопреки ожиданиям, пограничный контроль и таможня были пройдены как по маслу, а при выходе из терминала их будто поджидало такси. Размер автомобиля поражал. Эта была знаменитая «краун виктория», в которую легко и без всякого неудобства могло бы поместиться человек восемь, но рассчитана она была всего на трех пассажиров. Затем, дорога. Трасса «Ай-95» тянется вдоль всего Восточного побережья США – от Канады до Флориды. И на всем своем многотысячном протяжении это дорога отличного качества: не имеет значения, какой штат вы проезжаете - Нью-Йорк, Мериленд, Южную Каролину или Джорджию. Наконец, американские города. Совершенно невозможно понять, почему их дома не берет ни грязь, ни пыль, ни снег, ни дождь. В большинстве своем они выглядят чистенькими, ухоженными и аккуратными, будто построенными вчера. Система транспорта, светофоры, дорожные указатели, разметка, парковка – все продумано, логично и до отвращения четко работает.

Таким был и Балтимор, названный по имени британского лорда – основателя колонии Мериленд. Его имя не имело ничего общего с Балтийским морем, как думают некоторые. Оно происходило от англоизированного варианта ирландской фразы, означающей «город большого дома». Лорд Балтимор перебрался в Новый Свет в первой половине XVII века, основал в северной части Вирджинии новую провинцию, а затем и город. Позднее провинция стала штатом, а Балтимор – его крупнейшим населенным пунктом.

Для профессора Трубецкого с супругой был забронирован отель популярной американской сети «Бест Вестерн» в двух шагах от музея, на Ист Файет Стрит, 22. Когда они добрались до гостиницы, уже наступил вечер. По традиции, во время перелета Сергей Михайлович не сомкнул глаз, впрочем, как и Анна Николаевна, и поэтому первым делом им нужно было привести себя в порядок. Не мудрствуя лукаво, они решили улечься спать, ведь все равно в музее их ждали только утром. Настроение у Трубецкого и Анны было приподнятым: с момента приземления их самолета все шло просто замечательно. В отеле возникла только одна небольшая заминка – с документами. Уже после поселения в номер их попросили еще раз

спуститься вниз, в лобби – почему-то потребовалось сделать копии с их паспортов. Вся процедура заняла около пяти минут, и этот маленький эпизод забылся сразу, как только Сергей Михайлович с супругой провалились в сон.

Их разбудил громкий и настойчивый стук в дверь. Трубецкой открыл глаза, медленно приходя в сознание и пытаясь припомнить, где это он находится. «Балтимор! - мелькнуло у него в голове. – Мы же в Америке». Он взглянул на часы. Было пять тридцать утра по местному времени. «Что за черт!» - выругался он про себя, натягивая спортивный костюм. Сергей Михайлович открыл дверь. Это была полиция.

- Господин Трубецкой? – с трудом выговаривая сложную русскую фамилию, произнес, очевидно, старший из трех офицеров, стоящих перед ним в коридоре. Одним из полицейских была женщина.

- Да. - Сергей Михайлович окончательно проснулся. Он услышал, что проснулась и Анна. – Чем могу служить?

- Полиция Балтимора. Прошу вас выйти в коридор и подождать здесь. Офицер Браун, - он указал на женщину, - поможет собраться вашей жене.

- А в чем, собственно, дело? – спросил Трубецкой. - Мы только вчера прилетели....

- Мы вам все объясним, только чуть позже.

Сергей Михайлович пожал плечами. Ему ничего не оставалось, как выполнить то, на чем настаивал полицейский. Женщина-офицер прошла в номер, и Трубецкой услышал, как она попросила Анну Николаевну одеться. Во время этой процедуры офицер Браун оставалась в номере с Анной, а мужчины ждали за дверью. Наконец, дверь распахнулась, Браун сообщила, что они готовы и все прошли в номер. Было уже почти шесть утра, когда явился еще и дежурный служащий отеля. В и так не слишком просторной комнате сразу стало тесно и душно.

- Это ваш багаж? – спросил старший офицер, указывая на еще нераспакованные сумку и чемодан, стоящие справа от входа в промежутке между небольшим письменным столом и полуторной кроватью.

- Да, - кивнул Трубецкой. – Сумка моя. А в чемодане – вещи моей супруги. Мы даже не успели их распаковать.

- Вот ордер на обыск, выданный окружным судьей, - офицер протянул ему какую-то бумагу. – Вы подозреваетесь в контрабанде музейных ценностей. Сергей Михайлович бегло взглянул на ордер, но ничего в нем не понял – разница в семь часов давала о себе знать.

Полицейский кивнул головой одному из своих подчиненных:

- Откройте сумку.

– Вы, - теперь он обратился к служащему отеля, - будете свидетелем.

Офицер с деловым видом надел на руки резиновые перчатки, присел возле сумки, немного повозился с замком и открыл ее. Затем он стал вынимать из сумки

вещи – одну за другой, пока не обнаружил какой-то небольшой, но объемный сверток – нечто, завернутое в белую ткань. Офицер осторожно взял сверток в руки, положил на стол и бережно развернул его. Это была книга, весьма старинного вида, в половину стандартного листа. Офицер предъявил книгу Трубецкому и Шуваловой.

- Это ваша книга?

- Впервые вижу, - ответил Сергей Михайлович.

- Я тоже, - присоединилась к нему Анна Николаевна. – Это какое-то недоразумение или провокация. Мы приехали в Соединенные Штаты по приглашению музея искусств Балтимора для совместной работы над редкой рукописью, находящейся у них на хранении. Мой муж – известный в мире профессор-лингвист. Мы не знаем, что это у вас в руках, - она указала на книгу, которую держал офицер, - и откуда этот предмет взялся в сумке у моего мужа. Но мы точно знаем, что ни в какой контрабанде не замешаны.

- Очень хорошо, - сказал на это старший офицер. – А вы могли бы предъявить ваше приглашение?

- Разумеется. Оно в другой сумке, вон в той, - Трубецкой указал на небольшой портфель, который он брал с собой в салон самолета. Там были документы, деньги, пара книг для того, чтобы скоротать время в полете, и лаптоп.

- Достаньте, только медленно и так, чтобы я видел ваши руки.

Сергей Михайлович открыл портфель, вытащил бумаги и протянул полицейскому оригинал письма, полученный им из Балтимора.

Офицер взял в руки письмо и пробежал глазами. Его брови на мгновение подскочили вверх, когда он увидел подпись. Письмо переключало к одному из его помощников.

- Есть ли в ваших вещах еще какие-нибудь музейные ценности? – спросил он.

- Разумеется, нет, - Трубецкой пожал плечами. – Моя супруга уже сделала вам заявление по этому поводу.

- Хорошо, мы все проверим. А вам придется пройти с нами. Все ваши вещи тщательно соберут и привезут в участок. Это письмо я возьму с собой, - сказал он сухо.

Сергей Михайлович и Анна тревожно переглянулись. В этот момент Америка перестала им нравиться.

В полицейском участке Юго-западного округа Балтимора в этот утренний час было немногочисленно. У Трубецкого и Шуваловой взяли отпечатки пальцев и поместили в небольшую квадратную, выкрашенную в серый цвет комнату для допросов, в которой кроме стола и стульев, ужасно напоминающих столовую мебель времен распада СССР, ничего не было. Они просидели там почти час, стараясь не говорить ничего лишнего, только поддерживали друг друга. Все происходящее напоминало стандартный голливудский детектив: приходило в голову, что одна из стен комнаты прозрачная, и за ними извне наблюдают, а все разговоры записывают.

Кстати, как выяснилось позже, и то, и другое было правдой. Наконец, дверь отворилась, и в комнату вошел коренастый, с крупными чертами лица полицейский в штатском. На вид он производил впечатление умного человека. В одной руке офицер держал папку с бумагами, а в другой большую чашку кофе – неизменный атрибут любого рабочего процесса в Соединенных Штатах. Офицер присел за стол.

- Меня зовут детектив Уитни, - сказал он. – Я веду ваше дело.

- Какое, простите, дело? – несколько нервно поинтересовался Трубецкой. – Я – профессор лингвистики из Украины, из Киевского университета, а это моя жена Анна, она историк. Американские коллеги пригласили нас для работы над совместным проектом, а вместо этого мы оказались в полиции. Хочу вам сразу заявить: никаких старинных книг мы в США не привозили, вывозить не собирались и как та книга попала в мою сумку – ни я, ни Анна не имеем ни малейшего представления. Этот какое-то дурацкое недоразумение.

- Или провокация, - добавила Анна.

Детектив Уитни спокойно выслушал этот монолог.

- Отлично, - сказал он. – Тогда начнем сначала. Вы сказали, что вас пригласили в Балтиморский музей искусств, так?

Трубецкой кивнул:

- Именно.

- Этим письмом? – Уитни показал ему то самое письмо, которое пришло в Киев по почте и было изъято у Трубецкого этим утром в отеле.

- Да.

- Знаете ли вы, что доктор Стивен Риц умер?

Возникла пауза. Сергей Михайлович не знал, что ответить. С одной стороны, он знал о смерти Рица, с другой – как объяснить этому полицейскому странное появление газеты «Балтимор Сан» в киевском почтовом ящике?

- Вы были знакомы с доктором Рицем? – спросил Уитни, заполняя какой-то формуляр.

- Нет.

- Вас не удивило такое приглашение от незнакомого вам коллеги - прибыть через океан для изучения какой-то книги?

- Вы знаете, детектив, - в разговор снова вступила Анна, – давайте оставим эмоции в стороне. Удивило нас что-то или нет – это чистые эмоции. В мире ученых бывают самые разнообразные приглашения, мы и не такие видали. Мой муж – известный ученый, и ничего нет странного, если коллеги приглашают его за границу для совместной работы. И вообще, это не наша компетенция – доказывать или объяснять что-либо. Мы хоть и иностранцы, но немножко знаем свои права. Во-первых, я гражданка России, так что мы требуем, чтобы о нашем задержании сообщили в посольства как Украины, так и Российской Федерации. Продолжать разговоры мы будем только после консультаций с консулами. Во-вторых, мы имеем право не свидетельствовать против себя. В-третьих, если презумпцию невиновности

никто не отменял, то вы не можете держать нас в участке. Иначе докажите, что мы где-то украли или незаконно приобрели эту книгу, или подделали письмо, на основании которого нам, между прочим, без всяких проблем выдали визы, или что там еще вы собираетесь нам инкриминировать. У вас нет, и не может быть никаких доказательств, что мы нарушили законы Соединенных Штатов.

Уитни внимательно выслушал Шувалову. Ее английский был не идеальным, но смысл сказанного он понял хорошо.

- Я вовсе не собирался предъявлять вам обвинения, - произнес он миролюбиво, – это не моя функция. И консулов, если надо, пригласим обязательно. Но посудите сами: в городе совершено громкое преступление, очевидно, убийство с ограблением, пропала книга стоимостью в два миллиона долларов, которую находят в сумке прибывших в Балтимор иностранцев. По счастью, я отлично знаю, что такое Украина, и отношусь к выходцам из этой страны с уважением, но у нас теперь есть веские сомнения относительно истинной цели вашего приезда. Вокруг этой книги заваривается какая-то каша, и ваше появление – только один из странных эпизодов в этой истории. Скажите, в связи с поездкой в США ничего необычного с вами не происходило?

Трубецкой снова хотел было сказать ему о газете, подброшенной в их почтовый ящик, но пристальный взгляд Анны его остановил.

- Нет, - сказал он. – Мы ничего такого не заметили.

- Нет, - подтвердила Анна.

- Балтимор – это единственный город, который вы собирались посетить?

- Да.

- Хорошо, - подытожил Уитни, - я к вам скоро вернусь.

Он захлопнул папку с бумагами, поднялся и вышел. Трубецкой и Анна снова остались одни, но на этот раз ненадолго.

Примерно через полчаса в комнату вошел офицер полиции и сообщил, что их дело направляется на дальнейшее расследование. Однако виза господина Трубецкого, в сумке которого была найдена книга, аннулирована, в связи с чем ему следует немедленно покинуть страну. По результатам расследования будет принято решение о дальнейшем уголовном преследовании в отношении господина Трубецкого или снятии с него всех обвинений. Госпожа Шувалова, если желает, может оставаться в США. Транспорт до аэропорта и, при необходимости, перебронировку билетов обеспечит полиция Балтимора.

Трубецкой и Анна переглянулись.

- Все ли вам понятно? - спросил офицер.

- Да, - ответил Сергей Михайлович. – Хотя я еще раз категорически заявляю о своей невиновности. Офицер пожал плечами: его подобные заявления уже не волновали.

Трубецкой снова взглянул на Анну. Решение возникло само собой. Они приняли его без лишних слов.

Глава 6. Книга нашлась

Детектив Уитни сидел за своим рабочим столом и задумчиво вертел в руках визитку Поля Манже. Он с трудом откопал ее среди других подобных карточек, скопившихся за много лет в выдвижном ящике его стола. И раз уж визитка нашлась – придется звонить этому адвокату. Да и капитан Уайт просил его об этом. Видимо, анонимный хозяин книги не только чрезвычайно богат, но и достаточно влиятелен, раз начальство так о нем беспокоится.

Джей-Кей набрал указанный на визитке номер телефона. Трубку подняли не сразу, но зато Поль ответил на звонок лично.

- Поль Манже слушает.

- Добрый день. Это детектив Уитни, Юго-запад. У меня для вас есть новости.

- Детектив, я рад вас слышать, - фальшиво произнес дежурную фразу Манже. – Как вы поживаете?

Уитни проигнорировал эти формальности.

- Книга нашлась. Она сейчас находится здесь, у нас, в участке. Но я не думаю, что это подходящее для нее место. Вам придется снова нас посетить, чтобы оформить все необходимые бумаги и забрать вашу бесценную книгу. Чем скорее вы это сделаете – тем лучше.

- Отличная новость, - воскликнул Поль. – И где же она была, если не секрет? Книга в целости и сохранности?

- Я не могу ответить на ваши вопросы, - сухо сказал Уитни. Этот восторженный адвокатишка определенно ему не нравился. – Где она была – это тайна следствия, которое, кстати, еще не завершено. И не мне судить, цела ли книга, ведь я ее видел только мельком и не являюсь специалистом по старинным рукописям. Могу только гарантировать, что мы передадим ее вам точно в таком же виде, в каком она досталась нам.

- Хорошо, я приеду через два часа. Устроит?

- Вполне, - ответил Джей-Кей. – Но не позже, у меня сегодня еще масса дел.

Поль сделался серьезным, как только положил трубку. Он находился у себя в офисе, который, разумеется, не отличался таким шиком, как у некоторых его клиентов, но тоже был обставлен со вкусом. Манже предпочитал все белое – цвет кожаных диванов и кресел, ковра на полу, и даже стен – белых с нежным серовато-бирюзовым отливом. В тон стенам был сделан и стол, и офисное кресло. Единственным темным пятном на столе была черная с золотом перьевая ручка «монблан» - к сожалению, белых ручек у них не оказалось.

Когда позвонил Уитни, Поль как раз сидел в своем белом кресле и разбирал утреннюю почту. Закончив разговор с детективом, он встал, прошелся по кабинету, о чем-то напряженно раздумывая, затем подошел к окну. С двадцать четвертого этажа

офисного здания в Росслине, где арендовала помещения компания «Манже и Партнеры», открывался великолепный вид на Потомак, покрытый зеленью остров Рузвельта и Национальный Молл, от монумента Линкольну вплоть до скрытого легкой дымкой здания Конгресса. Очертания главного законодательного органа страны напомнили ему о начальстве.

Он вернулся за стол и набрал знакомый номер телефона. Ответила секретарь.

- Это Манже. Мне нужно срочно переговорить с шефом.

- Минуточку.

Мистер Ай-Ти поднял трубку.

- Доброе утро, сэр, это Поль. Книга нашлась. Деталей пока не знаю. Я собираюсь заехать в участок, чтобы забрать ее. Хотел бы получить ваши инструкции относительно моих дальнейших действий.

Голос шефа не обнаружил никаких эмоций. Он был ровный, будто ничего особенного не случилось. Поля всегда поражало умение его клиента создавать впечатление, что все важные события вокруг него происходят исключительно под его контролем или, как минимум, с его ведома.

- Возьмите с собой моих ребят, так, на всякий случай. Вам с ними будет спокойнее. Книгу верните в музей. Жив Риц или нет, - работу его люди должны закончить. Только предупредите их, да и директора музея тоже, что если книга исчезнет еще раз, судебного преследования со всеми вытекающими последствиями им не избежать. Я им доверил Кодекс Архимеда не для того, чтобы потом разыскивать его по всему миру.

Раздались короткие гудки. Через пятнадцать минут Поль выехал из подземного гаража на своем черном «кадиллаке». «Ребята» от шефа уже ждали его снаружи. Они выстроились колонной и помчались в Мериленд.

Остаток дня Поль Манже провел в Балтиморе. Около получаса заняло оформление бумаг в полиции, после чего, наконец, книга переместилась из сейфа капитана Уайта в специальный металлический портфель – сейф, вмонтированный между задних сидений «кадиллака». Манже повел себя корректно и не забыл поблагодарить и Уайта, и Уитни, после чего отправился в музей.

Там он узнал, что новым руководителем группы, которая занималась изучением старинных манускриптов из фондов музея, назначена доктор Маргарет Форбс. Этим утром вся группа присутствовала на поминальной службе в честь доктора Рица, и к приезду Поля настроение в лаборатории было соответствующим. Но Манже не мог ждать, пока сотрудники музея отойдут от грустных размышлений. Он уединился с доктором Форбс в бывшем кабинете Рица, где еще даже не успели убрать его личные вещи, и вручил ей книгу – из рук в руки.

- Контракт с музеем никто не отменял, - сказал он. – Владельца Кодекса Архимеда интересует детальная расшифровка работ греческого ученого, и я уполномочен выразить надежду, что у вас все получится.

Маргарет прекрасно владела собой и единственным на ее лице, что выдавало эмоции, были глаза. Было очевидно, что на протяжении нескольких последних дней им пришлось поплакать. Поль только сейчас обратил внимание, что и в свои «около сорока» Форбс оставалась красивой женщиной – короткая стрижка «каре» густых каштановых волос, нехарактерная для англо-саксонских женщин женственная фигура, выразительные зеленые глаза, изящно очерченные губы. Даже легкие морщинки в уголках глаз вовсе не старили, а придавали ее лицу дополнительный шарм.

Она бережно взяла книгу и сразу же поместила ее в стоящий тут же в кабинете сейф.

- Спасибо за доверие, - произнесла она, закрывая дверцу сейфа. – Смерть доктора Рица означает большую потерю для нас, он был отличным специалистом. Но мы выполним то, что обещали, вся группа в сборе и готова продолжать работу. Собственно, мы и не останавливались – все страницы манускрипта тщательно отсканированы и сфотографированы, большинство - в разных частотных диапазонах с использованием специальных источников света. Так что у нас каждая строчка - без преувеличения - просвечена и задокументирована.

- О'кей, я понял, - Поль кивнул головой. – Но скажите тогда, просто ради любопытства, зачем Рицу нужно было брать книгу с собой? Разве у него дома были установлены более мощные приборы, чем те, которые используются в лаборатории?

- Я не могу ответить на этот вопрос, - доктор Форбс пожала плечами. – Мы и сами теряемся в догадках.

- Маргарет, что вы делаете сегодня вечером? Может, поужинаем вместе? – Поль явно заинтересовался этой женщиной. Как всякий истинный француз, он никак не мог упустить случая, чтобы попытаться завоевать очередную даму. Впрочем, в отличие от большинства самцов, его привлекала не только внешность женщины, но и ее ум. Маргарет обладала и тем, и другим.

Он напоролся на возмущенный взгляд ее зеленых глаз.

- По вечерам я ужинаю со своим мужем, - холодно сказала она. – А сейчас мне пора в лабораторию. Мы сообщим вам о результатах, когда закончим.

Что-то подсказывало Уитни, что ему необходимо еще раз посетить окрестности дома, где жил Риц. За всей этой суетой он совершенно забыл о фотографии, которую обнаружил в доме усопшего, и теперь, покачиваясь в своем хорошо насиженном кресле, разглядывал ее с любопытством. Среди коллег Рица было несколько весьма привлекательных женщин, вот хотя бы эта Форбс, или вот эта сексапильная блондинка с краю... Скорее всего, это его секретарь или лаборантка... Или вот эта брюнетка на переднем плане... Уитни решил, что с этой фотографией стоит попытаться счастья. Все равно другой у него не было. Он взял машину и отправился к старушке Госсип: чем черт не шутит, когда Бог спит?

Однако быстро сделать дело ему не удалось. Уитни пришлось зайти в гости и отведать специального чаю, который приготовила для него наблюдательная мадам. Она наотрез отказалась говорить о делах, пока детектив не выпьет как минимум одну чашку. Было очевидно, что для нее визит детектива Уитни был редким приключением, которое очень ее радовало. Старушка от волнения вся раскраснелась и тараторила без умолку. К его приходу она немало потрудилась над своей внешностью, уложив седые волосы в «каре», подкрасив токие, уже ставшие дряблыми губы и даже выцветшие глаза. Прошло всего двадцать минут, а Джей-Кей уже был посвящен во все сплетни местного жилтоварищества. Наконец, ему удалось вклиниться в поток ее слов и предъявить фото из дома Рица. В который раз Уитни мысленно похвалил себя за терпение и выдержку, воспитанными годами жизни с Мартой, которая очень любила поговорить.

Мадам Госсип повела себя крайне ответственно. Она взяла очки, тщательно их протерла, удобно устроилась в кресле, включила лампу и, взяв фотографию двумя руками, стала пристально ее разглядывать.

- Так вот же она! - вдруг громко произнесла старушка, указывая пальцем на кого-то из запечатленных на снимке. – Это та самая дама.

Уитни чуть не подпрыгнул от неожиданности и предчувствия удачи. Он поднялся, обошел сзади кресло, в котором сидела мадам, и спросил:

- Покажите-ка ее мне, дорогая мадам Госсип.

- Элеонора, - сказала она не без кокетства, - для вас я просто Элеонора.

Сухенький и тонкий палец старушки как флюгер указывал в единственно правильном направлении – на миловидное лицо доктора Маргарет Форбс.

- Вы уверены? – переспросил Уитни.

- Да, абсолютно точно. Это она.

Джей-Кей вернул себе фотографию и поцеловал мадам Госсип руку.

- Я вам очень признателен, и за чай, и за помощь. Вы были просто восхитительны, - сказал он на прощание и откланялся.

Поднять досье на Маргарет Форбс оказалось делом несложным. Впрочем, в нем не обнаружилось ничего особенного за исключением нескольких тонких моментов. Во-первых, Форбс – это была девичья фамилия Маргарет, которую она сохранила и после замужества. Как оказалось, она происходила какими-то далекими корнями из знаменитого ныне семейства Форбсов, которые, в свою очередь, были выходцами из Шотландии. Во-вторых, госпожа Форбс была замужем за неким Уильямом Коллинзом, но детей у них не было. В-третьих, этот самый Коллинз имел как минимум один привод в полицию за насилие в семье на почве ревности. Правда, это случилось с его первой женой, а не с Маргарет.

Уитни даже присвистнул. Это была уже кое-что. Ревность - отличный мотив для преступления. У него в голове сразу лихорадочно закрутились все необходимые шестеренки. Выходило так: Коллинз каким-то образом узнает, что Маргарет состоит в

любовной связи с Рицем. Он выслеживает ее и, вместо того, чтобы закатить ей скандал на почве ревности и на этот раз точно загреметь в тюрьму, учитывая уже один имеющийся привод в полицию, решает разобраться с обидчиком самостоятельно. Он находит способ проникнуть в дом Рица, делает ему инъекцию, зачем-то забирает книгу, но потом понимает, что это – улика и решает от нее избавиться.... Нет, что-то не получается. Как он проник в дом, не взламывая замка? Почему собака никак на него не среагировала? Если он взял книгу, то зачем? Откуда он мог узнать о приезде этого профессора из Украины и как умудрился подбросить ему книгу? А если он ее не брал, то, значит, был кто-то третий? Уитни вздохнул. Чертовы федералы! Коллинз – это, очевидно, не старушка Госсип, и просто так чаем поить не будет. Для того чтобы его допросить, нужна санкция, и как минимум – районного прокурора. А прокурору нужно либо выдвинутое против Коллинза обвинение, либо четкая версия. Он набрал номер телефона Грегга Нормана.

- Старина, не в службу, а в дружбу – ты не в курсе, как там федералы двигаются по делу Рица?

Ответ Нормана был обескураживающим.

- Знаю, Джей-Кей, как не знать. Они ведь забрали у меня и акт экспертизы, и само тело. Мне сообщили, что дело закрыто. Врачи в Бюро решили, что Риц умер своей смертью. В таких случаях, увы, медицина бессильна.

Глава 7. Нелетная погода

Весь полет назад в Европу Трубецкой напряженно думал о том, что произошло с ними в США. Впервые в жизни его доставили в аэропорт и на посадку в сопровождении полиции, и это было очень унижительно. К чувству несправедливости, которое переполняло его с момента объявления об аннулировании визы, примешивалось ощущение стыда, хотя, в общем-то, стыдиться ему было нечего. Сергей Михайлович пытался проанализировать случившееся с ними в Балтиморе и пришел к выводу, что они с Анной стали жертвой какой-то грязной игры вокруг книги. Впрочем, еще в Киеве появление этой странной газеты в почтовом ящике уже было сигналом к возможным неприятностям. Сейчас чувство обиды было особенно острым еще и потому, что ему даже не дали возможности встретиться с теми сотрудниками музея, которые работали над палимпсестом. К счастью, Анне Николаевне разрешили остаться в Балтиморе. Она сможет и группу доктора Рица отыскать, и, если понадобится, продолжить контакты с местной полицией. Само собой разумеется, что отныне приоритетом номер один для нее стало доказательство невинности Трубецкого и снятия с него всех подозрений. В такой ситуации им было уже не до древнегреческой математики.

Размышления Сергея Михайловича были прерваны сообщением командира воздушного судна, что в связи с плохой погодой над Европой их самолет произведет посадку в Лондоне. Вообще-то маршрут Трубецкого предполагал пересадку во

Франкфурте, однако и Лондон тоже было неплохо. Слова пилота вскоре были подтверждены сильной турбулентностью, которая сопровождала их почти до самой посадки в Хитроу. Самолет трясло так, что даже думать о дальнейших действиях было невозможно. План созрел уже после приземления. Сергей Михайлович решил задержаться в Англии – благо, у него была открытая британская виза и ее никто не отменял, - и отправиться в Кембридж. Ведь именно в библиотеке этого университета с конца XIX века хранилась та самая страничка, которую в 1840 году вырвал из Кодекса Архимеда Людвиг фон Бекендорф. Если уж ему не дали поработать с книгой в Балтиморе, а судьба привела его в Британию, Трубецкой решил, что это знак свыше. Такой шанс следовало использовать на все сто.

Дорогу от аэропорта до Кембриджа автобус преодолел за неполных два часа. Первым делом Сергей Михайлович снял скромный номер в местной гостинице и привел себя в порядок. Ему вовсе не хотелось заявиться в столь благородное учреждение, как Кембриджский университет, небритым, помятым и с красными глазами. В Лондоне Трубецкой бывал часто, и в Британском музее у него было множество знакомых, но вот Кембридж он посещал впервые. Чтобы не выглядеть профаном, а таких не любят нигде, он решил сначала навести справки об университете из общедоступных источников. Трубецкой спустился в фойе гостиницы, где был компьютер с интернетом. Через полчаса он без труда выяснил, что в Кембридже несколько библиотек и музеев, и, теоретически, заветная страница могла храниться в любом из них. Чтобы сэкономить время, Сергей Михайлович решил позвонить одному из своих знакомых, который работал в Британском музее и не раз помогал Трубецкому в его исследованиях. К счастью, тот оказался на месте, хотя и был немало удивлен неожиданному звонку коллеги из Киева. Еще больше он удивился вопросу, который интересовал Сергея Михайловича.

- Такая страница, о которой вы говорите, может храниться в любой из кембриджских библиотек... Я даже затрудняюсь вам что-то посоветовать, - сказал он. – Совершенно не представляю, как вы сможете ее там найти. Разве что она есть в электронном каталоге редких рукописей?

Если бы Трубецкой был меньше сконцентрирован на собственных проблемах, он бы почувствовал, что его знакомый изрядно волновался, подбирая слова. В его голосе сквозило напряжение, которое он явно пытался скрыть. Однако в тот момент Сергей Михайлович не был настроен на тонкие ощущения.

- Я думаю, - продолжил британец осторожно, - что можно поискать в музее Фицвиллиэм на Трампингтон Стрит. Он был основан седьмым виконтом Фицвиллиэмом Меррайоном в 1816 году как музей искусства и старины университета Кембриджа. Вполне можно предположить, что в конце XIX века как раз этот музей и скупал всякие старинные артефакты для своей библиотеки. Я припоминаю, что там есть, кроме всего прочего, старинные композиции из Египта, Греции и Рима, восточного искусства, японские печатные издания, шедевры живописи и рисунки

Леонардо да Винчи, Рембрандта, Рубенса... В качестве альтернативного варианта я бы предложил рассмотреть Тринити колледж, который был основан в составе университета королем Генри VIII где-то в середине XVI века. Библиотека этого колледжа была собрана сэром Кристофером Реном в конце XVII столетия, тогда же для нее построено и здание. Она содержит множество великолепных рукописей, самой ценной из которых, кстати, вам это может быть интересно, является копия посланий Святого Павла от восьмого столетия.

Сергей Михайлович терпеливо выслушал эту тираду.

- Спасибо, дружище, - ответил он, стараясь придать своему голосу теплоту, - но сейчас Святой Павел занимает меня меньше всего.

Трубецкой воспользовался советом и позвонил в музей Фицвиллиэм и библиотеку Тринити колледжа. Самым большим разочарованием для него стало то, что оба названных учреждения оказались уже закрыты. Поиски страницы из Кодекса Архимеда пришлось отложить на следующий день.

Сергей Михайлович давно усвоил, что завтрак в Британии – это не обязательно овсянка. Хотя овсянку тут умеют готовить весьма неплохо. И все же, слава Богу, что кроме нее в современных английских отелях подают также глазунью с беконом или сосисками, тосты и кофе. Только ни за что нельзя соглашаться на так называемый «континентальный» завтрак, который представляет собой тот же второй вариант английского, только в нем яичницу заменяют кукурузными хлопьями с молоком. Разумеется, что Сергей Михайлович предпочел именно яичницу, хотя варенье, которое включают в состав «континентального» питания, тоже было совсем не лишним на десерт.

Трубецкой уже заканчивал завтрак и перешел к кофе с тостом, когда к нему за столик подсел симпатичного вида постоялец отеля, по-видимому, британец, о чем свидетельствовал его жуткий акцент. Это был большеголовый брюнет не слишком крепкого телосложения, с курчавыми волосами вокруг обширных пролысин симметрично слева и справа, и в очках.

- Вы не возражаете? – спросил он и, прождав для вежливости ровно две секунды, довольно бесцеремонно уселся с тарелкой напротив Сергея Михайловича.

- Нет, - ответил тот, хотя как возражать, так и соглашаться было уже поздно.

- Погода сегодня никудышняя, - заметил его незванный собеседник. – Самое время забуриться в библиотеку и всласть поработать.

Трубецкой просто вынужден был поддержать разговор.

- Да, вы правы, - произнес он без особого энтузиазма. После перелета через океан его голова все еще плохо соображала, и ему было жаль тратить энергию на столь почитаемые в Британии разговоры о погоде.

- Я – Дуглас Армстронг, – представился его новый знакомый, - из Эдинбурга. – Как вы поживаете?

- Сергей Трубецкой, из Киева. Рад познакомиться.

Дуглас сделал вид, что удивился, услышав про Киев.

- О, вот как?

- Что, приходилось бывать в наших краях? – спросил его для проформы Трубецкой.

- Нет, но наслышан, - коротко ответил тот. – И что же, если не секрет, привело вас в Кембридж?

- Я – профессор по кафедре лингвистики, и здесь по делу. Пытаюсь отыскать в хранилищах университета один чрезвычайно любопытный документ.

Господин Армстронг доел свою овсянку и отодвинул пустую тарелку в сторону.

- У меня для вас плохие новости, - сморщив грустную физиономию, произнес он. – Здесь найти что-либо практически невозможно.

- Как это так? – Сергей Михайлович был крайне удивлен. Где-где, а в Кембридже услышать подобное заявление казалось, по меньшей мере, странным. – Разве в таком знаменитом учебном заведении нет электронного каталога, службы поиска документов или чего-то подобного?

- Каталог-то есть...- господин Армстронг пожал плечами. – Но вот толку от него – почти никакого.

- Что вы хотите этим сказать?

- Да я сам занимаюсь изучением архивов шотландского королевского рода Брюсов – слышали о таком? – Трубецкой кивнул. – Так вот, в свое время англичане вывезли из Эдинбурга самые ценные документы XIII-XIV веков, да так их спрятали, что мы их долго найти не могли. И вот, только недавно обнаружилось, что все это хранится здесь, в Кембридже, только ни в одном каталоге о них нет никакого упоминания.

- Вы говорите удивительные вещи, - Сергей Михайлович поднялся из-за стола, его новый знакомый – тоже. – Но мне пора идти.

- Да-да, простите, что задерживаю, - Дуглас протянул ему руку. – Был рад познакомиться. Знаете, что? Давайте вечером вместе выпьем пива – я вас приглашаю. Заодно поделитесь опытом работы в английских библиотеках, может это только мне так не повезло?

В этом неудобно признаваться, но Дуглас Армстронг оказался абсолютно прав. Ни в музее, ни в библиотеке Тринити колледжа Сергей Михайлович не смог обнаружить искомую страницу. И это после того, как Трубецкому битый час пришлось уговаривать университетских администраторов оформить ему пропуск хотя бы на пару дней. Именно два дня – такой резерв времени он в результате и получил. Окрыленный первым успехом, он засел за электронный каталог. Казалось, Сергей Михайлович перепробовал все мыслимые способы подбора ключевых слов для поисковой системы, обращался за помощью в службу оформления заказов – все напрасно. Складывалось впечатление, что о страничке из Кодекса Архимеда,

купленной Кембриджем в конце XIX века, можно было забыть. Ближе к вечеру ему ничего не оставалось, как отправиться пить пиво с господином из Эдинбурга. Записка, оставленная им для Сергея Михайловича в отеле, гласила, что Трубецкой найдет его в одном из самых популярных пабов в округе – «Кембридж Блю».

- Вы знаете, что здесь имеется целое общество любителей старого доброго эля, многие рецепты которого были восстановлены в местной кембриджской лаборатории? – такими словами встретил Сергея Михайловича Дуглас Армстронг. - Например, в этом заведении подают божественный напиток под названием «Эль Тутанхамона», рецепт которого и способ его приготовления были открыты командой местных археологов в храме Нефертити в Египте примерно сто пятьдесят лет тому назад. Тот храм построил фараон Эхнатоном, брат Тутанхамона. Видимо, большой любитель пива был. Однако чтобы восстановить рецепт, эти англичане не смогли обойтись без помощи шотландских пивоварен, а теперь они продают его нам по 25 фунтов за бутылку!

Очевидно, Трубецкой должен был возмутиться такой несправедливости, но ему сейчас было не до Тутанхамона с Нефертити. У него в резерве оставался один день, а он пока не представлял, что ему делать дальше.

- Ну как? - поинтересовался уже на вид хорошо выпивший Армстронг. - Я был прав в отношении местных библиотек и их каталогов?

- Увы. - Сергей Михайлович пожал плечами. – У вас, видимо, большой опыт.

- Да, немалый... – Армстронг кивнул головой. - Это все они, - вдруг понизив голос и придвинувшись поближе к Трубецкому, прошептал шотландец. – Иллюминаты.

- Кто? – переспросил Трубецкой. – Вы кого имеете в виду?

Дуглас сделал серьезное лицо и посмотрел прямо в глаза Трубецкому.

- Ну, я полагаю, вы слышали об этом ордене, или, я бы сказал, тайной организации, которая, якобы, возникла во второй половине XVIII века в Ингольштадте, в Баварии? Ее основателем был некто Адам Вейсхауп, профессор тамошнего университета. Официально они просуществовали около десяти лет и были разгромлены баварским курфюрстом, которого очень раздражали всякие тайные общества. А иллюминаты Вейсхаупа были такими тайными, что попасть в их число можно было, лишь пройдя весьма серьезные проверки. Им при инициации даже прозвища давали, чтобы настоящие имена не использовать. Масоны так не прятались! Их основатель был, к примеру, Спартаком, другие посвященные назывались кто Пифагором, кто - Катонем, а кто - Архимедом....

Последнее имя Дуглас произнес после выразительной паузы.

- Вот как? И что же? Какое все это имеет отношение к архивам Кембриджа? - Сергей Михайлович оставался невозмутим, хотя имя Архимеда по вполне понятным причинам интересовало его явно больше других.

- Терпение, уважаемый профессор, терпение. Дело в том, что все эти баварские приключения – сказки для непосвященных. – Дуглас, казалось, совершенно

протрезвел и теперь говорил очень серьезно. - На самом деле историю этого ордена следует исчислять как минимум шестью тысячами лет, когда, согласно шумерским легендам, боги явили их жрецам некую Книгу Верховной Власти, в которой содержались тайные эзотерические знания для избранных Посвященных. С тех пор эти знания стали желанной целью для одних и объектом тщательного сокрытия для других. Власть тех самых Посвященных, которым были доступны эти тайные знания, простиралась сквозь века и империи – через Египет, Иудею, Грецию, Рим, приобрела особую силу в эпоху Возрождения, и, – Дуглас сделал многозначительную паузу, - никуда не делась в наши дни. Между прочим, многие столпы древнегреческой науки также входили в это общество хранителей тайных знаний от простых смертных. Они считали, что передача сокровенных знаний неподготовленным невеждам была бы равносильна вручению ребенку зажженной свечи в пороховом погребе.

Дуглас сделал перерыв, во время которого у них со стола забрали пустые бокалы и принесли по новой пинте пива.

- То, что великие ученые и изобретатели древности открыли своим современникам – на самом деле мизер по сравнению с тем, что им было известно. В учении иллюминатов говорилось, что полные размеры этого сокровенного знания могут быть открыты только с применением неких Семи Ключей, - Армстронг перешел на едва слышный шепот. – И при этом одним из ключей является чисто геометрическая или числовая система. Да-да. Вы же наверняка знаете о том, что древнееврейский алфавит, которым был написан Ветхий Завет, обладает числовыми значениями для каждой буквы. Точнее, их буквы одновременно являются также и числами. Именно эта система и была использована в древности для записи тайных знаний! Существовал универсальный, особый язык, на котором были написаны все Писания в мире, от «Вед» и «Книги мертвых» до «Деяний апостолов». Если хотите – назовите его довавилонским, или даже дошумерским, как вам больше нравится. Помните, в книге Бытие (11:1) говорится: «На всей земле был один язык и одно наречие»? Он оставался сокрытым до наших дней, так как не было ключа, который помог бы его восстановить. Ныне цифровой ключ к этой языковой мистерии обнаружен. Как бы странно это не звучало, но его главным элементом стало использование открытого геометрами две с половиной тысячи лет тому назад соотношения между длиной окружности и ее диаметром. Это особое число, равное, с большой точностью 3,1415926. Его знает каждый из школьной математики – это так называемое число «пи». Если заменить пять первых цифр в этом числе буквами еврейского алфавита, то получится слово Элохим – Бог! Соотношение между периметром великой пирамиды в Гизе и ее высотой также составляет число «пи»! Этот же число играет важную роль в Библии – откройте, к примеру, Первую Книгу Судей, и почтайте – сами все увидите. Именно иврит – письменный язык, который раньше использовали исключительно для записи Торы, стал надежным преемником элементов древнейшего праязыка, так что численно-буквенные методы толкования божественных посланий известны с незапамятных времен.

Дуглас замолчал и выпил стоявший перед ним бокал пива одним залпом.

- Зачем вы мне рассказываете все эти легенды? – спросил Трубецкой. – Действительно, поиски некоего древнейшего языка, на котором говорили Адам и Ева, идут весьма активно. Уже установлены несколько групп языков, которые, так сказать, связаны генетически и без сомнения являются родственниками. Их сравнительный анализ, возможно, подскажет направление дальнейших исследований. Но при чем тут число «пи»?

- Учения о числах и буквах возникли не просто так, а из культов языческих богов. Это их жрецы разработали магические символы и знаки, обряды и обычаи, которые служили своеобразным тайным языком «посвященных». Из них, с учетом зодиакальных знаков, создавались алфавиты, которые несли не только «буквенную» нагрузку, но и «понятийную», а также числовую. Именно поэтому расшифровываются они с помощью алгебраических приемов и геометрии. Знаете, в старинном катехизисе для подмастерья вольных каменщиков на вопрос, что в масонской символике означает заглавная буква «Г», следовал ответ: Геометрию. В первоначальных масонских документах «Геометрия» просто отождествлялась с масонством. Масоны называют Бога не иначе, как Великий Геометр Вселенной. То же самое относится и к древнегреческому Демиургу и к древнееврейскому Элохиму. Все они – Геометры!

- Откуда вы это все знаете?

- Я ведь из Шотландии. Разве вам это ничего не говорит?

Сергей Михайлович был слегка обескуражен всем этим нагромождением информации. Честно говоря, шотландское происхождение Армстронга ничего ему не говорило. Ну, разве что остатки разгромленного ордена тамплиеров нашли себе пристанище именно в Эдинбурге, так это когда было.... Для себя он решил, что шотландец – просто эксцентричный чудак. После пива Трубецкому страшно хотелось спать, но он собрал остаток сил и спросил:

- И все же, какое это имеет отношение к сегодняшнему дню?

Армстронг посмотрел на Трубецкого с удивлением на лице.

- Вы не понимаете? Иллюминаты никуда не исчезли в XVIII веке! Они и поныне составляют основу всемирной сети власти, центр которой находится в Британии. Но они есть и в США. Именно их организация стала в 1832 году праобразом знаменитого тайного общества «Череп и кости» Йельского университета.

- Это не та ли организация, в которой состояли и оба Буша, и сенатор Джим Керри, и много других выдающихся американцев? – Сергей Михайлович даже взбодрился от неожиданности. «Череп и кости» была слишком серьезной структурой, чтобы информацию о ней пропустить мимо ушей.

- Та самая, - осторожно произнес Армстронг. Он помолчал несколько секунд, затем махнул рукой, как бы говоря: «будь, что будет», и продолжил: – Знаете, вы можете счесть, что я сошел с ума или подвержен навязчивой идее. Уверяю, что это не так. И чтобы доказать это, начну с самого начала.

Дело в том, что мой дядя по линии отца – его звали Герберт - был известным финансистом. В свое время он уехал в США и там закончил тот самый Йельский университет. Как-то однажды, посещая его в Нью-Йорке, я обратил внимание на огромные напольные часы в его кабинете, которые, как он мне сказал, друзья подарили ему на свадьбу. Часы были очень красивые, с маятником и мягким боем. Именно маятник и привлек мое внимание. На нем был выгравирован необычный рисунок: череп и кости с цифрой 322 под ними. Как и для всякого мальчишки, подобный рисунок ассоциировался в моем сознании с пиратами, и я был крайне заинтригован его появлением в доме дяди Герберта. Я, разумеется, обратился к нему за разъяснениями, однако он отмахнулся и сказал, что это просто шутка друзей. Лишь много лет спустя я узнал, что он тоже был членом легендарного тайного общества Йельского университета «Череп и кости» - класс 1968 года. Цифра 322 изображена на их гербе, а напольные часы – это обязательный подарок от членов общества каждому из товарищей, кто вступает в брак.

Загадка числа 322 до сих пор не дает покоя многим исследователям тайных обществ. Однако члены «Череп и костей» категорически отказываются объяснять ее происхождение, ссылаясь на данную ими клятву. Уже не являются секретом ни списки «костей», ни их ритуалы, ни правила. Однако что означают странные цифры, до сего дня оставалось загадкой. И вот, волею судеб, мне удалось раскрыть эту тайну. Это магическая комбинация цифр, имеющая столь глубокий смысл, что в это трудно поверить. Тут перемешаны и Каббала, и нумерология, и математика, и философия.

- Хотите, расскажу? – переспросил Армстронг.

- Разумеется, - Трубецкой был не на шутку заинтригован.

- Начну с того, - продолжил шотландец, - что сумма цифр в 322 равна 7, а это божественное, духовное число. В иврите этой цифре соответствует буква «зайн», ее еще называют буквой – «фаллосом» или «клинком» как за ее написание, так и потому, что ее происхождение связано со словом «оружие». С нее начинаются слова «семя», «сперма», «зерно». Геометрически число 322 изображается в виде равнобедренного треугольника, где 3 – его вершина, а две двойки составляют основание. – Армстронг взял салфетку и сделал чертеж. – Вам этот рисунок ничего не напоминает? Это ведь все тот же фаллос! А знаете ли вы о том, что в общество «Череп и кости» женщины не принимались вплоть до середины прошлого века? На протяжении более ста тридцати лет это был принципиально мужской клуб!

Теперь возьмем число 32 и обратное ему мистическое число 23. Согласно еврейскому каббалистическому трактату «Сефер Ецира», Бог творит мир одним начертанием своего имени посредством десяти сфирот (чисел) и 22 букв еврейского алфавита. Вместе они дают 32 «таинственных шага мудрости» и являются основанием всех вещей, существующих во Вселенной. Однако 22 букв алфавита оказалось недостаточно, чтобы вместить четыре первоэлемента, семь планет и двенадцать знаков Зодиака, с помощью которых древние описывали мир. Поэтому некоторые каббалисты считают, что в Торе должна присутствовать двадцать третья,

невидимая ныне буква, которая в нашу эпоху (они называют эпохи «эонами») не проявляется. Она станет частью «божественного алфавита» в следующую земную эпоху, а до тех пор святость еврейского алфавита из 22 знаков-букв есть проявление 22 потоков духовного Света высших миров и не подлежит сомнению. А теперь смотрите – и 32, и 23, и 22 – все они присутствуют в числе 322!

Я уже не говорю о таких подробностях, что в еврейском Танахе слово «сатана» употребляется ровно 23 раза, у человека 46 хромосом – по 23 от матери и отца, Жак де Моле был 23-м великим магистром Ордена тамплиеров, а число членов Малого синедриона, который судил Иисуса Христа – 23! В тоже время, гематрия 4 июля 1776 года, когда была подписана Декларация о независимости США, как и еврейского слова «лев», которое означает «сердце», дает нам 32. Среди более чем 30 тысяч генов, из которых состоит геном человека, ровно 223 гена являются уникальными. Именно они отличают нас от обезьян.

Армстронг говорил быстро и напористо. Он взял еще одну бумажную салфетку и стал чертить на ней какие-то формулы, подтверждающие его необыкновенную теорию.

- Но это не все. Разложение числа 322 на множители дает $322=2 \times 7 \times 23$. Появление здесь двух семерок вместе с магическим числом 23 могло бы быть и случайностью. Но эти же две семерки, как писала ваша русская Блаватская в своей «Тайной доктрине», появляются и в числе 31415 анаграмматически и каббалистически, ибо, каким бы способом ни исчислять этот ряд чисел итог будет всегда четырнадцать. Так проявляется связь числа 322 с числом «пи»! Теперь дальше: любое однозначное число, встречающееся в разложении числа «пи», может быть представлено через элементарные математические действия над двойками и тройками. Причем нужны именно две двойки, чтобы порождать четные числа. Итак, «пи»= $3,1415926535897\dots$, а в нем:

$$\begin{aligned} 3=3, 1=3-2, 4=2+2, 1=3-2, 5=3+2, 9=3^2, 2=2, \\ 6=3 \times 2, 5=3+2, 3=3, 5=3+2, 8=2^3, 7=3+2+2\dots \end{aligned}$$

Все остальные шаги являются следствием предыдущих. И делайте с этим все, что хотите.

Кстати, $2-2=0$, а ноль, как и тройка – это ни что иное, как олицетворение самого Всевышнего.... Ноль – всему начало, именно он порождает все остальные числа, а, значит, и вселенную математики и буквенно-цифровых образов. Ну, а тройка – это троица, это и так понятно....

- Наконец, торжественно закончил он, - $32=23+3^2$ и, в тоже время, $32=2^{2+3}$! Таким образом, я пришел к выводу, что 322 – это своеобразный код генератора всех чисел от единицы до девяти, удивительная конструкция, отражающая связь как с числом «пи» (через «две семерки»), так и с Каббалой (через числа «22», «32», «23», «зайн» и «фаллос»). Не знаю, кто придумал это число и поместил его на герб

общества «Череп и костей», но тот человек был просто гениален. Это и есть пример того тайного знания, которое на протяжении тысячелетий передавалось преимущественно из уст в уста и было недоступно простым смертным. Теперь вы понимаете? Основу общества иллюминатов и поныне составляют те представители элиты, цель которых – не допустить передачи этих сокровенных знаний людям. А теперь подумайте, в интересах ли этих ребят раскрывать свои тайны через архивы ведущих университетов? Вы ведь работами Архимеда интересуетесь, не так ли? А метод вычисления длины окружности через ее диаметр наиболее точно сформулировал именно он!

Сергей Михайлович от неожиданности едва не поперхнулся. Откуда этот Дуглас мог знать об интересе Трубецкого к Кодексу Архимеда?

- Но откуда вы все это взяли? – спросил он, стараясь не терять самообладания. – Я действительно интересуюсь трудами Архимеда, и даже знаю, что именно он занимался вычислениями числа «пи», однако при чем тут общество «Череп и кости»?

Армстронг вздохнул.

- Вы слышали о манускрипте Войнич?

- Да, конечно, и считаю эту рукопись высококлассной средневековой мистификацией, на которую совершенно неоправданно тратят слишком много времени и сил.

- И, тем не менее, еще никому за пятьсот лет не удалось ее расшифровать. Совсем не случайно она хранится в библиотеке редких рукописей именно Йельского университета. Есть основания считать, что иллюминаты очень ею интересуются, и один из подходов к ее прочтению – это использование буквенно-цифрового кода, который пытаются разработать в применении к числу «пи». Ведь в нем, возможно, зашифрованы все знания человечества!

Трубецкой посмотрел на него с сожалением. «Либо этот шотландец такой же мистификатор, как и автор манускрипта Войнич, - подумал он про себя, - либо одержим навязчивой идеей. И то, и другое не вдохновляет».

- Скажите, Дуглас, - спросил он после небольшой паузы. – Зачем вы все это мне рассказали? Что вам от меня нужно?

- Я и так сказал вам достаточно, - господин Армстронг решительно встал. Теперь он был совершенно трезв. – Может быть, даже слишком. Если вы поняли, буду рад, а если нет, - что же, так тому и быть. Прощайте.

Он оставил на столе несколько крупных банкнот и стремительно вышел из зала. Оставшись в одиночестве, Сергей Михайлович допил свое пиво и уже не спеша последовал за ним. Спать в этот момент ему хотелось больше, чем думать. И, тем не менее, разговор с Армстронгом даром не прошел. Всю ночь ему снились какие-то загадочные личности, ритуалы, цифры и символы, а на рассвете его осенило: Бекендорф! Вот то ключевое слово, которое он еще не использовал, чтобы отыскать страницу из Кодекса, а ведь в здешних краях не может не быть документов, связанных с жуликоватым немцем! Ведь он, как и многие шустрые англичане, в свое

время славно потрудился по вывозу старинных рукописей из Египта, Палестины и Сирии. Британские университеты с удовольствием скупали все эти богатства, по нынешним временам – почти за бесценок. Каким-то шестым чувством Сергей Михайлович понял - это то, что нужно. По какому еще признаку в библиотеке могли классифицировать странный, вырванный из книги листок, кроме, как по имени того, кто продал его университету? Утро и вправду оказалось мудренее вечера.

Глава 8. Exlibris

После отъезда Трубецкого Анна Николаевна долго не могла успокоиться и не находила себе места. Она нервно расхаживала по номеру гостиницы и напряженно размышляла. Ее переполняло желание срочно доказать всем людям доброй воли, что ее муж невиновен, а вся эта ситуация с книгой в его сумке является чистой провокацией. Вопрос заключался в том, как именно это сделать. И еще было бы неплохо понять, кому и зачем все это понадобилось.

Наконец, ей удалось взять себя в руки. Шувалова уселась на кровати, закрыла глаза, сосредоточилась и постаралась восстановить в памяти каждую минуту их пребывания в США - с того момента, как они приземлились в аэропорту и до прихода полиции. Их вещи все время были с ними, кроме...она замерла от внезапно мелькнувшей мысли: кроме пяти или десяти минут, когда уже после поселения в отель их неожиданно попросили спуститься в холл гостиницы, чтобы снять копии с их паспортов! Анна тут же поспешила вниз. За стойкой, где оформляют гостей, в этот раз находилась молодая девушка, смуглая, с большими темными глазами и черными прямыми волосами, заплетенными в две старомодные косички. Она была как две капли воды похожа на индианку из классических американских фильмов про Дикий Запад. Раньше Анна Николаевна ее тут не видела, или просто не обращала внимания. Шувалова подошла к стойке и попробовала прояснить ситуацию.

- Вы из Украины? - вдруг спросила та. – У вас специфический акцент.

- Нет..., то есть, да, - Анна несколько удивилась, потому что вопрос был задан с несомненной заинтересованностью в голосе. – Мы с мужем приехали позавчера и уже после поселения в номер парень, который работал вот за этой самой стойкой, такой высокий блондин с тонкими пальцами, - Шуваловой почему-то запомнились именно его тонкие, как у пианиста, пальцы, - взял у нас паспорта, чтобы снять с них копии. Я просто хотела узнать, вы всегда так поступаете с гостями, или мы с мужем – это особый случай?

- Я знаю украинцев, - сказала на это девушка, - у меня друг – украинец. Он очень хороший парень. Мы никогда не снимаем копии с документов, так как это считается вторжением в частную жизнь клиентов. Нам достаточно информации из карточки гостя. Для того они и существуют, эти карточки.

- Так почему же...- хотела, было, снова спросить Шувалова, но индианка не дала ей закончить.

- Этот смазливый с тонкими пальцами, - она презрительно скривила рот, - работает здесь недавно. Он сейчас куда-то пропал, и я о том ничуть не жалею. Я – из иллинойс, но не из штата, а из индейского племени, которое жило в этих краях, когда вся эта земля принадлежала нам. А этот смазливый, - снова сказала она с неприязнью, - из ирландцев, мнит себя Бог знает кем, чуть ли не потомком лорда Балтимора....

Анна Николаевна поняла, что большего от этой девушки из иллинойс она не добьется. Но и того, что она узнала, было достаточно – очевидно, весь этот спектакль с копированием документов был нужен только для того, чтобы комната с их вещами на несколько минут осталась без присмотра. Видимо, кто-то из служащих отеля, у которого был мастер-ключ ко всем дверям, проник в номер и подложил книгу в сумку Трубецкого. Пяти минут для этого вполне могло хватить. Первый шаг к разгадке был сделан. Сделать второй оказалось намного труднее.

Шувалова хорошо понимала, что единственный способ снять обвинения с Сергея Михайловича – это выяснить, что за странная суэта происходит вокруг кажущегося таким обыкновенным исследовательского проекта по изучению Кодекса Архимеда. Она решила в деталях выяснить все, что известно об этой книге. Благо, интернет в отеле работал безупречно, и пользование сетью входило в стоимость номера. Анна Николаевна засела за компьютер и приступила к поиску.

Прежде всего, вопрос заключался в том, была ли с этой книгой связана какая-нибудь скандальная история в прошлом, которая могла бы привести к современному конфликту вокруг нее. В интернете оказалось довольно много данных об удивительном двойном палимпсесте, который был продан анониму на аукционе Сотби в 1998 году. Часть из того, что выдавал ей поисковик «гугл», Шувалова выудила из сети еще в Киеве. Однако здесь, в Балтиморе, ей удалось обнаружить массу дополнительной и весьма любопытной информации. В частности, оказалось, что право собственности французской семьи, выставившей книгу на продажу, было в свое время оспорено Иерусалимским патриархатом Греческой православной церкви, который действовал при поддержке греческого правительства. Истцы заявили, что в Кодексе Архимеда на последней странице имеется датированный XVI веком экслибрис древнего христианского монастыря Мар Саба, расположенного в Кедронской долине недалеко от Иерусалима, и это свидетельствует о праве собственности вышеназванного монастыря на эту книгу. Позже, якобы, книга была перевезена в Константинополь, в тамошнее отделение иерусалимского монастыря Гроба Господнего, откуда она и была украдена, предположительно – во время Первой мировой войны. Однако эти утверждения не нашли своего подтверждения в суде – в книге, представленной защитой, экслибрис обнаружен не был.

Все это так и осталось бы лишь странным эпизодом в истории книги, если бы не личность человека, который, на рубеже XIX и XX веков составил каталог книг, хранящихся в монастырях Иерусалимского патриархата, пытаясь тем самым спасти бесценный библиотечный фонд христианской Палестины от разграбления. Этим человеком был секретарь патриархии по имени Атанасиос Попандопулос-Керамеус.

У Шуваловой перехватило дыхание, когда она обнаружила, что этот грек был не только секретарем патриархии, но и профессором Санкт-Петербургского университета!

Анна Николаевна сделала перерыв и на несколько минут предалась воспоминаниям. В свое время она несколько лет проработала на кафедре истории Санкт-Петербургского университета, и именно там познакомилась с Трубецким. Тогда они вместе пытались – и не безуспешно – отыскать следы ордена тамплиеров в российской истории XIX века, и в результате совместной работы она оказалась замужем и в Киеве. Впрочем, это вовсе не мешало ей поддерживать связи со старыми друзьями и коллегами из Северной Пальмиры. Сейчас «старый школьный галстук» в который раз должен был послужить палочкой-выручалочкой.

Несмотря на разницу во времени, Шуваловой по телефону удалось отыскать нескольких бывших коллег, которые согласились ей помочь. Уже через пару часов выяснилось, что в университетской библиотеке Санкт-Петербурга хранится опубликованный перед самым падением самодержавия дневник профессора Попандопулоса-Керамеуса. Еще через час ей на электронную почту были пересланы несколько отсканированных страниц из этого дневника, содержащих, среди прочего, его собственноручное изложение истории с экслибрисом в Кодексе Архимеда. Основную часть своих записей профессор посвятил рассуждениям о том уроне, который нанес церкви никем не контролируемый вывоз бесценных древних манускриптов из Палестины в Европу. Среди прочих редких книг, которые удалось сохранить в одном из константинопольских монастырей, он упомянул и палимпсест XIII века, и не забыл отметить факт наличия экслибриса монастыря Мар Саба в этой книге.

Это было то, что нужно. В ее руках оказались доказательства, что книга действительно была незаконно вывезена во Францию и продана на аукционе. Однако экслибриса в Кодексе не обнаружили, о чем свидетельствовало судебное расследование и вердикт суда. Значит, кто-то его уничтожил, только кто, когда и зачем? Теоретически, это мог быть кто угодно – начиная с самих монахов и кончая французскими собственниками книги. Пока она не понимала, как можно использовать всю эту информацию, но, как минимум, она решила сообщить о том, что ей удалось узнать, Сергею Михайловичу. Анна Николаевна набрала телефон мужа и была чрезвычайно удивлена, узнав, что он в Британии, в Кембридже.

- Почему ты не сообщил мне, что ты не в Киеве? – возмутилась Анна. – А я-то думаю, почему дома телефон не отвечает.

- Я задержался всего на пару дней, из-за непогоды. Самолет вместо Франкфурта посадили в Лондоне. Не хотел тебя беспокоить.

Шувалова отложила обиды в сторону и рассказала ему о своей находке. Сергей Михайлович был чрезвычайно взволнован этой информацией.

- Так я же как раз и пытаюсь отыскать здесь ту страницу, которую Бекендорф вырвал из книги.... А вдруг это та самая, с экслибрисом?

- Прошу тебя, дай мне знать, когда найдешь ее, - сказала Анна, – а я пока продолжу свои поиски тут. Думаю, мне пора познакомиться с людьми из группы доктора Рица. В таком деле любые дополнительные наводки – на вес золота.

Сергей Михайлович позвонил ей, когда в Балтиморе уже наступила глубокая ночь.

- Представь себе, - возбужденно заговорил он по телефону, - я сам себе удивляюсь. Вчера я обошел все библиотеки, замучил все поисковики, но ничего так и не смог обнаружить. Но вот прошлой ночью меня осенило попробовать поудить рыбку на фамилию Бекендорф, и ты знаешь – сработало! Именно в архиве под этим именем в библиотеке Тринити колледжа и нашлась наша страничка. Ты не можешь себе представить, чего мне стоило взглянуть на нее. Но я это сделал! Так вот, на ней действительно имеется экслибрис монастыря Мар Саба и стоит дата – 1594 год, я видел это своими глазами. Твой греческий профессор с двойной фамилией был абсолютно прав. Мне не дали поработать с этим листком или снять с него копию, но зато теперь я точно знаю, что он существует. Завтра я, наверное, еще наведаюсь в Лондон, в мой любимый Британский музей, а затем – домой. Ты там держись, - сказал на прощание с нежностью в голосе Трубецкой, - и возвращайся с победой!

Анна едва успела положить трубку, как Сергей Михайлович позвонил снова.

- Я совсем забыл тебе сказать, - Трубецкой, казалось, сомневался, стоит ли говорить то, что вертелось у него на языке. Наконец, он решился. – Я не могу тебе в подробностях все объяснить, да и не хочу делать это по телефону, – запутанная история какая-то, но если где-то рядом с тобой что-то возникнет, связанное с орденом иллюминатов, будь осторожна. Есть ощущение, что этим ребятам Кодекс Архимеда особенно интересен, хотя причина такого внимания мне пока до конца не ясна.

Эту ночь Анне Николаевне удалось, наконец, поспать, хотя мысли о несправедливости по отношению к ней и ее мужу все равно не давали покоя. Сюрпризы начались поздним утром, когда она вышла из гостиницы, чтобы отправиться в музей искусств на поиски группы, которая занималась книгой. Анна не успела сделать и десяти шагов по тротуару, как рядом с ней притормозила машина – огромный черный автомобиль с эмблемой в виде герба с короной, она даже марку такую никогда не встречала. Затем из машины вышел молодой, со вкусом одетый мужчина. Едва ступив на дорогу, он окликнул ее по имени, чем немало удивил.

- Госпожа Шувалова, доброе утро!

Анна остановилась.

- Доброе утро. Мы знакомы? Я что-то не припоминаю....

- Нет, мы не знакомы, но это легко исправить. Меня зовут Поль Манже.

- Очень хорошо, - холодно сказала Шувалова. – И что вам нужно от меня, господин Манже?

- Я хотел бы пригласить вас на кофе. Мне кажется, у нас есть один взаимный интерес, который мне с вами хотелось бы обсудить.

- Прошу прощения, но я не вижу причин пить с вами кофе. Не знаю, о каком интересе вы говорите, но у меня действительно есть важное дело, а времени - мало. Всего хорошего.

Она решительно развернулась и сделала несколько шагов по направлению к музею, который находился буквально в нескольких кварталах от гостиницы.

- Уверяю вас, - вдогонку ей торопливо произнес Манже, - это в ваших же интересах. Речь идет о Кодексе Архимеда.

Анна замерла, затем резко повернулась к Полю.

- Откуда вы знаете, что меня интересует эта книга? Кто вы такой?

- Вот там за углом, - Поль указал рукой на ближайший перекресток, - есть чудесное кафе. Давайте пройдем туда, и я вам все объясню. Ну совершенно не вижу смысла разговаривать посреди улицы.

Кафе выглядело и вправду неплохо, вполне по-европейски, а вот кофе был отвратительным. Почему в США предпочитают пить бочковой, а не нормальный кофе – эта загадка мучает гостей страны уже много лет.

- Я – адвокат и представляю интересы собственника книги, - осторожно произнес Поль, когда они уселись за столик и сделали заказ.

- Того самого анонима, который приобрел книгу за огромные деньги? - Анна несколько необдуманно решила продемонстрировать свою осведомленность.

- Его, вы абсолютно правы.

- И что же вам от меня нужно?

- Видите ли, - Поль несколько замялся, а потом выложил все без остановки, - нам бы не хотелось, чтобы вопрос о праве собственности на Кодекс Архимеда снова стал предметом судебного разбирательства. – При этих словах у Анны похолодело в груди – значит, этот Поль как-то узнал о том, что им с Сергеем Михайловичем стало известно буквально вчера. Подслушивали они, что ли?

- И предлагаем вам сделку. Вы прекращаете заниматься этим вопросом, а мы помогаем вам урегулировать ситуацию с мужем. Ну, скажем, дело о пропаже книги закроют за недоказанностью, и, может быть, ему даже восстановят визу.

Анна вспыхнула.

- Я совершенно не понимаю, о чем вы говорите. Мы с мужем и вправду приехали в Балтимор по приглашению ныне, как нам стало известно, покойного доктора Рица. Профессор Трубецкой – известный специалист по древним рукописям, и палимпсесты, в том числе с религиозными текстами, - это то, в чем он очень хорошо разбирается. По какому-то преступному замыслу ему в сумку подбросили эту книгу, и я предполагаю, что теперь-то могу объяснить, как именно это было сделано, в результате чего ему не только аннулировали визу, но и опорочили его имя. Против него проводится расследование, открыто уголовное дело. А он не виновен! Это же ясно, как божий день. Мне нужно, чтобы эта ситуация не просто была, как вы

изволили выразиться, урегулирована за недоказанностью, но восстановлено его честное имя. Дело должно быть закрыто только в связи с отсутствием состава преступления. И вот что я вам скажу. Раз вы пытаетесь о чем-то со мной договориться, значит что-то с этой книгой неладно. А у меня нет привычки играть в нечестные игры, обычно это плохо кончается. Так что я отправляюсь дальше по своим делам. Спасибо за кофе. Он был отвратительный.

Глава 9. Новые иллюминаты

Отыскать Уильяма Коллинза оказалось не таким простым делом даже для полицейского. Как выяснилось, он работал в медицинской страховой компании «Миллениум» и, судя по ответам девушек на ее телефонном коммутаторе, постоянно находился то в разъездах, то на встречах с клиентами. Существовала и еще одна проблема. Формально дело о смерти Рица было закрыто, а расследование по поводу исчезновения книги перешло теперь в плоскость, которая никакого отношения к Коллинзу уже не имела. Поэтому вызвать его официально, повесткой, не представлялось возможным. В любой момент начальство могло указать детективу Уитни на неправомерность его действий – вместо того, чтобы разобраться быстренько с делом Трубецкого, он продолжал искать что-то в деле Рица. Джей-Кей мог полагаться теперь только на свою интуицию, а она подсказывала ему, что крохотное, но такое подозрительное пятнышко сзади на шее умершего ученого появилось незадолго до его смерти не случайно. Грег Норман был профессионалом своего дела, его нюху и опыту можно было доверять.

Джей-Кей решил повторно навестить Маргарет Форбс. В конце концов, она имела непосредственное отношение к книге, и ничего не мешало Уитни снова побеседовать с ней с глазу на глаз. Доктор Форбс была слегка удивлена появлением детектива в лаборатории с самого утра.

- Я была уверена, что вы заняты теперь более важными делами, чем эта книга, ведь она, слава Богу, нашлась, и мы продолжаем свою работу.

- Есть какие-то успехи?

- О да, если вам это интересно. Я, по-моему, уже говорила во время нашей предыдущей встречи, что Кодекс Архимеда - это палимпсест, то есть под одним текстом содержится другой, более ранний. Так вот, теперь мы с уверенностью можем утверждать, что под греческими молитвами записаны сразу семь выдающихся трудов великого математика, из которых две работы – уникальны, то есть они ранее нигде больше не встречались.

Чувствовалось, что Маргарет Форбс искренне гордится полученными результатами.

- Вот как? И в чем же их ценность?

- Детектив, я вынуждена повторить вам свои слова: анализ их ценности – это не моя работа. Я не математик, моя задача - просто докопаться до истины.

- Тут мы с вами совпадаем, - заметил Джей-Кей, - это как раз то, зачем я сюда пришел – за истиной. Могу ли я задать вам один не совсем скромный вопрос?

- С каких это пор полицейские спрашивают разрешения? Вы разве не копаетесь с утра до вечера в грязном белье как подозреваемых, так и потерпевших? Хотелось бы знать в каком качестве в вашем расследовании прохожу я?

- Что же, откровенность за откровенность – в данном случае я рассматриваю вас как соучастницу.

- Что-что? Как соучастницу чего? Разве доктор Риц умер не своей смертью? Ведь дело закрыто, не так ли? Или вы подозреваете меня в краже книги, которую я же потом сама себе и вернула столь странным образом?

- Доктор Форбс, я подозреваю, что в этом деле есть прелюбопытные обстоятельства, которые могут изменить уже кажущиеся окончательными решения, в том числе и тех представителей власти, которые закрыли дело Рица. Скажите, к примеру, в каких отношениях вы состояли с покойным?

Маргарет слегка вспыхнула.

- На что это вы намекаете? Мы работали с ним много лет, можно сказать – дружили, а в чем, собственно, дело?

- Вы дружили семьями? Ваш муж был знаком с доктором Рицем?

- Нет. Уильям слишком занят своей работой. Он вечно в разъездах и у него никогда не было времени на такие вещи. Но вы не ответили на мой вопрос – в чем состоит дело, что именно вы пытаетесь узнать?

- Видите ли, доктор Риц не был женат, а в доме у него повсюду ощущается женская рука. Я был женат пятнадцать лет, а теперь разведен и живу один. Мне ли не чувствовать разницу? Кроме того, имеются показания соседей, что он иногда приезжал домой не один, а с дамой.

- Он был видным и умным мужчиной, что же в этом удивительного?

Уитни отдал должное самообладанию Маргарет. Она и вида не подавала, что волнуется.

- Доктор Форбс, вы не будете против, если я познакомлюсь с вашим мужем?

- Зачем он вам?

- Я обнаружил в нашей базе данных, что Уильям Коллинз имел привод в полицию за рукоприкладство на почве ревности. Там только не указано, к кому именно он ревновал свою первую супругу.

Уитни заметил, как у Маргарет слегка задрожали веки. Она сделала несколько нервных движений руками, затем засунула их в карманы халата.

- Эта неприятная история случилась давно и, насколько я знаю, по недоразумению, - холодно произнесла она. - Мне бы не хотелось ворошить прошлое. По моему мнению, вам не о чем говорить с Уильямом. Впрочем, я не могу приказывать офицеру полиции. Вы все равно сделаете по-своему.

- Хорошо, доктор Форбс, я понял вашу позицию. А теперь послушайте меня. Вас опознала одна из соседок Рица. Вы – именно та женщина, которая скрашивала его одиночество, и мне очень любопытно узнать, подозревал ли об этом ваш муж.

Маргарет сохраняла самообладание. На ее лице не дрогнул ни один мускул.

- Это допрос?

- Нет. Во всяком случае, пока.

- Тогда я не стану отвечать на ваши вопросы. А спрашивать вы можете кого хотите и сколько угодно, на свой страх и риск. Но тогда будьте готовы к последствиям. Вы ведь отлично знаете, что без соответствующей санкции и при отсутствии доказательств все эти разговоры – пустая трата времени. Также хотелось бы заметить, что если я иногда и бывала в гостях у своего коллеги, то это не значит, что я, как вы выразились, «скрашивала его одиночество». Простите, но сейчас мне нужно вернуться в лабораторию.

Она сделала решительный жест, взявшись за ручку двери. Ее остановил вопрос Уитни.

- Но если вы были с ним близки, пусть только и по работе, разве вам не все равно – умер он своей смертью, или его убили?

- Риц мертв, и это факт. А моя жизнь продолжается, и это тоже факт. Прощайте, детектив.

Джей-Кей вышел из музея в не слишком радужном настроении. Госпожа Форбс оказалась крепким орешком. Он решил прогуляться до ближайшего «Старбакса», чтобы взять кофе, а заодно обдумать план дальнейших действий. В кафе была небольшая очередь и, пока Уитни ждал свой заказ, он бросил случайный взгляд сквозь витрину. Напротив «Старбакса», слегка по диагонали через дорогу, находилось конкурирующее заведение европейского образца, где кофе подавали в чашечках, а не в бумажных банках. Вдруг из дверей этого заведения вышла супруга профессора из Украины с труднопроизносимой фамилией, в сумке которого нашли книгу. Как ее имя? Анна? Уитни обратил внимание, что она явно была чем-то взволнована. Женщина постояла на улице, оглядываясь по сторонам, будто вспоминая, куда же ей нужно идти, а потом решительно направилась в сторону музея. Джей-Кей уже собирался выйти, чтобы немного сопроводить ее, как вслед за ней из того же кафе вышел Поль Манже. «А вот это уже крайне любопытно, - подумал про себя Уитни. – Что этот француз хотел от этой русской? Или это она что-то хотела от него? Бьюсь об заклад, их встреча не могла быть случайностью». Поль постоял на тротуаре меньше минуты, пока из-за поворота не вынырнул огромный черный «кадиллак» и не забрал его. Уитни взял свой кофе, вышел из «Старбакса» и поспешил вслед за Шуваловой. Однако единственное, что ему удалось заметить, это то, что она скрылась в дверях музея. Детектив Уитни проводил ее взглядом. Во всяком случае, это было логично – именно музей приглашал и оплачивал поездку ее мужа. Рано или поздно она просто обязана была посетить госпожу Форбс. Джей-Кей поразмышлял

несколько секунд и решил отправиться в офис. После нескольких глотков его любимого кофе «латте» с карамелью из «Старбакса» у него таки появилась одна идея.

Детектив Уитни удобно расположился в своем офисном кресле, пододвинул поближе телефон и набрал номер. Это был коммутатор той самой страховой медицинской конторы, где работал Коллинз.

- Компания «Миллениум», доброе утро. Чем я могу вам помочь? – ответил приятный женский голос.

- Я беспокою вас из Юго-западного отделения полиции Балтимора, детектив Джим Уитни. Видите ли, мы тут с коллегами посоветовались и решили заключить дополнительный коллективный договор страхования, и хотели бы пригласить агента к нам в офис – у наших сотрудников всегда много вопросов по этому поводу. Очень было бы желательно прислать агента Уильяма Коллинза, нам его рекомендовали, как настоящего профессионала.

- Конечно, я ему передам. Спасибо, что выбрали именно нашу компанию.

Коллинз появился в участке за час до формального конца работы. «Вот как все оказалось просто», - подумал про себя Уитни, приглашая его в свой кабинет. Он мысленно отметил, что муж госпожи Форбс был очень похож на страхового агента. Невысокий, стройный, и на вид энергичный мужчина с прямыми, русыми, довольно длинными волосами, в очках, он вовсе не производил впечатления ревнивца, который мог иметь привод в полицию за нападение на жену. И все же в нем ощущалось какое-то беспокойство, внутренний дискомфорт. Уитни увидел это явно, как только они начали обсуждать особенности медицинского страхования людей такой опасной профессии, как полицейский. Уильям говорил черезчур напористо, даже возбужденно и без конца сыпал медицинскими терминами. Однако при этом его глаза смотрели куда-то в сторону. Создавалось впечатление, что часть Коллинза присутствует здесь, а часть – где-то далеко и занята совсем другими мыслями. Джей-Кей водил его за нос, сколько мог, стараясь просто почувствовать этого человека.

- Скажите, а наличие у клиента таких болезней, как гипертония, или сердечная аритмия, ну, или что-то в таком духе, - насколько они влияют на сумму страхового взноса? – спросил Уитни с невинным видом.

- Это, к сожалению, вполне обычные состояния для людей, которые работают в стрессовых условиях, и, конечно же, полицейские к ним относятся, - медленно произнес Коллинз, - это я вам как врач говорю. Но с точки зрения страховки это особого значения не имеет.

- А у вас какое образование? – поинтересовался Уитни. – Медицинское? Этот вопрос он ранее как-то упустил из виду.

- Да, я начинал работать врачом, но потом перешел в страховой бизнес, – неохотно ответил Коллинз. Ему этот вопрос явно не понравился. – Я могу чем-то еще вам помочь? Мне пора идти, у меня назначена следующая встреча с клиентом.

- Один только вопрос. Скажите, как врач, а такие стрессовые состояния, о которых вы упомянули, и гипертония, и другие подобные заболевания, - они ведь характерны не только для полицейских, но и для людей довольно мирных профессий – ученых, музейных работников.... Не так ли?

Коллинз внимательно взглянул на него поверх очков.

- Да, болезни сердечно-сосудистой системы – настоящий бич нашего времени. Ими может заболеть кто угодно, стресс профессию не выбирает. Впрочем, у полицейских работа все же более сопряжена с риском, чем у музейных работников. Разве это не очевидно?

Они расстались, пожав друг другу руки. Уитни обратил внимание, что у Коллинза была узкая, но крепкая ладонь, несмотря на почти женственное телосложение. Джей-Кей пообещал ему распространить оставленные Коллинзом буклеты об услугах компании среди коллег, и Коллинз ушел. Уитни выждал с минуту, затем накинул плащ и отправился за ним. Чутье подсказывало ему, что тот имеет не совсем традиционные планы на вечер, и детектив не ошибся.

Уильям Коллинз сел за руль припаркованного недалеко от участка автомобиля и уехал. Уитни, чтобы не создавать впечатления о слежке, взял такси и последовал за ним. Так они поколесили минут пятнадцать по центру города, затем Коллинз направил свою машину в сторону пригорода. Наконец, он свернул с основной дороги вправо, затем еще раз вправо на совершенно неприметную улочку, и припарковался возле какого-то с виду довольно обыкновенного трехэтажного здания из темного кирпича. Коллинз посидел в машине с полминуты, будто проверяя, нет ли за ним «хвоста», затем вышел из машины и зашел в дом. Насколько Джей-Кей смог разглядеть из окна такси, он не воспользовался ключом, а постучал или позвонил, и его впустили внутрь. Уитни дождался, пока тот скрылся за дверями, попросил таксиста подождать его, а сам направился к зданию. Металлическая табличка над входом гласила: «Храм магии хаоса». Но это было не все. Над этой надписью более мелким шрифтом было выведено «Новые иллюминаты». Точка в букве «ай» в слове «иллюминаты» была изображена в виде огонька пламени. Уитни достал из кармана записную книжку, где у него хранился обгорелый обрывок бумаги из мусорного ведра Рица. Буквы «ай» на оставшемся от огня уголке и на металлической табличке были идентичны. Кроме того, явно совпадало начертание заглавных букв «ен» в номограмме и в слове «новые». Однако Джей-Кей не успел по достоинству оценить свое открытие. Он вдруг ощутил удар сзади по голове, все вокруг поплыло, он упал, и сознание его выключилось.

Глава 10. Тонкая натура числа пи

Собственник Кодекса Архимеда явно нервничал. Это только для публики и средств массовой информации вся эта история с покупкой книги и передачей ее на

исследование в городской музей искусств выглядела примером альтруизма и заботы о сохранении культурных ценностей. На самом деле, он преследовал совсем другие, гораздо более прагматичные цели. Речь шла о следующем.

Однажды, еще во время учебы в Стэнфорде, а мистер Ай-Ти закончил факультет компьютерных наук знаменитого университета, темой одной из его курсовых работ было построение и сравнительный анализ различных алгоритмов вычисления числа «пи». Именно тогда он был просто потрясен необъяснимой, нереальной, почти мистической красотой загадочного числа, которое столь изящно и непринужденно возникло в истории человечества при попытке вычислить длину самой обыкновенной окружности. Бог будто посмеялся над людьми – что, казалось бы, может быть проще? А выяснилось, что точно сделать это с помощью цифр принципиально невозможно... Но если бы дело было только в элементарной геометрии! «Пи» оказалось просто нумерологическим чемпионом. К примеру, если дважды перемножить между собой все четные числа и поделить то, что получится, на такое же двойное произведение всех нечетных чисел, то результатом будет... «пи», деленное пополам! Сумма первых 144 знаков числа «пи» равна 666. Как тут не вспомнить о 144 тысячах правдеников Израиля, которые спасутся в конце времен? А как вам геометрия Минковского-Банаха, где «пи» может быть любым числом, от 3 до 4, не говоря уже о фрактальных пространствах размерности «пи»? Двое математиков – Дэвид Бэйли из Беркли и Ричард Крандалл из Орегона доказали нормальность числа «пи»: его десятичное разложение содержит любую целочисленную строку. Но самым невероятным результатом исследований этого числа стало подтверждение с помощью суперкомпьютеров того факта, что не только цифры от 0 до 9, но также и любые целочисленные строки одинаковой длины встречаются после запятой числа «пи» практически с одинаковой частотой, хотя и в совершенно непредсказуемом, хаотическом порядке! То есть, к примеру, 39876434 встречается так же часто, как, и 21567097 или 01010101. Это ли не признак Божественного провидения?

И, тем не менее, после окончания университета число «пи» со всеми своими прелестями и загадками на много лет отошло для него в тень. Оно снова возникло, когда однажды он, уже став миллиардером, прочитал статью Мартина Гарднера, в которой тот со свойственной ему фантазией, написал, что в бесконечной последовательности цифр после запятой числа «пи» можно зашифровать «любую книгу, которая была, будет или могла быть написана». Эта, на первый взгляд, слишком смелая, если не сказать фантастическая гипотеза стала для него навязчивой идеей. Ибо из нее следовали сразу два важных предположения. Во-первых, если научиться правильно подбирать буквенно-цифровые соответствия (своего рода шифр), то бесконечная последовательность цифр в числе «пи» может быть превращена в некие тексты, которые, в свою очередь, могут оказаться чем угодно – от Божественных откровений до гениальных стихов или совершенно секретных инструкций ЦРУ. Во-вторых, стоило попробовать использовать эти уникальные свойства числа «пи» для создания криптографической системы, которая была бы

практически не вскрываема. Ну вот, например, если каждой из букв в произвольно выбранном тексте поставить в соответствие набор из десяти неповторяющихся цифр от нуля до девяти, и записать эту последовательность цифр непрерывно, то она с такой же вероятностью может встретиться в записи числа «пи», как и любая другая аналогично построенная последовательность цифр. Важно только уметь вычислять или хранить в памяти компьютера достаточно большое количество знаков числа «пи» после запятой. Кроме того, если еще учесть, что в мире существует около двух с половиной тысяч языков, значительная часть которых хорошо формализована и может быть использована в несимметричных алгоритмах шифрования в качестве как открытого, так и закрытого шифров, то построенная на этой основе криптосистема будет, без преувеличения, совершенной. Это вам не какие-то приемы «рассеивания» и «перемешивания»!

Но все эти рассуждения так бы и оставались теорией, если бы в 1998 году он не узнал, что на аукционе Сотби выставлена на продажу книга, в которой, как предполагалось экспертами, и было подтверждено предварительными исследованиями, содержались уникальные работы Архимеда – «крестного папы» числа «пи»! Это был знак. Книга стала его собственностью, после чего, однако, оказалось, что выудить из нее мысли и рассуждения великого грека просто так невозможно. Этот палимпсест еще нужно было прочитать. Кодекс Архимеда пришлось передать на исследование в музей в надежде, что специалистам отдела древних рукописей удастся разобрать потрепанные временем и обстоятельствами страницы с математическими текстами. Тем временем он решил реализовать, наконец, мечту молодости и собрать группу программистов и математиков, которые могли бы поработать над супершифром будущего. Сейчас самая современная техника напряженно гудела где-то у него над головой, на минус втором этаже «Ай-Ти Консалтинг», но пока – безрезультатно. Шеф своих сотрудников не подгонял, пока не стало известно, что в связи с событиями 11 сентября 2001 года правительство США приняло решение сменить старый добрый стандарт криптографии «Ди-И-Эс», разработанный еще Хорстом Фействелем в «Ай-Би-Ем», на новый стандарт «Ай-И-Эс». Более того, его конкуренты - гиганты рынка информационных технологий «Сиско», «Майкрософт» и «И-еМ-Си» решили объединиться в альянс по разработке суперсовременной технологии защиты информации и обмена секретными данными с игривым названием «Си-Си». Это был вызов, который он принял.

Мистер Ай-Ти вышел из кабинета и с деловым видом проследовал мимо своего чрезвычайно привлекательного секретаря.

- Я наверх, - бросил он на ходу. – Меня не беспокоить.

Попасть в святая святых его компании можно было только имея особый допуск. Шеф поднялся на лифте на два этажа вверх, прошел через им же самим спроектированные защитные редуты – проверку сетчатки глаза и специальный кодовый замок, и через несколько минут уже стоял среди десятков подмигивающих друг другу серверов, у которых колдовали молодые люди весьма взъерошенного

вида. Командовал ими в прошлом выдающийся русский хакер, а ныне вполне уважаемый обладатель американской «грин кард» Марк Бит.

- Как идут дела? Сколько вам удалось вычислить знаков? – Шеф был не совсем доволен темпами работ и поэтому решил обойтись без любезностей.

- Пять триллионов, - с гордостью ответил Марк. - Это уже почти запредельное количество для современной техники, лучший в мире результат. Возможно, нам удастся довести эту цифру до 8-10 триллионов, но дальше я сомневаюсь.... Последние вычисления продолжались непрерывно в течение 130 дней. Только запись результата заняла почти два терабайта памяти.

- Вы проверили равномерность распределения цифр?

- Да, конечно. Если на 200 миллиардов знаков погрешность составляла пятнадцать десятитысячных, то теперь это уже в миллиардных долях. Число «пи» ведет себя как настоящий джентельмен. Оно, безусловно, нормально. Я бы даже сказал – чрезвычайно нормально.

- Вы пробовали декодировать число с таким количеством знаков?

- Мы как раз сейчас над этим работаем. Дело в том, что никакой памяти, да и быстрогодействия, не хватит перебирать все возможные комбинации цифр, которые можно использовать для шифра. Мы ищем какие-то правила и ограничения, которые помогли бы оптимизировать алгоритм. Последовательный перебор займет годы. И это мы пока возимся с двумя-тремя языками....

- С какими именно?

- Английский, иврит и русский.

Шеф кивнул головой.

- Я все же думаю, что лучше попробовать вместо русского – греческий, и арамейский тоже, ведь если Всевышний что-то хотел сказать, то Он сделал бы это на языке своего богоизбранного народа.

Марк скептически передернул плечами и улыбнулся.

- Да, у меня тут один гений уже поверил в неземную сущность «пи». Он даже разговаривать с ним начал, как с живым существом.

- Это не шутки, - строго сказал шеф. – Библию надо читать. Вы с принципами нумерологии знакомы? И греки, тот же Пифагор, и египтяне, и самые просветленные учителя Вавилона и Индии верили, что мир цифр и букв един, надо только уметь видеть то, что скрыто от наших глаз.

- Разумеется, я знаком с гематрией, - Бит тоже посерьезнел. - Мы уже пробовали, и не раз, использовать иврит для замены цифр буквами. Последующий анализ действительно обнаруживает в получившейся последовательности букв отдельные слова, но никакого вразумительного текста пока не выходит, даже на длине в сотни миллиардов знаков. Дело в том, что такая подстановка не может быть осуществлена однозначно. К примеру, неясно, что делать, если в последовательности цифр встречается более трех нулей подряд. В других языках такие же ограничения

возникают от пяти и более нулей, а ведь теоретически их там может быть сколько угодно.

- И что же вы предлагаете?

- Мои ребята считают, что прямая замена здесь бесперспективна. Это было бы слишком просто. По-видимому, следует попробовать подобрать определенный механизм перемешивания, своеобразный набор правил перестановки, который мог бы устранить такие неравномерные концентрации одинаковых цифр. Кроме того, один из моих специалистов предложил любопытную идею, которую я называю «гематрия офух», т.е. нумерология наоборот - посмотреть на цифры от нуля до девяти как на алфавит особого языка, которым с помощью специальной техники тоже записываются слова, предложения, тексты. Если бы нам удалось открыть эту технику, я думаю, что тонкая структура числа «пи» перестала бы быть загадкой. Есть еще один вариант – перейти к бинарному исчислению, или, там, к шестнадцатиричному, и посмотреть, что получится. А вдруг закономерность записи числа «пи» обнаружится при правильно подобранной числовой системе?

- О'кей, я понял, что идей у вас много. Только времени – в обрез. Теперь я бы хотел услышать, что у нас с разработкой шифров, - идея с «цифровым алфавитом» выглядела оригинально и заманчиво, и шеф несколько смягчился.

- На этом фронте у нас есть первые успехи. Идея такая. Каждой букве выбранного вами алфавита ставится в соответствие некий цифровой код. Сколько цифр для этого использовать – это вопрос баланса между желаемым уровнем защиты и скоростью обработки текста: если взять максимум, то есть девять знаков, то для шифровки и дешифровки нужно хранить огромные, просто гигантские объемы данных и необходим суперкомпьютер для их обработки, но зато и защита максимальная. Самый простой и логичный вариант – это две цифры. Мы считаем оптимальным где-то три-пять знаков. Так вот, слово, которое нужно зашифровать, представляется с помощью такого кода в виде некоей конечной последовательности цифр; назовем это цифровым образом слова. Затем вы отыскиваете среди цифр после запятой числа «пи» эту самую конечную последовательность, которая, скажем, стоит сразу после знака номер 15 345 233 901. Тогда вы сообщаете адресату не само ваше закодированное слово, а этот номер и длину конечной последовательности знаков его цифрового образа. И так поступаете с каждым словом сообщения. Вот и все. Враг увидит лишь столбик чисел разной длины без всякой системы, а дешифровальщику останется отыскать по его номеру нужный знак в записи числа «пи», отсчитать указанное количество цифр и сделать обратную подстановку цифрового кода на буквы. Тот, кто захочет вскрыть этот шифр, во-первых, должен будет догадаться, что вы используете число «пи», и, во-вторых, уметь безошибочно вычислять необходимое количество его знаков, что совсем не просто. Это как минимум.

А может быть и еще один подход, с моей точки зрения, более сложный. Вот смотрите, я приведу вам пример. Предположим, мы используем английский язык и каждой букве алфавита присваиваем двузначный цифровой код из десятичных цифр.

Если отбросить тривиальный набор из двух нулей, то для каждой буквы у нас уже есть 99 вариантов кода. Возьмем теперь слово «сегодня» - «today» и предположим, что кодировка букв такая: «t» - 21, «o» - 15, «d» - 17, «a» - «23», «y» - 08. Теперь мы выясняем, что комбинация «21» встречается первый раз в числе «пи» на девяносто третьем месте, «15» - на третьем, «17» - на девяносто пятом, «23» - на шестнадцатом, «08» - на семьдесят седьмом. И тогда наше зашифрованное слово выглядит так: вместо «21 15 17 23 08» мы имеем «93 3 95 16 77». А теперь внимание: число-код «21» встречается в числе «пи» бесконечное количество раз, как и число-код «15», как и любое другое число! Это означает, что, к примеру, буква «t» в другом слове той же шифровки может быть представлена уже другим набором цифр – двузначным, трехзначным, каким угодно. Вот как может выглядеть шифrogramма слова «рара», где кодировка для «р» - 60, а для «а» - 01: вместо «60 01 60 01» мы имеем «127 167 263 245». Хотя «263» и «127» можно поменять местами без изменения смысла. Таким образом, все, что вам нужно знать – это цифровые коды букв алфавита выбранного вами языка и иметь под рукой компьютерную программу поиска целочисленных строк в числе «пи». Собственно, таких программ в интернете – множество, вам даже не нужно напрягаться, чтобы иметь свою собственную. А теперь вообразите – в игре участвуют несколько тысяч известных языков и цифровые коды для букв алфавита длиной до девяти цифр! Такой шифр – невскрываемый!

- Но ведь для реализации предложенного вами принципа с таким же успехом можно использовать любую бесконечную последовательность цифр, я прав?

- Нет, увы, шеф, это совершенно не так. Для этого необходимо сконструировать последовательность цифр весьма значительной длины – в несколько триллионов знаков, а, по-сути, бесконечную, - с равномерным распределением цифр от 0 до 9, и возможностью вычисления нужного знака без вычисления предыдущего и последующего. Это нереально, ведь нужен какой-то принцип, алгоритм построения такой бесконечной последовательности. В том-то и весь фокус, что «пи» - число, которое не мы придумали, оно не случайно. Оно просто есть, дарованное нам свыше, единственное и неповторимое. И к счастью, существует множество самых разнообразных способов его вычисления. Верхом неразумности будет всем этим богатством не воспользоваться.

Глава 11. Тайное знание

Появление Анны Николаевны Шуваловой в музее искусств было воспринято госпожой Форбс без особого восторга. Как истинная американка, она, разумеется, изобразила приветливость при знакомстве с нежданной гостьей, однако для тренированного глаза было заметно – Маргарет вовсе не возражала бы избавиться от Анны как можно скорее. Впрочем, Шуваловой было не до эмоций госпожи Форбс. Она представилась и прямо с порога объяснила Маргарет, что ее прежде всего

интересует восстановление честного имени мужа, а в этом контексте – ситуация с Кодексом Архимеда, вокруг которого происходят странные события.

- Надеюсь, госпожа Форбс, вы теперь понимаете, что мой визит не является следствием частного любопытства, и не сомневаетесь в том, что профессор Трубецкой ни малейшим образом не замешан в истории с похищением книги? А что касается способа ее «удивительного» возвращения, то я абсолютно уверена, что книгу нам подбросили в гостинице, пока наши вещи на несколько минут оставались в комнате без присмотра. Чего я пока не знаю – это кому и зачем понадобилось устраивать весь этот скандал. Мой муж – высококлассный специалист по древним рукописям, и он, несомненно, был бы вам полезен. Я была бы очень признательна вам за информацию о книге, и о том, что вам удалось в ней прочитать. Возможно, это поможет установить мотивы как авторов идеи сделать из нас соучастников кражи, так и тех, кто воплотил ее в жизнь. Я ведь сама по профессии историк и мне кажется, что я уже знаю практически все о Кодексе Архимеда, кроме одного – тех результатов, которые еще не опубликованы.

Шувалова обратила внимание, что ее слова произвели впечатление на Маргарет.

- И еще, - Анна Николаевна все же попыталась соблюсти правила хорошего тона, - я в любом случае хотела бы поблагодарить вас за приглашение. Для моего мужа было бы очень приятно работать с вами над таким интересным проектом. Хочу верить, что когда все выяснится, он сможет присоединиться к вашей группе.

- Разумеется, - прохладно произнесла Форбс, - его знания и опыт были бы очень полезны нам для анализа литургических текстов.

Анна подумала, что ослышалась.

- Вы хотите сказать, что моего мужа пригласили, чтобы разобрать не математические работы Архимеда, а то, что было написано поверх них?

- Да, насколько я знаю, доктор Риц планировал поступить именно так. Для нас, честно говоря, не совсем понятно, с какой целью он инициировал приезд господина Трубецкого. Впрочем, мы об этом можем поговорить чуть позже. Хотите взглянуть на нашу лабораторию?

Они прошли в соседнюю комнату, напичканную разнообразной аппаратурой. Что и говорить, лаборатория была оснащена по последнему слову техники. Центральное место в ней занимал специальный рентгеновский аппарат, который умел делать снимки страниц книги послойно, и особая фототехника для получения изображений текстов в разных частотных диапазонах. Поскольку в древности широко использовались чернила с добавлением металлов, использование специальной подсветки давало возможность прочитать даже едва различимые глазом слова. Сама книга находилась сейчас в руках реставратора, который уже на протяжении нескольких лет очень скурпулезно избавлял ее от уродливых наслоений – клея, грязи и прочих прелестей прошедших веков.

- Еще до того, как доктор Риц скончался, мы приглашали сюда специалиста из Тринити колледжа, что в Кембридже, который обнаружил в палимпсесте кроме работ Архимеда и другие ценнейшие тексты – две речи оратора и политика Гиперида Афинского, жившего в четвертом веке до нашей эры, - ровным голосом рассказывала Маргарет. – Кроме того, совсем недавно нам удалось найти и разобрать еще один текст - комментарий некоего Александра Афродисиасиса к сочинению древнегреческого философа Аристотеля «Категории». Совершенно очевидно, что эта работа является одним из самых ранних комментариев к Аристотелю из ныне известных. Всего нами обнаружено семь исписанных с двух сторон листов с этими комментариями. Расшифрована пока только половина из них. А что касается основного текста, то оказалось, что он содержит семь архимедовых трактатов: «О равновесии плоских фигур», «О спиральных», «Измерение круга», «О шаре и цилиндре», «О плавающих телах» (единственная известная копия на греческом), а также два труда, копии которых больше нигде никогда не встречались, — «Стомахион» (это об одной древнегреческой игре) и «Метод механических теорем».

Мы делаем послойные снимки каждой страницы в разных диапазонах световых волн, затем наши специалисты читают один и тот же текст на каждом снимке, собирая, буквально по кусочкам буквы и значки. Так составляется связанный текст первоначальной рукописи. Это очень кропотливая работа, требующая очень много времени и средств.

На этом Маргарет решила завершить содержательную часть экскурсии. Они вернулись в кабинет руководителя лаборатории.

Анне ничего не оставалось, как поблагодарить доктора Форбс за полученную информацию. То, что она узнала, содержало не так уж много нового и ни на один миллиметр не приблизило ее к ответу на вопрос кому и зачем понадобилось подсовывать книгу Сергею Михайловичу, однако винить в этом Маргарет язык не поворачивался. Они договорились, что Анна пробудет в Балтиморе еще день-два – до окончания следствия. Доктор Форбс заверила ее, что отель был заказан на неделю и поэтому она вполне может располагать этим временем. Шувалова уже собиралась уходить, как в дверь кабинета постучали. Вошла молодая девушка в белом халате.

- Доктор Форбс, у нас там... Вы нам нужны, - пролепетала она. Было заметно, что она не ожидала увидеть в кабинете постороннюю, и теперь была несколько смущена своим вторжением в чужой разговор.

Анна поначалу не собиралась задерживаться в музее, но в этот самый момент ей в голову пришла мысль, что было бы неплохо пообщаться еще с кем-то из группы доктора Рица, кроме Маргарет, вот хотя бы с этой девушкой. «Будет неверно вот так уйти, не ознакомившись более детально с тем, что удалось узнать группе Рица о загадочном палимпсесте, - решила про себя Анна. – Уж слишком все гладко выглядит в устах Маргарет...» Второго шанса разобраться в этом вопросе могло и не быть. Странная история с Трубецким случилась из-за книги, следовательно, и разгадку следует искать в ней же.

- Маргарет, если вы не возражаете, я бы с удовольствием детальнее посмотрела, как работает ваша группа. Я ведь сама тоже занималась древними манускриптами. Могу ли я остаться здесь хотя бы до вечера?

Форбс явно была не рада такой просьбе, но и отказать в ней было бы крайне странным.

- Хорошо, - без восторга в голосе сказала она. – Мария, - Форбс указала на девушку, которая все еще была в кабинете, - вам поможет. А мне нужно идти. Меня ждет директор музея.

Мария оказалась чрезвычайно смысленной сотрудницей, несмотря на молодость и отсутствие большого опыта. Она была целиком поглощена проектом, в котором работала уже три года. От нее Анна узнала, что история книги уверенно прослеживается с 1229 года, когда греческий священник из Иерусалима Иоанн Миронас взял коллекцию трудов Архимеда, а также парочку других греческих книг, расшил каждую из них, смысл, насколько мог тщательно, математические тексты, развернул пергамент на девяносто градусов, переплел заново и написал сверху литургические молитвы. Это теперь выяснилось, что использованные им книги с трудами Архимеда тоже были палимпсестом, то есть написанными в X веке поверх текстов греческих философов и ораторов. В начале XX века датский филолог Йохан Людвиг Хайберг расшифровал часть текстов Архимеда. Перевод этих текстов на английский язык выполнил сэр Томас Хеффнер, выпускник Тринити колледжа в Кембридже (Анна особо отметила про себя этот факт - Тринити колледж слишком часто мелькал в истории книги. Сергей Михайлович, очевидно, попал с этим в точку). Затем, во время Первой мировой войны, книга исчезла из поля зрения ученых. Есть основания полагать, что ею завладел французский солдат по имени Мари Луи Сирекс, который перевез ее во Францию. Там она досталась его дочери Анне Горсан. Когда книга появилась на аукционе, была продана и, в конце концов, оказалась в Балтиморе, общее мнение о ней было весьма скептическим. Большинство экспертов выражали сомнения в ее ценности, предполагая, что палимпсест XIII века вряд ли поможет открыть что-то новое в понимании работ Архимеда. Однако исследования, проведенные в Балтиморе с использованием самой современной техники, привели к сенсационным результатам, которые превзошли все ожидания специалистов. Не только содержание работ Архимеда, но и анализ некоторых философских трудов Аристотеля, обнаруженный позже, стали настоящим открытием для историков науки. Оказалось, что математика и философия бесконечного, а также основы приложения математических принципов к физическим моделям в значительной степени имели свое начало в работах этих ученых.

Кроме всего, выяснилось, что где-то в середине XX века в книге появились четыре неплохо выполненных, подделанных под старину портрета евангелистов. Очевидно, это было сделано с целью увеличить стоимость книги. Под ними скрывались тексты и чертежи Архимеда, которые удалось увидеть только с помощью

рентгена. Об истории с экслибрисом и вырванной из книги страницей Мария ничего не знала.

- Я вижу, у вас собралась отличная команда, - сделала ей комплимент Анна. – Жаль, что мой муж не смог к ней присоединиться.

- И мне очень жаль, - Мария говорила вполне искренне. – Тем более что доктор Форбс сама инициировала его приезд.

Анна замерла. Как это доктор Форбс? Она же только недавно утверждала, что это была инициатива Рица?

- Вот как? А я думала, что это была инициатива доктора Рица, - произнесла Анна вслух.

- Да нет же, - Мария покачала головой. – Я случайно была свидетелем их разговора. Маргарет уговаривала доктора Рица направить приглашение какому-нибудь ученому из Восточной Европы, чтобы он помог с греческими литургическими текстами. Она считала, что и они могут содержать нечто большее, чем обычные молитвы и псалмы. В том разговоре и прозвучало имя вашего мужа. Риц сначала сомневался, но потом согласился. С Маргарет, это я могу вам сказать, спорить непросто.

Шувалова была крайне встревожена этой информацией. Очевидно, что доктор Форбс обманула ее, но зачем?

Был уже вечер, когда Анна собралась домой. Поскольку Маргарет Форбс нигде не было видно, она попрощалась с Марией, и вышла из лаборатории. Музей, очевидно, уже закрыли для посетителей, поскольку его залы и коридоры были пусты. Шувалова направилась к выходу из музея. Она прошла по нескольким коридорам, спустилась по лестнице на первый этаж и уже была практически у дверей, когда прозвучал окрик с требованием остановиться. Приказ исходил от охранника музея, который преградил ей путь к выходу. Как по мановению волшебной палочки тут же по бокам Анны выросли две дюжих женщины-охранницы.

- В чем дело? – спросила Анна. – Что вам от меня нужно?

Она была крайне взволнована.

- Пройдите, пожалуйста, в смотровую комнату. Нам необходимо вас обыскать, - произнес охранник. Это был внушительных размеров чернокожий парень с круглым неприветливым лицом. Он сделал знак дамам, те слегка подхватили Анну под руки и повели куда-то вправо, где обнаружилась дверь с надписью «Служба безопасности». Шувалова не могла, да и не хотела сопротивляться. Видимо, призрак воровства, преследующий их в США, добрался и до нее.

В смотровой комнате Анне предложили раздеться. Неохотно, но она повиновалась. Затем дамы принялись тщательно осматривать ее одежду, подкладки, швы – в общем, все. Не забыли уделить внимание и тому немногому, что оставалось на Шуваловой. Разумеется, они ничего не нашли. Наконец, одна из них буркнула: «Одевайтесь», а вторая вышла из комнаты. Когда Анна привела себя в порядок,

охранница проводила ее обратно ко входу в музей. Чернокожий парень все еще был там. Теперь он выглядел не столько грозно, сколько растерянно.

- Прошу прощения, что доставили вам столько беспокойства, - произнес он. – Очевидно, произошло недоразумение. Нам поступил сигнал, что вы имеете проблемы с законом по части ... ну, вы понимаете... – он замялся, - ну, взять, что плохо лежит...

- Вы хотите сказать, что вам охарактеризовали меня, как воровку? Кто?

- Именно, - парень выдохнул. – К нам поступил анонимный звонок, мужской голос... Но теперь я понимаю, что мы ошиблись. Еще раз приношу вам свои извинения. Ничего личного, это всего лишь моя работа.

Анна Николаевна воздержалась от комментариев и просто вышла из музея. В этот момент у нее зазвонил телефон. Это был Трубецкой.

Глава 12. Вечер перестает быть томным

Джей-Кей открыл глаза и, слегка повернув голову, огляделся по сторонам. Он явно был в каком-то медицинском учреждении. Выкрашенные пополам светло-серые с белым стены, специальные, не раздражающие глаза лампы, огромная тележка с кучей мониторов, компьютеров, каких-то приборов и колб слева от его кровати – все указывало на госпиталь. От тележки к нему тянулись несколько проводов, видимо, от датчиков, а с другой стороны кровати располагалась капельница. Сильно болел затылок, и боль отдавала в виски и верхнюю часть спины. Он попробовал приподняться, но тяжесть в голове вернула его обратно. Джей-Кей упал на подушку и прикрыл веки. Боль чуть-чуть отпустила.

- Вам нельзя так резко вставать, - произнес мужской голос рядом с ним. Уитни открыл глаза. Это был кто-то в медицинском халате. Резкость не наводилась, и Джей-Кей плохо рассмотрел его лицо.

- Где я и что со мной? – спросил он.

- Вы в госпитале университета Джона Хопкинса. У вас травма затылка – по-видимому, кто-то ударил вас сзади по голове тупым металлическим предметом. Но череп не поврежден, это просто ушиб, все будет хорошо. Сегодня же пойдете домой, только не делайте пока резких движений.

Уитни слегка застонал. Госпиталь университета имени Джона Хопкинса в Балтиморе – пожалуй, один из лучших в США. Лечиться там стоит денег, и немалых. Только высокое начальство могло себе позволить такую роскошь. Кроме того, где-то здесь работала медсестрой его бывшая жена Марта. Он вовсе не хотел бы сейчас с ней встретиться.

- Если вы о страховке, - вдруг сказал человек в халате, будто прочитав его мысли, - так не беспокойтесь. Конечно же, если бы у вас уже был наш полис, устроить вас сюда было бы намного проще, но мы пошли навстречу просьбе ваших руководителей – все будет оплачено в счет нашего будущего сотрудничества.

Уитни присмотрелся внимательней – человек в белом халате рядом с ним был ни кто другой, как ... Уильям Коллинз. В один момент Уитни вспомнил все. И их разговор в полицейском участке, и попытку проследить за тем, куда Коллинз отправился сразу после встречи. Это было какое-то здание, странное... Уитни напрягся, но никак не мог вспомнить ни название улицы, ни табличку на здании, которая привлекла его внимание. Он снова слегка застонал.

- Кстати, а вы не помните, что же все-таки с вами случилось? – вдруг участливо поинтересовался Коллинз. Джей-Кей отрицательно покачал головой. – Ничего, это бывает, - Коллинз будто стремился утешить Уитни. Он стоял рядом с кроватью и заполнял какой-то формуляр. - А сейчас я вас оставляю и передаю в руки профессионалов. Выздоровливайте и впредь будьте осторожны. – Его лицо расплылось в лучезарной, но неискренней улыбке.

Вскоре после того, как Коллинз вышел, в палату зашла медсестра. Уитни уже почти справился с болью и ощущением тяжести в голове, и начал испытывать привычную служебную лихорадку. Он стал проситься домой, но сестра была непреклонна.

- Я поставлю вам еще одну капельницу, после этого вас осмотрит врач и лишь тогда, возможно, вам разрешат покинуть госпиталь, - сказала она строгим голосом. Это была маленькая, симпатичная, но очень серьезная филиппинка. – А до того, офицер, прошу вас соблюдать режим.

Через два часа Джей-Кей все же добился своего. Врач посоветовал ему прикладывать лед к затылку еще несколько дней и выписал домой. Ему выдали одежду и вещи, в том числе любимую записную книжку. Уитни раскрыл ее и торопливо пролистал. Кусочка обгорелой бумаги, найденной им в доме покойного Рица, в ней не было.

Джей-Кей не был бы самим собой, если бы прямо из больницы не отправился в офис. Там выяснилось, что все коллеги уже были в курсе случившегося с ним, и он сполна получил порцию сочувственных взглядов, возгласов и похлопываний по плечу. Надо сказать, что все эти проявления коллегиальной солидарности и заботы не доставили ему особого удовольствия. Уитни всегда придерживался мнения, что в схватке преступника и полицейского вверх – по определению – всегда должен одерживать страж закона; во всех остальных случаях это непрофессионализм.

Но сегодня детективу Уитни было не до анализа психологических аспектов ситуации, в которую он попал. Его привела в участок одна навязчивая мысль. Видимо, удар тупым предметом по голове иногда имеет и свои позитивные стороны. Вот и сегодня, только прийдя в себя на больничной койке, в его мозгу всплыл, да так и остался на плаву, один простой вопрос: а почему, собственно, федералы заграбастали дело Рица под свою юрисдикцию? Чем это скромный руководитель отдела древних рукописей из музея искусств мог заинтересовать ФБР? Задать эти

вопросы Уитни мог только одному человеку – начальнику их отделения капитану Уайту.

Тот был крайне удивлен, увидев в своем кабинете Рица, да еще с повязкой на голове. Он даже поднялся навстречу, чтобы пожать руку своему лучшему детективу и выразить очередную порцию сочувствия.

- Джей-Кей, что это значит? Не лучше ли было бы тебе отправиться домой и прийти в себя?

- Спасибо, шеф, - ответил Уитни, испросив разрешения присесть и пристраиваясь в кресло напротив Уайта, - я уж как-нибудь справлюсь, не впервой. Вопрос один есть, покоя не дает даже в бессознательном состоянии.

- Слушаю вас, детектив, - Уайт тоже уселся за свой стол и сделался серьезным.

- Я буду краток. Объясните мне, капитан, по какой такой причине ФБР заинтересовалось делом нашего безвременно усопшего ученого и забрало его себе будто только для того, чтобы как можно быстрее закрыть?

На лице Уайта не дрогнул ни один мускул.

- Надеюсь, офицер, вы понимаете, что я не обязан вам отчитываться по таким делам?

- Разумеется, капитан, - Уитни знал правила игры. – Простите, если нарушил субординацию. Но если принять во внимание, что мы знакомы пятнадцать лет и не раз выручали друг друга, я думаю, что бюрократические проволочки в данном случае можно оставить в стороне.

Уайт вздохнул, поскольку Джей-Кей был прав. Он поразмышлял еще несколько секунд. Федералы, конечно, ребята серьезные, но ему предстоит работать вместе не с федералами, а с Уитни.

- Джей-Кей, я и сам не до конца понимаю, в чем там дело. Ты думаешь, мне объясняют детали?

- Капитан, Грег Норман сказал мне, что на теле Рица, сзади, возле шеи, были едва заметные следы от укула или укуса крупного насекомого, которые, очевидно, появились незадолго до его смерти. Норман знает свое ремесло, я ему верю. Вы же не хотите, чтобы я подал рапорт окружному прокурору о неправомерном закрытии дела Рица со всеми вытекающими из этого последствиями?

- Это угроза? – Капитан слегка побагровел. - Детектив Уитни, вы в своем уме?

- Если это было убийство, - Уитни тоже повысил голос, - то не исключено продолжение истории. Вы будете спокойно спать, капитан, если мы вскоре обнаружим еще парочку трупов внезапно скончавшихся профессоров или других выдающихся жителей Балтимора?

Уайт вскочил с кресла и нервно прошелся по кабинету. Как жаль, что он бросил курить три года назад, сейчас было самое время для нескольких глубоких затяжек. «Ладно, будь, что будет», - махнул он про себя рукой.

- Риц работал на Пентагон. В этих, невинных на первый взгляд, манускриптах, которыми он занимался, были какие-то интересующие военных данные. Я и вправду не имею ни малейшего понятия о чем конкретно идет речь. Больше я ничего не знаю, - неохотно выговорил Уайт, возвращаясь за стол. – Но я тебе ничего не говорил, даже в суде под присягой буду отрицать, имей это в виду.

Пентагон! Час от часу не легче. Это была новость, которая многое объясняла. Однако что нужно было Министерству обороны от музейного работника? Что могло интересовать военных в книге XIII века? Неужели Архимед оставил потомкам описание чудо-оружия, которое до сих пор остается актуальным? После разговора с начальством Уитни включился в свой привычный рабочий ритм и просто напрочь забыл о травме головы и шеи. Во всяком случае, повязка оказалась в мусорном ведре сразу, как только он покинул кабинет капитана Уайта. От нее мозгам было холодно и неуютно, а ситуация требовала активного взаимодействия всех нейронов, оставшихся после травмы в живых.

Прежде всего, предстояло определиться с последующими шагами. Джей-Кей погрузился в размышления. Итак, в руки доктора Рица волею случая и анонимного миллиардера попадает старинная рукопись. Он собирает команду специалистов, которые начинают заниматься исследованиями книги. Проходит несколько лет, работа продвигается успешно, но еще не завершена, и вот вдруг Риц берет весьма дорогую книгу домой, что-то там с ней делает, его находят мертвым, а книга исчезает. Теперь выясняется, что он работал не только на музей и, в какой-то степени, на собственника манускрипта, но и на Пентагон. Финал истории – книга непостижимым образом оказывается в сумке только что приехавшего украинского ученого, которого пригласил сам Риц. Стоп! Тут возможны варианты. Если бы Риц был жив, а книга проделала тот же кульбит, можно было предположить, что Трубецкого пригласили специально, чтобы вывезти книгу из страны. Но Риц был мертв задолго до приезда Трубецкого. Тогда, если предположить, что украинец и вправду не виноват, значит, книгу ему в сумку подсунули те, кто точно знал о его приезде, где он будет жить и другие подробности. Но все это было известно лишь среди членов группы доктора Рица. Следовательно, следы ведут в музей. Нужно будет туда снова наведаться.

Однако вернемся к Пентагону. Очевидно, что такого рода контакты являются сугубо конфиденциальными. Значит, Риц не мог делать работу для военных в лаборатории, где полно народу и все на виду. А вот анализировать результаты, полученные его группой, как и дополнительно поработать с некоторыми фрагментами текста можно и дома. Но тогда и результаты его работ следует искать там же. Уитни взял ключи от дома Рица и от машины, и, не слишком привлекая внимания коллег, выбрался из участка. Неплохо было бы найти хоть что-нибудь из записей доктора Рица. Это дало бы возможность существенно продвинуться вперед в понимании всей этой ситуации.

В доме доктора Рица было по-прежнему тихо и прохладно. Уитни снова, уже в третий раз прошелся по гостинной и кабинету, внимательно разглядывая стены и обстановку на предмет сейфа, несгораемого шкафа или чего-то в таком духе. Затем он еще раз обшарил второй этаж дома. Но, увы, ничего стоящего на глаза не попадалось. Тогда он вернулся в кабинет Рица и стал внимательно, буквально корешок за корешком осматривать книги, стоящие там повсюду. Теперь Джей-Кей обратил внимание, что книги на полках были скомпонованы не случайным образом. Одна полка была заполнена трудами древнегреческих философов, другая – книгами по искусству, третья – справочной литературой, и так далее. Его внимание привлекла весьма впечатляющая коллекция книг по криптографии, шифрам и нумерологии, собранная в одном из шкафов. В отличие от остальной библиотеки, эти книги были относительно новыми. Это было уже что-то. Он собрался открыть шкаф и внимательнее полистать их, чтобы понять степень интереса Рица к этой теме, как в доме послышался какой-то шум. Причем исходил он не от входной двери, а от черного хода. В этот момент Уитни находился в глубине кабинета Рица, и ему не была видна кухня; он лишь явственно услышал, как кто-то вошел в дом. Джей-Кей замер, достал пистолет, и, держа его двумя руками, стал потихоньку перемещаться к дверям кабинета. Желательно было рассмотреть нежданного посетителя до того, как предпринять какие-либо действия.

Уитни аккуратно выглянул в коридор. Там спиной к нему кто-то стоял и перебирал книги на одной из многочисленных полок. Было недостаточно светло, чтобы разглядеть детали, но с первого взгляда ему показалось, что это была женщина. Во всяком случае, на это указывал невысокий рост, худощавое телосложение и длинноватые, как для мужчины, волосы. В то же время, фигура незнакомца или незнакомки, который тем временем переключился с книжной полки на одежный шкаф, была скрыта плащом и точно определить кто это с такого расстояния было невозможно. «Форбс!» - мелькнуло в голове у Уитни.

- Маргарет, это вы? – крикнул он, одновременно выскакивая из кабинета с пистолетом, нацеленным вперед. – Стоять! Никаких резких движений! Руки вверх, чтобы я их видел!

Человек от неожиданности вздрогнул, но, вместо того, чтобы ответить или повиноваться Уитни, кинулся бежать, опрокидывая мебель и посуду, через кухню назад к черному ходу, а оттуда на улицу. Джей-Кей ринулся за ним. Он довольно проворно выскочил на лужайку, которая окружала дом с тыльной стороны, но лишь увидел, как незнакомец весьма быстро убегает по направлению к припаркованной недалеко от дома машине. Уитни, было, бросился в погоню, как вдруг резкая боль пронзила затылок. Он совершенно забыл, что еще утром лежал в больнице с травмой головы. У него закружилась голова и Джей-Кей едва не упал. Превзимогая боль, детектив все же пробежал метров сто, отделяющих дом от дороги, но лишь успел заметить марку и, частично, номера уезжающего автомобиля. Это был бордовый «бьюик сенчури» 2005 года. Приложив руку с холодным пистолетом к затылку – так

ему стало немного легче, он вернулся к своей машине и по радиии запросил помощь. Ему нужно было всего-то продиктовать часть номера и марку машины дежурному диспетчеру, как через десять секунд строгий женский голос сообщил ему все, что требовалось. Машина была зарегистрирована на имя Уильяма Коллинза.

Ну, конечно же! Невысокий, с женственной фигурой и длинными волосами, муж госпожи Форбс в плаще и со спины вполне мог сойти за женщину. Первым порывом Уитни было рвануть за этим Коллинзом, допросить его тепленьким и выяснить, как это он попал в дом к человеку, с которым вроде бы не был знаком, и что он там искал. Однако потом детектив взял себя в руки. Без санкции судьи или прокурора Коллинз просто не станет с ним разговаривать, да еще нажалуется капитану Уайту. А доказательств его причастности к смерти Рица как не было, так и нет. Кроме того, ничто не мешало и Маргарет воспользоваться машиной мужа.

Был уже вечер и Джей-Кей добирался до участка в пробках вдвое дольше обычного. Усталый и раздраженный, он припарковал машину возле здания полиции и не без труда поднялся по ступенькам. Уитни постарался сосредоточиться. Он решил еще сегодня сделать некоторые запросы по поводу Коллинза, а уж потом ехать домой долечивать свой все еще ноющий затылок. В конце концов, этот женоподобный страховой агент никуда не денется. Вдруг мобильный телефон – «раскладушка» в его нагрудном кармане дал о себе знать легкой вибрацией. Уитни ответил на звонок. Это была Марта, его бывшая жена. По своей воле Джей-Кей общался с ней крайне редко, и сейчас она была явно не вовремя. Однако он обо всем забыл в один момент, когда Марта, чересчур убедительно всхлипывая в трубку, произнесла:

- Люси... Ее похитили.

Глава 13. Все дороги ведут в храм

Впервые за последнюю неделю Сергей Михайлович испытывал чувство пусть и неполного, но, все же, удовлетворения. В Кембридже ему удалось-таки добиться своего, и теперь с чистой совестью можно было ехать домой. Он находился в своей комнате в гостинице и уже собирал вещи, чтобы отправиться в Лондон, как увидел, что под дверь его номера подсунули конверт. Он решил, что это счет за проживание – так иногда поступают в британских отелях, – наклонился и поднял его. Конверт был не запечатан, и без каких-либо надписей. Трубецкой достал из него сложенный втрое лист бумаги. Он содержал всего несколько слов.

«Сегодня в восемь вечера у фонтана во дворе Тринити колледж».

Снизу под этой надписью был изображен рисунок-логотип – вписанная в окружность буква «ай», у которой вместо точки полыхал красный огонек пламени. Сергей Михайлович был заинтригован, хотя этот знак ничего ему не говорил. Он присел на кровать и задумчиво повертел необычное письмо в руках. С одной стороны, было

ясно, что его куда-то приглашают, с другой – совершенно непонятно, кого это могла заинтересовать его скромная персона в практически незнакомом ему Кембридже. Поскольку единственным связующим звеном между ним и университетом был Кодекс Архимеда, Трубецкой после непродолжительных раздумий все же решил рискнуть – в конце концов, Лондон никуда от него не денется. Скоротав кое-как время до вечера, ровно в восемь, когда уже стемнело, он стоял у знаменитого фонтана во внутреннем дворе Тринити колледжа. На всякий случай, уходя из номера, он оставил на столике записку с мобильным телефоном Анны и объяснением, куда он отправился. Чем черт не шутит...

Небольшая старинной архитектуры беседка с уменьшенной копией настоящего садового фонтана внутри напоминала, скорее, средневековую гробницу или будуар, и вовсе не была похожа на фонтан; так ее называли, скорее, по традиции. Двор, посреди которого и находилась беседка-фонтан, был пуст. Он представлял собой просторную лужайку, заросшую изумрудной идеально подстриженной травой и расчерченную аккуратно проложенными дорожками. Одна из них проходила как раз рядом с беседкой. По ней Сергей Михайлович и добрался до указанного в записке места, огляделся и присел на лавочку внутри. Дальше все происходило, как в кино про шпионов.

Через несколько минут после появления Трубецкого непонятно откуда у фонтана возник совершенно незнакомый мужчина на редкость обыкновенной, ничем не примечательной наружности. Он был слегка небрит, одет в мягкий твидовый костюм и джемпер, с шарфом на шее и в иной ситуации легко сошел бы за садовника. Незнакомец жестом пригласил Сергея Михайловича следовать за ним. Трубецкой поднялся, вышел из беседки, еще раз оглянулся по сторонам, убедился, что больше вокруг никого нет, и последовал за «садовником». Он слегка волновался, соглашаясь на это предприятие, но теперь уже надо было идти до конца. «Садовник» и Трубецкой прошли к напоминающему готический собор зданию колледжа, обогнули его и вошли внутрь через одну из боковых дверей. В здании царил полумрак – плод союза темноты с прохладным лунным светом, слегка пробивающимся сквозь витражи первого этажа. Там их ожидало еще двое джентельменов, но эти были, как полагается, в белых рубашках и черных, несколько старомодного покроя костюмах. Сергей Михайлович едва смог разглядеть их лица – круглые, и, как ему показалось, в веснушках. Один из них, со старомодными бакенбардами, достал из кармана сюртука продолговатый кусок черной ткани.

- Вам ничего не грозит, - тихо произнес он, - но мы должны завязать вам глаза. Таковы правила. Прошу вас, доверьтесь нам.

Сергей Михайлович глубоко вздохнул и согласился. Собственно, никто здесь, в Кембридже, не мог рассматривать его в качестве врага. Скорее всего, кому-то что-то от него было нужно. А с завязанными глазами довольно безобидное предприятие по поиску потерянной страницы Кодекса Архимеда приобретало потенциал стать настоящим приключением.

Ему надели повязку и, взяв под руки, повели дальше. Пешая прогулка включала несколько длинных коридоров, подъемов и спусков по лестницам, и продолжалась довольно долго, минут двадцать. Наконец, как догадался Сергей Михайлович, они оказались в лифте, которым спустились на несколько этажей вниз. Там они сделали еще с десяток шагов и с Трубецкого, наконец, сняли повязку.

Сергей Михайлович огляделся по сторонам. Он находился в довольно просторном и абсолютно круглом помещении, напоминающем неглубокий колодец, разделенный на этажи. На каждом из них по кругу были устроены деревянные балконы, а на самом верху, в потолке, вмонтирован светильник в виде шестиугольной звезды. Дно этого «колодца», где сейчас и стоял Трубецкой, было выложено каменной плиткой, составляющей уже знакомый Сергею Михайловичу круг с вписанной в него буквой «ай» в виде свечи. По кругу была сделана какая-то надпись на латыни, но прочесть ее в таком положении было довольно затруднительно. Зал на первом этаже окольцовывали лоджии с оббитыми красным бархатом лавками, а прямо напротив входа возвышалась небольшая трибуна или, скорее, кафедра с высоким стулом и подставкой, на которой лежала толстая книга в старинном кожаном переплете. Зал был пуст.

- Добро пожаловать, господин Трубецкой, - вдруг раздался позади него мужской голос. Сергей Михайлович от неожиданности вздрогнул и обернулся. Вошедший – довольно солидного возраста и вида мужчина в темно-синей с белой окантовкой университетской мантии и завитом британском парике - был ему не знаком.

- Здравствуйте, - произнес Трубецкой. – Но я что-то не припоминаю, чтобы мы с вами встречались. Вы не могли бы объяснить, где я и что все это значит?

- Вы правы, мы с вами пока не знакомы. Точнее, я-то вас знаю, а вы, пожалуй, можете называть меня... - он сделал паузу, - ну, скажем, Эврипид. Прошу вас, не беспокойтесь. Вы скоро все узнаете, - вошедший жестом пригласил Трубецкого присесть. - Я думаю, что для начала вам будет любопытно посмотреть и послушать то, что здесь будет происходить, а потом мы с вами поговорим.

Пока они разговаривали, откуда-то появившийся молодой человек в средневековом костюме подмастерья занес небольшое кресло и поставил позади Трубецкого. Ему ничего не оставалось, как присесть и набраться терпения.

Тем временем человек в парике прошел за трибуну, уселся на высокий стул за кафедрой и зажег стоящую на ней толстую свечу. Тут же, как по мановению волшебной палочки, балконы на всех этажах стали заполняться людьми в таких же, насколько мог рассмотреть Трубецкой, мантиях, но без париков. Каждый из вошедших также зажег и поставил перед собой свечу, и вскоре все помещение стало напоминать уходящий вверх сверкающий множеством огоньков коридор. Трубецкой заметил про себя, что на первом этаже было ровно двенадцать мест, разделенных на четыре совершенно симметричных ложи по три человека. Мужчины, занявшие места в этих ложах, были старше остальных, а их головы покрывали темно-синие, под цвет

мантий, береты с вышитой на них буквой «ай». Как только движение прекратилось, Эврипид взял в руки деревянный молоток и стукнул им по кафедре три раза. Наступила тишина. Человек за кафедрой выдержал короткую паузу, затем начал говорить. Его голос звучал в этой тишине как-то особенно таинственно. Похоже было будто маг произносит заклинание перед тем, как совершить чудо.

- Ради прогресса и процветания; в интересах всего славного человечества; во имя Единого Бога, Творца Всего Сущего, Великого Архитектора Вселенной! Мы собрались здесь, чтобы отбросить условности и ограничения, присущие смертным, для изучения сокровенных знаний, переданных нам предками. Я призываю вас, апостолы и ангелы, к совместной работе и соблюдению клятвы! Ничто не истинно; все позволено!

Все присутствующие повторили последнюю фразу хором.

- Сегодня мы будем говорить с вами об одной из величайших тайн мироздания, о числе, которое таит в себе и Божественный Логос, и Святые Писания. Это число само есть изначальный Хаос, олицетворение единства конечного и бесконечного, возвышенного и земного.

Сергей Михайлович начал смутно догадываться, о чем пойдет речь. Он вдруг отчетливо вспомнил и свой разговор с Женей Маркевичем, и недавнюю встречу со странным шотландцем в отеле. Очевидно, та встреча была просто разведкой, прелюдией к сегодняшнему мероприятию. Тем временем председательствующий продолжил.

- Ныне известное как «пи», это число считалось сакральным во многих древнейших культурах – от шумеров и Вавилона, до Древней Греции. Самые просветленные теософы нашего времени связывали его с Солнцем, идеей божественной гармонии и Небесным Воинством. Его мистика сопровождала математические и философские исследования на протяжении тысячелетий. Это число является способом взаимодействия Творца Вселенной с теми представителями человечества, которые посвящены в тайну священных мистерий. Это язык, основанный не на словах, а на цифрах. Оно пришло из Геометрии, и вовсе не случайно еще древние египтяне величали бога-творца Птаха Архитектором, или Геометром. Теперь установлено, что в числе «пи» нет, и не может быть ни одной циклической последовательности. Все его цифры, а их количество уже измеряется триллионами, подчиняются теории хаоса, они и есть сам олицетворенный Хаос!

«Бог есть круг, центр которого везде, и нигде - окружность». Эту великую мысль приписывали Эмпедоклу и Вольтеру, Паскалю и Николаю Кузанскому, кабалле и индусам. Ее вкладывали в уста Гермеса Трисмегиста и Тимея Лотрского, Святого Бонавентуры и Джордано Бруно. Карл Густав Юнг считал, что эти слова принадлежат французскому богослову Аланусу де Инсулису. Опираясь на них, Юнг определил Самость: «Самость не только центр, но и окружность, охватывающая и сознание, и бессознательное». Вдумайтесь, у круга нет ни начала, ни конца, ни направления. Он ограничивает конечную площадь, но сам – бесконечен. Круг,

окружность является символом метафизического нуля - «не-числа», которое порождает все остальные цифры. И первое, что должно появиться из этого «не-числа» - это единица, вертикально проведенный диаметр. Женское начало – окружность, нуль, и мужское начало – диаметр, единица, вместе порождают число «пи».

Гематрия – одно из учений Каббалы, говорит, что первые пять цифр этого числа – 31415 – и есть запечатленное в математических образах имя самого Бога – Элохим. Именно пять цифр, связанных с магическим числом 23! Испокон веков, в Вавилоне и Индии, Египте, Греции, Риме математики и философы работали вместе, не отделяя свои науки одну от другой. Платон и Аристотель, Пифагор и Архимед видели за цифрами сакральное строение мира, его глубокую внутреннюю сущность. Но и они не поднялись на уровень Каббалы – знания, предназначенного для посвященных. Иудейские мудрецы говорили: «Там, где кончается философия, там и по ту сторону начинается мудрость Каббалы».

Как вы знаете, Свое имя и секрет своих чудесных деяний Бог открыл еврейскому народу на горе Синай. «Скрижали были дело Божие, и письма, начертанные на скрижалях, были письма Божии» - говорится в книге Исход (32:16). Во времена Храмов евреи не пользовались этим священным письмом для будничных целей, оно служило лишь для переписывания свитков Торы. Но теперь этот язык - с нами, как пребывает с нами и число, олицетворяющее Бога и Вселенную, и изначальный Хаос, и мы должны, мы призваны открыть скрытую в нем тайну тайн!

Ибо в этом числе по воле Всевышнего содержится сокровенная мудрость веков. Там все, что человечество уже создало или еще создаст; все, что самые просветленные из нас могли написать или уже написали. Вопрос в том, как проявить эти знания? В чем заключается код бесконечности самого Господа?

Один из сидящих в ложе первого этажа мужчин протянул руку, взял стоящую перед ним свечу, поднял ее и поставил обратно. Человек за кафедрой немедленно среагировал на этот жест.

- Прошу вас, апостол Матфей, ваше слово.

- Мы не можем утверждать с уверенностью, что код числа «пи» записан с использованием еврейского алфавита. Это число существовало в Божьем промысле изначально, задолго до появления языка Библии и Святых Писаний. То, что первые пять его цифр соответствуют имени иудейского Бога, не есть доказательство того, что и все последующие цифры дадут осмысленный результат. Мы должны быть объективными.

- Иврит – язык особый, созданный как система понятийно-буквенно-числовых образов, - парировал Эврипид. – Вот вам пример: в иврите слово «пе» означает «рот» и любые другие круглые отверстия, например, у колодца. Но когда оно используется в этом смысле в словосочетаниях, оно звучит как «пи». Именно так произносится это слово и тогда, когда хотят сказать «умножить на...». Как раз эта форма «пи» и дала название греческой букве «пи», и, соответственно, известному иррациональному числу. Но дело не только в названии. Возьмите формулу: диаметр ... «умножить на» ...

«пи» - дает длину окружности. А ведь «рот», «отверстие» - это та же «окружность». Разве в этом нет высшей логики? И стоит ли тогда удивляться, что именно от этой буквы «пи» пошло также слово «пиют» - «стих Торы»?

Сразу несколько участников церемонии на разных этажах подняли и опустили свои свечи в знак желания присоединиться к дискуссии. Каждому из них по очереди была предоставлена возможность высказаться. Дискуссия продолжалась еще около часа. Трубецкому было безумно интересно, но у затекла спина и ноги, а от насыщенности воздуха запахом воска слегка кружилась голова. То, что он понял из выступления человека за кафедрой, а затем – из вопросов и ответов, прозвучавших в ходе дискуссии, сводилось к следующему.

Число «пи», представляющее собой отношение длины окружности к ее диаметру, является одной из самых таинственных загадок окружающего нас мира. Тот факт, что количество десятичных знаков в этом числе после запятой действительно бесконечно, является основанием для предположения, что это – некий код, который можно расшифровать с помощью гематрии, то есть буквенно-цифрового соответствия. Существует гипотеза, что если правильно подобрать шифр, то число «пи» раскроет такие тайны, о которых человечество и не подозревает. Любопытно, что чисел, подобных «пи», в математике существует немало; однако оно – единственное, возникающее в природе естественно, независимо от нашего желания, и присутствует повсюду. Неудивительно, что именно оно и стало предметом анализа самых выдающихся каббалистов и исследователей Библии, философов, теософов и эзотериков. Единственное, что Трубецкому не было до конца ясным, это то, зачем его, человека бесконечно далекого как от математики, так и от философии, пригласили на эту дискуссию.

Церемония завершилась тем, что в толстую книгу, лежащую на кафедре перед человеком в парике - Эврипидом, - была сделана специальная запись о сегодняшнем событии. Затем последовал удар деревянным молотком о кафедру, свечи в знак закрытия дискуссии были потушены и балконы в течение считанных секунд опустели. Трубецкой и председательствующий остались в зале одни.

- Теперь я готов ответить на ваши вопросы, - сказал Эврипид, обращаясь к Сергею Михайловичу. – Если, конечно, они у вас есть.

- Разумеется, есть, - Сергей Михайлович поднялся с кресла. – Я, собственно, уже задал вам главный вопрос. Я бы хотел знать, где я нахожусь и с какой целью меня сюда пригласили? Что означает этот логотип на полу? Кто эти люди, которых вы называли апостолами и ангелами? Зачем вам понадобилось, чтобы я присутствовал на дискуссии по вопросу, в котором ничего не понимаю?

- Хватит, хватит, - председательствующий слегка усмехнулся и сделал оборонительный жест рукой. – Не так напористо. Давайте все по порядку.

Вы находитесь в храме, основанном людьми, для которых проникновение в высшее знание и его повсеместное распространение является смыслом существования. Мы - общество иллюминатов, о котором, наверное, вы немало

слышали. Его не разогнали в XVIII веке, как гласит официальная и довольно глупая версия, мы, как видите, очень даже живы. Символы на полу отображают две главных для нас вещи: окружность символизирует Солнце, Землю, вечный круговорот смерти и воскрешения, и, одновременно, Божественное провидение, выраженное через геометрию и число «пи». Буква «ай» - первая в слове «иллюминат» с огоньком вместо точки – это символ того, что является нашей целью – открытие тайн мироздания и просветление человечества. А девиз «Ничто не истинно; все позволено» кратко выражает наше кредо.

- Весьма, кстати, странный девиз, - прокомментировал эту реплику Трубецкой. – Вы ни во что и ничему не верите, и считаете, что вседозволенность – это кредо?

- Да нет же, все не так. «Ничто не истинно» означает, что нет абсолютного знания, абсолютной истины; все относительно и переменчиво. А фраза «все позволено» отражает наше убеждение, что для человека нет, и не может быть границ в исследовании, он должен быть открыт для новых знаний, постоянно подвергать сомнению устоявшиеся горизонты и стереотипы. Так что все просто.

- А как на счет апостолов с ангелами?

- О, это просто дань традиции. Когда-то наше общество носило существенный религиозный оттенок. Его основатели, коих было ровно двенадцать джентельменов, решили принять имена апостолов, чтобы придать своим действиям особо высокий смысл, а членам при вступлении в общество давать прозвища и величать «ангелами». Так что в сегодняшней дискуссии принимали участие не только Матфей с Иоанном, но и Сократ, Пифагор, Спартак, Птолемей, Исидор, Гомер, и так далее, и так далее...

- И Эврипид?

- И Эврипид, ваш покорный слуга.

- Ладно, - Трубецкой махнул рукой, – Бог с ними, с апостолами. Скажите, наконец, зачем я здесь?

- Как вы догадываетесь, мы пригласили вас не случайно. Вы оказались причастны к делу, которое взбудоражило не только нашу организацию, но и многие другие, в том числе и те, существование которых нам очень вредит, вроде «новых иллюминатов» из США. Я имею в виду появление из тьмы веков Кодекса Архимеда. Уже первые результаты анализа его содержимого показали, что в этой книге содержатся ранее нигде не опубликованные работы великого ученого, который в свое время сделал решающий вклад в создание основ современной науки, в частности, в изучение числа «пи». Сейчас все заинтересованные стороны с нетерпением ждут сообщений о том, что же таят в себе эти работы. «В начале было Слово, и Слово было у Бога и Слово было Бог» - так сказано в Евангелии от Иоанна. Но давайте спросим себя – а на каком языке, собственно говоря, было это Слово? Есть основания считать, что ответ на это вопрос скрывается где-то в нумерологической мистерии числа «пи». Казалось бы, мы уже все знаем об этом числе, математика достигла огромных успехов по его изучению, но мы ни на йоту так и не приблизились к пониманию его мистической природы. Кроме того, мы знаем, что в Кодексе Архимеда содержится

неизвестный донныне философский анализ некоторых трудов Аристотеля – автора учения о бесконечном, а это краеугольный камень в понимании природы божественного во всех его проявлениях, в том числе и загадки числа «пи».

К сожалению, книга находится в руках так называемых «новых иллюминатов», которые опорочили наши цели низменным стремлением использовать полученные знания для одурачивания людей. Это общество так называемой «магии хаоса» не имеет ничего общего с нами. Кроме того, как нам стало известно, изучением числа «пи» заинтересовались военные. Они пытаются создать на его основе какой-то супершифр, криптостойкую систему, или, как они это называют, протокол, который невозможно будет взломать. И они тоже хотели бы заполучить книгу. А еще мы знаем, что ваша жена находится сейчас рядом с Кодексом. Мы будем признательны за любую информацию о том, как продвигаются работы по его изучению. Конкретно вам мы предлагаем присоединиться к нашему братству. Мы убеждены, что вы обогатите общество иллюминатов своим интеллектом и опытом, а мы будем вам полезны как сообщество людей, которые никогда не предадут один другого. Выпускники, покинувшие стены Кембриджа и этого зала легко узнают и помогают друг другу. Вы можете стать частью этого содружества, в качестве особого исключения, конечно.

Сергей Михайлович терпеливо выслушал весь этот монолог. Он был крайне разочарован, хотя виду не подал. Какие-то люди просто хотели использовать его в своих целях. Он давно не верил ни в какие тайные общества и однажды уже отклонил приглашение стать членом весьма влиятельной масонской ложи. Предложение присоединиться к иллюминатом выглядело еще менее привлекательным. Кроме того, он чувствовал себя весьма утомленным. Объем полученной информации был слишком велик и его еще надо было осмыслить прежде, чем принимать какие-то решения. Он пообещал Эврипиду подумать об услышанном, после чего его также, с повязкой на глазах, вернули к фонтану во дворе Тринити колледжа и оставили там одного. Была уже глубокая ночь. Для Трубецкого так и осталось загадкой, где же среди всех этих весьма скромных по размеру зданий университета можно было спрятать то странное помещение, в котором он только что побывал. Впрочем, удивительного за последние дни было так много, что Сергея Михайловича хватило только на то, чтобы добраться до отеля, позвонить в Балтимор и рассказать обо всем Анне. Положив трубку, он упал на кровать и провалился в глубокий сон.

Глава 14. Магия хаоса

После происшествия в музее Анна Николаевна решила, что настало время переходить к активным действиям. Кроме расследования по обвинению Трубецкого в соучастии в краже Кодекса Архимеда, ее в Балтиморе больше ничто не удерживало. Детектив Уитни, который вел это дело, на связь с ней не выходил, поэтому она

решила нанести ему визит сама. Честно говоря, трудно было придумать более неподходящий момент для их встречи.

Джей-Кей был в офисе, когда там появилась Шувалова. Однако он ее сразу не узнал – настолько велико было напряжение, в котором находился Уитни. После звонка Марты для поиска Люси были предприняты все предусмотренные в таких случаях меры, однако безрезультатно. Фотографии Люси были у каждого полицейского, в каждой патрульной машине, их предъявили во всех кафе, ресторанах и гостиницах, в которых она могла появиться хотя бы теоретически – ничего. Дело осложнялось еще и тем, что похитители не выдвинули пока никаких условий. Выяснилось лишь, что она пропала по дороге из школы домой, но никто ничего не видел, ни одного свидетеля! Просто вечером Марте позвонили с мобильного телефона Люси, и незнакомый мужской голос сказал, что Люси у них, и что они сформулируют условия ее освобождения позже. Кто это «они», и что им нужно все еще оставалось загадкой.

По чистому совпадению, как только Анна, не подозревающая о пропаже дочери Уитни, вошла в кабинет, у него зазвонил мобильный телефон. Детектив взглянул на экран мобильного, изменился в лице и ответил на звонок. Он даже не обратил внимания, что находился в кабинете не один.

- Люси, дорогая, это ты? – прокричал он взволнованно.

- Это я, Па, - произнесла Люси усталым голосом. – Я в порядке.

- Гды ты? Ты в безопасности?

- Да, послушай... - наступила пауза. Люси будто сомневалась, говорить ли дальше. - Они хотят, чтобы ты прекратил какое-то расследование...

На другом конце послышался неясный шум, как если бы кто-то сердито и быстро что-то говорил.

- Они говорят, Па, что ты лезешь не в свои дела. Прости, - Люси вздохнула, - это их слова, не мои.

- Скажи им, что я готов обсудить любые вопросы. Мне нужно с ними встретиться.

Уитни услышал, как Люси передает кому-то его слова.

- Они говорят, что подумают и позвонят вечером.... Па, - добавила Люси, - помоги, ты же все можешь...

- Не бойся, родная, я тебя вытащу, держись, не сдавайся, - торопливо заговорил Уитни. Он отчаянно пытался поддержать дочь.

Разговор внезапно прервался. Он продолжался меньше минуты и поэтому засечь, откуда звонили, было невозможно. Уитни бросил телефон на стол. Он был на пределе нервного напряжения. Невозможность чем-то помочь дочери страшно его бесила.

Прекратить расследование! Этому могли требовать только те люди, которые как-то связаны с этой историей о смерти Рица и пропажей книги. Неужели это все

дело рук Коллинза? Сначала удар куском трубы по затылку, теперь Люси, что дальше?

Наконец, он обратил внимание на Анну. Джей-Кей с трудом вспомнил, кто эта женщина. Чисто механически он отметил про себя ее большие зеленые глаза, каштановые слегка вьющиеся волосы ниже плеч, стройную фигуру. «Лет тридцати с небольшим, – мелькнула мысль. – Красивая, больше никаких особых примет».

- Что вам угодно? – спросил он не слишком вежливо.

Шувалова, которая стала невольным свидетелем его с Люси телефонного разговора, набралась смелости и решила идти ва-банк.

- Я понимаю, детектив, что я, очевидно, не совсем вовремя, но если возникшая у вас проблема как-то связана с книгой, то думаю, что могу по-серьезному вам помочь.

Уитни поднял на нее глаза и жестом пригласил присесть. В сложившейся ситуации он готов был принять помощь даже от самого черта.

- Они выкрали мою дочь, - произнес он с горечью. – Требуют, чтобы я прекратил расследование. Мне бы только понять, что им нужно от этой книги.

Анна собралась с духом и коротко рассказала Уитни все, что им с Трубецким стало известно в результате его действий в Кембридже и ее – в Балтиморе. Она постаралась ничего не забыть – и про иллюминатов тоже.

- Детектив, у меня нет сомнений, что книгу нам подкинули, пока наши вещи в отеле были без присмотра. Теперь, когда я узнала, что наш приезд сюда был инициирован Маргарет Форбс, хотя сама она этого и не признает, я думаю, что это ее рук дело. Риц просто подписал письмо – приглашение моему мужу. Но поверьте мне, что аргументация госпожи Форбс по поводу необходимости приезда профессора Трубецкого просто смехотворна. Он был нужен им для того, чтобы разобрать банальные с точки зрения науки литургические греческие тексты! Да с этим мог бы справиться любой, даже начинающий специалист по древнегреческому языку. Я склонна думать, что за нашим приглашением скрывалось что-то совсем другое.

Кроме того, тут есть какая-то особенная заинтересованность хозяина манускрипта, который явно опасается, что право его собственности на книгу может быть оспорено. Поль Манже предлагал мне по этому поводу сделку, причем не совсем чистую. Так не поступают, когда действуют из лучших побуждений и передают баснословно дорогую книгу в музей для всеобщего обозрения и исследования.

Но самое главное – это то, что ко всему этому причастны иллюминаты – тайное общество, имеющее, якобы, своей целью получение каких-то сокровенных знаний и просвещение человечества. Знак в виде буквы «ай» с пламенем вместо точки вам ничего не говорит? Мой муж вошел с ними в контакт в Кембридже, и они прямым текстом заявили, что книга их крайне интересует. А еще они сказали, что действующие в США похожие организации имеют совершенно другие цели.

И тут Джей-Кей отчетливо вспомнил и о найденном в мусорном ведре в кабинете Рица кусочке бумаги с логотипом иллюминатов, и о здании, которое посещал Коллинз тем вечером, когда он получил удар по затылку. Ведь там был такой же знак! Как же он мог забыть? Чертова травма! Там, на здании еще была соответствующая табличка.... К тому, о чем рассказала Анна, он легко мог бы добавить еще и заинтересованность Пентагона, но военные, наверное, к смерти Рица, все же, не причастны. Это было бы уже слишком.

- Учитывая, что представители Кембриджа в разные годы сыграли важную роль в судьбе книги, я склонна думать, что интерес иллюминатов к Кодексу Архимеда весьма серьезен, хотя и объяснить до конца их мотивы я не берусь. Тут какая-то смесь мистики, эзотерики, математики и философии... Вообще-то я не очень верю в тайные общества, но мой муж побывал у них в гостях и видел все своими глазами.

- Простите, что прерываю вас, - произнес Уитни, вставая и надевая пиджак. - Подождите меня в коридоре. Я не могу вас здесь оставить, а мне нужно выйти. Я скоро вернусь.

Детектив вернулся назад примерно через полчаса. Он снова пригласил Анну в кабинет.

- Мне нужно было оформить кое-какие бумаги. Дело в том, что я тоже успел познакомиться с этими – как их? – иллюминатами. Меня огрели чем-то тяжелым и тупым по затылку недалеко от их штаб-квартиры. Наши уже ищут это здание, возле которого на меня напали. Там был такой знак, - Уитни взял карандаш, лист бумаги, набросал и показал Анне логотип «новых иллюминатов». – Хотя официально никаких иллюминатов в Балтиморе не зарегистрировано. На всякий случай соответствующие службы проверяют все подобные структуры. Нужно подождать.

Анне ничего не оставалось, как пристроиться на скамейке в коридоре и ждать, пока что-нибудь прояснится. Уитни использовал это время, чтобы систематизировать имеющиеся данные, и навести дополнительные справки. Он просто не мог сидеть, сложа руки, и смотреть в потолок. В частности, он перепроверил информацию о профессоре Трубецком, имеющуюся в европейских базах данных. Из нее следовало, что украинский ученый десятки раз посещал и Британский музей, и Ватикан, и Королевскую библиотеку в Стокгольме, и пражский Клементинум, но никогда не был замечен ни в малейшем правонарушении. Он также позвонил в криминалистическую лабораторию, где ему подтвердили, что на Кодексе Архимеда отпечатков пальцев ни Трубецкого, ни Шуваловой обнаружено не было. Уитни уже почти не сомневался, что Сергей Трубецкой не причастен к краже книги и его просто подставили. Оставалось только решить проблему с Люси, выяснить, кто и зачем затеял весь этот карнавал и закрыть дело. Джей-Кей нетерпеливо барабанил пальцами по столу, ожидая ответа от коллег.

Вдруг в его кабинет влетела Анна.

- Детектив, я должна вам сказать что-то важное. Здесь, в коридоре, только что я видела молодого человека, высокого такого, блондина – так вот, он ужасно

напоминает мне того парня, который оформлял наше поселение в отеле. Теперь он был в какой-то синей форме. Я уверена, что он имел непосредственное отношение к тому, что книга оказалась в сумке среди вещей моего мужа.

Пока Уитни переваривал эту информацию, чтобы ответить Анне, зазвонил его служебный телефон. Он поднял трубку. Блондин тут же вылетел у него из головы.

- Мы нашли это здание. Точнее, мы нашли таксиста, который вас туда подвозил, а он помог найти здание. Называется «Храм магии хаоса». Пишите адрес, детектив, - произнесли с той стороны трубки. - Хотите, чтобы мы направили туда своих людей?

- Пока нет, - ответил Уитни, - я постараюсь справиться сам. Нельзя их спугнуть. И потом, там может оказаться моя дочь. Много людей с оружием – больше риска.

- Как скажете, детектив. Успеха!

Не успел он положить трубку, как завибрировал его мобильный. Это снова была Люси.

- Ра, - сказала она, - они не хотят с тобой встречаться. Ты должен оформить и передать им постановление о закрытии дела, открытого в связи с пропажей какого-то Кодекса Архимеда. Его оригинал нужно положить в конверт и отослать служебной почтой на домашний адрес какого-то Рица. Они говорят, ты знаешь, кто это.

Люси замолчала, а потом шепотом произнесла фразу, понятную только ему:

- Да погибнет яд, да будет жить Ра! Но здесь правит Атум....

Возможно, для кого-то в сложившейся ситуации имена египетских богов звучали странно, но для Уитни они были полны скрытого смысла. «Какая же она умница – моя дочь!» - с гордостью подумал Джей-Кей, когда догадался о чем идет речь.

- Я все понял, - он мгновенно успокоился и даже слегка улыбнулся, так, для себя. – Скажи им, что я согласен – все сделаю. Будь сильной. Держись, Ра отдает Исиде свое тайное имя.

- Они хотят, чтобы я официально закрыл дело, - сказал Уитни Анне, закрыв разговор. – Неглупо. Если я формально получу постановление, как того требует закон, то вопрос навсегда канет в Лету – у меня просто не найдется аргументов, чтобы вновь открыть расследование. Но Люси – умничка, она дала мне понять, что ее держат в этом самом храме новых иллюминатов, который посещал Коллинз. Мы возьмем их там.

- Отлично. Я буду искренне рада вам помочь, – Анна встала и решительно застегнула куртку. – Очень хочу лично поучаствовать в финале этой драмы.

- Это еще с какой стати?

- Детектив, те, у кого находится Люси, виновны в проблемах моего мужа. Как же я могу упустить шанс помочь вам вывести их на чистую воду? Кроме того, меня в Балтиморе практически никто не знает. Если понадобится, я смогу подойти близко к кому угодно – они ничего не заподозрят.

- Но я не могу брать на себя такую ответственность...

- Мне что, расписку написать? – Анна была настроена весьма категорично. – Я за себя отвечаю!

Джей-Кей махнул рукой: ему сейчас было не до споров. Он велел Анне дожидаться его, а сам отправился к начальству испрашивать санкцию потрясти этот храм. Увы, ему не удалось убедить капитана Уайта. Единственное, чего Уитни смог достичь – это согласия начальника отделения на поход в «Храм магии хаоса» под личную ответственность Уитни, на его собственный страх и риск. «Оружия не применять, никого не калечить», - таков был приказ начальника отделения. В такой ситуации участие русской не исключалось. «Пусть идет, - подумал про себя Джей-Кей. – Красивая женщина действительно способна отвлечь внимание, если потребуется. И потом, все знают, что русские очень упрямы, особенно – их женщины».

Они добрались до «Храма магии хаоса», когда уже стемнело. Дверь, разумеется, была заперта на замок. Уитни достал небольшой фонарик, присел возле замка и принялся с ним колдовать. Прошло не более десяти секунд как замок щелкнул. Анна с легким осуждением покачала головой. «Беря на себя миссию правосудия, где-нибудь, да нарушишь закон», - Джей-Кей процитировал свою любимую фразу из «Клуба самоубийц» Р.Л.Стивенсона и они прошли внутрь.

Так называемый «храм» вовсе не был похож на ритуальное помещение. Обычный длинный коридор, темные стены, украшенные какими-то мрачными картинами, лестница, разветвление на «квартиры» по этажам. Внутри было тихо. Впрочем, когда они подошли к лестнице, Анна заметила, что ступени идут не только вверх, но и вниз. Именно снизу и слышалось какое-то гудение и легкий шум. Анна показала ему жестом, что, очевидно, им нужно именно туда. Джей-Кей согласно кивнул головой, и они начали потихоньку спускаться по ступеням. Это был всего один полукруглый, но достаточно длинный пролет, в конце которого лестница упиралась в двери. За ними был виден слабый свет и слышались какие-то звуки. Уитни потихоньку приоткрыл одну из дверных створок и они проскользнули внутрь.

Джей-Кей и Анна оказались в боковом проходе довольно просторного зала, окруженного колоннами. Вокруг царил полумрак. Зал был освещен только свечами, которые были повсюду – на полу, на подсвечниках, в руках заполнивших зал людей. Все они были одеты в белые плащи с уже знакомой Уитни эмблемой «новых иллюминатов» и образовывали как бы несколько концентрических полукругов вокруг некоего подобия алтаря. В центре всего действия находился не кто иной, как сам Уильям Коллинз, которого было не узнать. В отличие от всех остальных, он был в черном до пят плаще, с довольно грубым макияжем на лице и с каким-то амулетом на груди. Его длинные волосы были заплетены сзади в тонкую косичку. Коллинз стоял перед огромной книгой и, подняв руки вверх, торжественно читал что-то на

совершенно непонятном языке. Он будто прибавил в росте и плечах, и сейчас менее всего напоминал женоподобного страхового агента.

Вдруг Джей-Кей тронул Анну за руку и указал куда-то вперед. С их стороны зала в сопровождении двух женщин, одетых, как и все, в длинные белые плащи, стояла симпатичная девушка, очень похожая на Уитни. Она была без всяких плащей и амулетов, в джинсах и легкой курточке, а в ее глазах читалось, скорее, любопытство, чем страх. Анна поняла, что это и есть Люси. Они стали потихоньку пробираться к ней, так, чтобы не привлекать внимания. Это было нетрудно, так как все присутствующие были поглощены церемонией, что-то повторяли вслух вместе с Коллинзом и делали какие-то действия руками, смысл которых был непонятен ни Анне, ни Уитни. Наконец, они добрались до Люси. Дальше все было, как в голливудских боевиках про сатанистов.

Джей-Кей приблизился сзади к одной из дам рядом с Люси и приставил к ее спине пистолет, одновременно прикрыв другой рукой ее рот. Анна, к сожалению, сделать тоже самое со второй женщиной не успела. Раздался громкий крик, все обернулись в их сторону, и тогда Джей-Кей с силой оттолкнул свою даму в сторону, бросился к Люси, схватил ее за руку и потащил к дверям.

- Держите их! – крикнул Коллинз, и несколько человек кинулись к Уитни. Ему пришлось наставить на них пистолет.

- Стоять! – крикнул он. Все остановились. Разумеется, что Джей-Кей даже не снял пистолет с предохранителя, поскольку устраивать кровавое побоище в его планы никак не входило.

Воспользовавшись замешательством, Уитни, Люси и Анна в несколько секунд ретировались к дверям и скрылись за ними.

- Черт возьми! – крикнул, разозленный, Коллинз и сам бросился в погоню. Он явно не ожидал, что Джей-Кей поджидает его наверху, у выхода. Анна с Люси уже были снаружи и в безопасности, а детектив остался в здании, чтобы взять Коллинза. Когда тот, преодолевая ступени прыжками, кинулся наверх, Уитни подставил ему подножку, а когда Коллинз упал, вмиг скрутил его и надел наручники.

- Всем стоять! – снова крикнул он последовавшим за Коллинзом участникам церемонии. – Полиция!

Он высоко поднял свой служебный значок. Толпа остановилась.

- Препятствование полицейскому при исполнении служебных обязанностей преследуется по закону, - нарочито громко произнес он. – Дом окружен. В случае сопротивления мы будем применять силу. Затем, ничего более не объясняя, Джей-Кей схватил Коллинза под руку и едва ли не волоком вытащил из здания. Они без приключений добрались до машины, затолкали задержанного на заднее сиденье, и отправились сначала домой к Марте, где оставили Люси, а затем – в участок. Люси была в шоке, но оказалась молодцом, всю дорогу держалась, и разрыдалась только дома. Уитни приказал Марте и Люси закрыть двери и окна и никого не впускать в дом. Коллинза отвезли в отделение и поместили в камеру предварительного

заклучения, так и не сняв наручники. Разумеется, это было против правил, но кто их будет ночью контролировать – те правила? Сеанс магии хаоса закончился победой сил правопорядка. Допрос Коллинза было решено отложить до утра.

Глава 15. Великое разочарование

Поль Манже еще никогда не видел своего клиента в таком возбужденном состоянии. Обычно невозмутимый и самоуверенный человек в идеально подобранных костюме, рубашке и галстуке, с платиновыми часами «Вашерон Константин» на руке, сегодня напоминал невыспавшегося безработного из даунтауна Лос-Анжелеса. С растрепанными волосами, болтающимся где-то на груди галстуком и расстегнутым воротом рубашки, он то нервно вскакивал, чтобы сделать несколько шагов по своему огромному и так комфортно обставленному кабинету, то снова присаживался за стол, непрерывно что-то на нем переключая и переставляя.

- Это катастрофа, Поль, тотальная катастрофа. Эти безмозглые бездельники из «Леман Бразерс» и «Меррил Линч», которые только и умеют, что перепродавать мои деньги, они попросту испарились! Фондовый рынок упал на тридцать процентов! Они меня разорили, понимаете, Поль, практически разорили! – почти кричал мистер Ай-Ти, перемещаясь от стола в угол кабинета. – Все, чего я достиг, полетело ко всем чертям!

Он остановился возле бара, устроенного прямо в стенном шкафу, налил и залпом выпил изрядную порцию виски – без содовой и льда. Затем – налил следующую.

- Сколько мы вместе работаем, Поль? Три года? – он продолжал говорить, хотя стоял к Полю спиной. - Тогда вы должны знать, что я свое состояние заработал, производя реальный продукт, который теперь можно найти в каждом американском доме. Но для этого каждый американец должен иметь этот самый дом! А теперь ипотека исчезла! Эти чертовы банкиры надули мыльный пузырь до таких масштабов, что его стало видно из космоса невооруженным взглядом, и он, конечно же, лопнул. А наша гениальная Федеральная резервная система, призванная стоять на страже финансовой стабильности, не придумала ничего лучше, чем тупо печатать деньги! Они превратили доллар в обыкновенную бумагу! Двести сорок банков обанкротилось за год только в США!

Шеф стукнул кулаком по стене, затем взял стакан с виски, вернулся к столу и в изнеможении упал в кресло. Он сделал еще один большой глоток. Поль молчал. Он давно усвоил, что в подобных ситуациях сильным мира сего лучше под руку не попадаться. В то же время, Полю почему-то казалось, что его клиент сильно преувеличивает свои трудности. Просто так такие состояния, как у мистера Ай-Ти, не исчезают.

- Мне придется продать некоторые активы, - произнес шеф, уже несколько более спокойно. Видимо, волшебный продукт шотландских мастеров оказал свое

смягчающее действие. – Практически все. Книгу в том числе. Необходимо сконцентрировать все реальные средства в одном месте, чтобы обеспечить рефинансирование хотя бы нескольких наиболее перспективных проектов.

Поль Манже не был посвящен в остальные дела своего клиента, но Кодекс Архимеда был в его компетенции.

- Но я так всегда думал, сэр, - осторожно произнес он, - что эта книга была для вас не просто гуманитарным проектом....

Шеф махнул рукой.

- Да что там говорить...гуманитарным.... Запомните, Поль: есть как минимум две вещи на земле, которые могут принести вам большие, очень большие деньги, и сделать это весьма быстро. Это средство от выпадения волос и криптографический протокол, который невозможно взломать. Первое помогает сохранить в секрете ваши комплексы, а второе – то, что вы реально думаете о других. С волосами, - шеф провел руками по своей густой шевелюре, - у меня все в порядке, а книга должна была помочь мне со вторым вопросом. Я потратил серьезные средства на то, чтобы создать лучший в мире шифр, принципиально невскрываемый, основанный на том, что известно, как я полагаю, даже гуманитариям число «пи» бесконечно и хаотично. Это само олицетворение хаоса! Не случайно ему даже памятник поставили перед музеем искусств в Сиэтле, – нет ему аналога в этом мире....

При этих словах Поль заметно напрягся. Он явно был заинтересован этой информацией. Тем временем шеф продолжал говорить.

- ... и существуют методы определения любого знака этого числа без вычисления предыдущих и последующих! Генераторы случайных чисел – детский лепет по сравнению с этими методами. Для создания супер-шифра мы предполагали использовать, с одной стороны, некоторые не особо распространенные из пяти тысяч известных языков, а с другой – не ограниченную ничем, кроме фантазии, последовательность десятичных знаков после запятой в числе «пи».

Шеф замолчал, сделал еще один глоток и покачал головой.

- У нас были конкуренты. Пентагон. Я знал, что и они работали над похожей проблемой... Но это была моя инвестиция «на черный день»... Я знал, я чувствовал, что мыльный пузырь когда-нибудь лопнет... Однако все наши усилия оказались напрасными. Число «пи» обмануло всех, оно просто никому не далось – ни моим людям, ни Пентагону. Представьте себе, один из моих аналитиков даже немного тронулся – ему стало казаться, что оно разумно, это число, настолько тщательно оно ускользало от попыток понять и поставить под контроль его сущность...

- Простите, шеф, но я плохо разбираюсь в этих вопросах и не совсем понимаю, причем тут книга...

- А при том, что в ней содержатся уникальные работы Архимеда, который очень много сделал для понимания того, откуда это число берется и как его вычислить. Были надежды, что анализ его размышлений даст возможность увидеть нечто, что ускользало от внимания современных математиков, ведь в древности люди

думали головой, а не компьютером. Так вот, работы Архимеда расшифрованы, они гениальны, как для своего времени, однако оказалось, что в них нет ничего такого, что могло бы помочь достигнуть той цели, о которой я столько мечтал.... Там просто излагаются основы геометрии, механики, немного теории игр и много философии. Для кого-то - немало, но для нас – бесполезно.

Шеф покачал головой.

- Столько усилий, и все зря, - подытожил он. Несмотря на количество выпитого, сейчас он был уже практически трезв.

- Я понимаю, что это не вовремя, сэр... - осторожно произнес Поль. - Я не хотел вас беспокоить такими пустяками.... Но, если вы и вправду собираетесь продавать эту книгу, то...я должен вас кое о чем предупредить.

- Что еще?

- Видите ли, этот Риц еще до своей смерти успел пригласить в Балтимор одного русского профессора, чтобы тот разобрал какие-то тексты из нашей книги. С этим профессором начались сплошные проблемы. Мало того, что он приехал не один, а с женой, так именно у него в сумке прямо на следующий день после приезда и нашли украденный из дома Рица Кодекс Архимеда. Вы, помните, я докладывал вам о его исчезновении, и о том, что полиция его довольно быстро нашла.

- Да, я помню это. Только подробности ты попридержал, как всегда, только для себя, - мистер Ай-Ти внезапно перешел на «ты».

- Простите, сэр, я не хотел тревожить вас пустяками. Так вот, в результате этого профессора отправили из страны. Однако мои контакты в Лондоне и Кембридже сообщили, что тот по невероятной случайности – погода была плохая и самолет вместо Франкфурта посадили в Лондоне – оказался в Тринити колледж и начал активно разыскивать некую страницу, находящуюся там на хранении уже сто с лишним лет.

- Какое мне до этого дело? – несколько раздраженно прервал его шеф. – Что ты мне голову морочишь какими-то страницами?

- Увы, это оказалось очень важная для нас страница. Более ста пятидесяти лет тому назад она была вырвана из нашей книги, сэр, и с тех пор мирно хранилась в Кембридже. И вот, этот русский вдруг стал ее искать. Мы сделали все возможное, чтобы убедить его в бесполезности этой затеи, но он оказался смысленнее, чем мы рассчитывали. Короче говоря, он ее нашел.

- И что? Я ничего не понимаю. Почему я до сих пор ничего не слышал об этой странице? Какое нам до нее дело?

- Пока с книгой все было в порядке - никакого. Но сразу после ее исчезновения мои люди проделали огромную работу и выяснили, что когда Кодекс Архимеда выставили на продажу на Сотби, право собственности продавца было оспорено в суде. Однако судья иск отклонил, книгу продали, а вы – ее купили. Я даже знаю, как судью звали – Майкл Вуд.

Шеф вскочил на ноги.

- Что за черт! Почему я об этом ничего не знал?

- Я тоже не знал и теперь могу только строить предположения. Мне кажется, что Сотби не особенно-то стремился разглашать такие факты – про судебные иски. Им же выгодно продавать товар, а не выяснять, кто кому и сколько должен. К примеру, я теперь точно знаю, что на протяжении 70-х и 80-х годов книгу неоднократно пытались продать разным коллекционерам и нескольким музеям США, но все отказались. Вы об этом, как я понимаю, тоже не подозревали?

- Ладно, бог со всем этим, что теперь? – Мистер Ай-Ти вернулся в свое шикарное кожаное кресло.

- Выяснилось, что на той странице, которая находится в библиотеке Тринити колледж в Кембридже, имеется экслибрис, подтверждающий право собственности на книгу истца - участника того судебного разбирательства. А истцом выступал ни много, ни мало, а Иерусалимский патриархат Греческой православной церкви. Теоретически, эти русские могут теперь вмешаться в процесс продажи книги, если, к примеру, профессор Трубецкой или его жена, которая все еще здесь, в Балтиморе, захотят сообщить о своей находке братьям по вере. Я пробовал договориться с женой этого профессора, но, увы.... Русские бывают очень упрямы, особенно их женщины.

Шеф молча слушал спич Поля, едва реагируя на поток информации. Он выглядел совершенно размякшим и расплывшимся. Виски все-таки сделал свое дело.

Раздался телефонный звонок. Шеф поднял трубку.

- Я слушаю.

Он с минуту молча внимал тому, что ему говорили по телефону, потом повесил трубку, так ничего и не сказав. Затем вдруг выпрямился и положил руки на стол, как школьник за партой.

- Спасибо, Поль, – произнес он совершенно отчетливо. - Мне сейчас это уже все равно. Только что мне сообщили, что рынок полетел в тартарары. Два миллиона долларов в этой черной дыре – это капля в море. Иди, я хочу побыть один.

- Всего хорошего, босс, - произнес Поль. – Если вы все же решите продавать книгу, я к вашим услугам. Мы, разумеется, будем отстаивать ваши интересы.

Он вышел из кабинета, плотно прикрыв за собой дверь. Однако Поль даже не успел еще покинуть приемной, как услышал за своей спиной выстрел. Красавица - секретарь вскрикнула, побледнела и кинулась в кабинет шефа. Поль Манже не стал возвращаться. Ничего страшного не произошло. Просто на одного клиента у него стало меньше. Что ни происходит – все к лучшему.

Глава 16. Ясность как одна из форм тумана

Находясь на этот раз снаружи той самой комнаты для допросов, внутри которой всего несколько дней назад довелось побывать им с Трубецким, Анна Николаевна испытывала странные чувства. Ощущения тогда ее не обманули – одна стена в этой комнате была-таки прозрачной, приспособленной для внешнего

наблюдения, и микрофонов там внутри было предостаточно. Она и сейчас не могла избавиться от чувства обиды и несправедливости, которое переполняло ее за двоих - за себя и Сергея Михайловича. Обвинить их в краже, надо же до такого додуматься! Наконец-то в этой комнате вполне заслуженно сидел человек, который, очевидно, и затеял всю эту историю, имел непосредственное отношение к убийству доктора Рица, украл книгу и едва не погубил репутацию ее мужа. Коллинз был еще в наручниках, когда в комнату вошел детектив Уитни. Он присел за стол напротив подозреваемого и разложил перед собой папку с документами.

- Детектив, я не буду кидаться на вас с кулаками, - произнес вполне миролюбивым тоном Коллинз. – Прошу, снимите с меня эти браслеты – руки очень затекли, я их практически не чувствую. И потом, это незаконно – держать подследственного в наручниках даже в камере.

Джей-Кей неохотно встал, обошел Коллинза сзади и снял с него «браслеты».

- Если вы позволите себе одно лишнее движение, - сказал он при этом очень тихо, - я вас сначала успокою, а потом обую не только в наручники, но и в кандалы.

- Люси называла вас Ра – бог Солнца, вы должны быть добрее, - неосторожно произнес Коллинз, разминая руки.

Уитни при этих словах побагровел, молниеносно перескочил через стол и схватил Коллинза двумя руками за лацканы пиджака.

- Если вы еще раз упомянете имя моей дочери – пристрелю, – прошептал он одними губами. - Клянусь Всевышним, не знаю, почему я до сих пор этого не сделал.

Он снова вернулся на свое место, снова присел на стул, разложил перед собой бумаги, и начал допрос.

Сотрудничать с полицией Уильям Коллинз согласился сразу. Видно было, что ему даже доставляет удовольствие смаковать подробности придуманного им плана. «Мазохист какой-то», - подумал про себя Анна. Но в действительности рассказанная им история и вправду была достойна пера романиста.

Выяснилось, что Коллинз закончил медицинский факультет университета Джона Хопкинса – едва ли не лучший в стране, - и получил квалификацию кардиолога. Он несколько лет работал в университетском госпитале, в отделении интенсивной терапии, проще говоря – в реанимации, и часто дежурил по линии «скорой помощи». И вот однажды он стал свидетелем внезапной биологической смерти, а затем мистического возвращения к жизни одного из пациентов, который потом, уже в палате реанимации, рассказал ему, как общался с духами, и каким образом сумел предотвратить окончательное отделение собственной души от тела. Оказалось, что тот ничем иным не примечательный пациент практиковал магию, и верил в то, что с помощью определенных ритуалов и заклинаний можно не только исцелять неизлечимо больных, вызывать души умерших и призывать высшие силы, но даже воскрешать мертвых. Этот эпизод так бы и остался просто необъяснимым феноменом, если бы похожая ситуация не повторилась еще раз, и совершенно с другим человеком. Коллинз был просто потрясен. Он стал интересоваться вопросами

белой и черной магии, быстро нашел единомышленников, и вместе они сначала основали «Храм магии хаоса», а затем и общество «новых иллюминатов». Они поставили своей целью, как выразился сам Коллинз, «познание непостижимого и проявление невидимого». Со временем Коллинз ушел из госпиталя и стал работать на страховую компанию, что давало ему широкий простор для контактов с самыми разными людьми и пропаганды своих взглядов. За короткий промежуток времени «новым иллюминатам» удалось значительно увеличить число своих сторонников.

И вот однажды он узнал от супруги о Кодексе Архимеда, книге XIII века, которую передали в музей для тщательного изучения, а затем и о том, что в ней обнаружили не только уникальные работы древнегреческого математика, но еще и доселе неизвестные философские трактаты, связанные с Аристотелем. Архимед - число «пи» - воплощенный Хаос; Аристотель - учение о бесконечности – такие логические цепочки предопределили интерес «новых иллюминатов» в получении доступа к книге. На протяжении нескольких лет Коллинз пытался проникнуть в лабораторию доктора Рица, но тот крайне отрицательно относился к разглашению результатов работы до ее завершения и проведения обобщающего анализа. По словам Коллинза, даже его жена не владела полной информацией по проекту. Впрочем, ему все же удавалось узнавать кое-что от супруги. Как-то в разговоре с Уильямом Маргарет высказала мнение, что анализ греческих текстов, написанных рукой православного священника из Константинополя, лучше всего было бы перепоручить ученому из православного мира, ведь нельзя было полностью исключить, что в них содержится не только классический литургический текст, но и некий скрытый смысл. Она сказала мужу, что уговорила Рица пригласить такого ученого. Наиболее квалифицированным, по ее мнению, был профессор Сергей Трубецкой из Киева, имя которого, как специалиста по палимпсестам и библейским рукописям, было довольно хорошо известно в Европе. В результате Риц подписал письмо - приглашение Трубецкому.

Сначала Коллинз воспринял эту новость негативно – появление еще одного постороннего в проекте могло привести к нежелательной утечке информации, а с кем там сотрудничают эти русские – кто их знает. Но затем у него возникла гениальная идея. Приездом чужака можно было воспользоваться, чтобы устранить Рица и передать контроль над лабораторией Маргарет. В этом случае Коллинз получил бы неограниченный доступ к материалам исследований. Осуществить этот план предполагалось инсценировкой естественной смерти Рица и кражи книги, которую потом можно подкинуть в вещи этого русского профессора. Останется только навести на его след полицию. Его арестуют и/или депортируют, а книгу, скорее всего, вернут в музей, но уже в руки доктора Форбс.

План был хорош. Однако первой неожиданностью, если не сказать шоком, для Коллинза стало то, что его собственная жена оказалась близка с Рицем. Об этом Уильям узнал, когда стал следить за Рицем и его домом, выжидая момент, когда тот вынесет книгу из музея. Он сам видел, как Маргарет дважды посещала дом Рица по

вечерам, правда, не оставаясь там на ночь. Именно супруга как-то проговорилась, что Риц время от времени позволяет себе брать книгу домой. Обнаружив, что Маргарет общается с Рицем не только на работе, Коллинз на какое-то время утратил контроль над собой и готов был просто стереть предполагаемых любовников в порошок, но потом взял себя в руки. Он пришел к выводу, что и это обстоятельство может сыграть ему на руку. Тем временем, по инициативе Коллинза «новые иллюминаты» направили Рицу письмо, в котором открыто предложили сотрудничество. Когда тот не ответил, что было расценено как отказ, они стали ждать подходящего момента, и он настал, когда Риц в очередной раз взял книгу домой. Тем вечером Коллинз, чтобы обмануть собаку Рица, надел длинный, до колен, кардиган жены, побрызгал низ брюк ее обычными духами, приготовил шприц с антигипертензивным раствором (как врачу, ему не составило проблем раздобыть в госпитале Джона Хопкинса медицинское досье Рица и выяснить, что тот - гипертоник, принимающий таблетки «от давления» постоянно) и отправился за книгой. Еще за неделю до этого он втайне от Маргарет взял у нее ключ от дома Рица и изготовил дубликат.

Дальше все было делом техники. Вечером, когда Коллинз через черный ход проник в дом Рица, бесшумно открыв заднюю дверь ключом, собака признала его за своего, и Уильям запер ее в прихожей. Затем он незаметно прокрался в кабинет, где застал Рица сидящим за столом. Тот был слишком увлечен работой над книгой и не заметил приближение Коллинза. Уильям не без короткой борьбы, но все же сделал ему инъекцию в шею, Риц впал в кому, а Коллинз забрал книгу и вышел из дома незамеченным. Затем он передал книгу служащему отеля, с которым заблаговременно вошел в сговор, чтобы тот подложил ее в сумку Трубецкому. Последним и наиболее простым элементом плана стала доставка детективу Уитни письма с подсказкой, где искать украденный Кодекс. В результате Риц был устранен, книга передана, вполне естественно для окружающих, его жене для продолжения исследований, а Трубецкой как приехал, так и уехал. Самое главное – «новые иллюминаты» получили через Коллинза и Маргарет доступ ко всем результатам исследований бывшей группы доктора Рица.

Но вот что стало второй неожиданностью для Уильяма Коллинза – это то, что Трубецкой приехал не один, а с супругой, которая в отсутствие мужа проявила чрезвычайную активность. Это нарушило все планы и привело, как теперь стало понятно, к краху.

- Но зачем надо было трогать Люси? – спросил, внешне спокойно, Джей-Кей, выслушав длинный откровенный монолог Коллинза.

- Это было ошибкой, - Коллинз взглянул прямо в глаза Уитни, – просто жест отчаяния. Мы не собирались причинять ей вреда. Это против наших принципов. Но ведь надо же было как-то заставить вас остановить расследование...

«Странно, - подумала про себя Анна, - но в этом даже я могу ему поверить».

- А тут еще Маргарет допустила эту русскую – жену профессора – в лабораторию, да еще рассказала ей о результатах работ... - добавил ни с того ни с сего

Коллинз. – Мы попробовали ее напугать, устроив ей обыск в музее, но она намека не поняла, а продолжила свои поиски и пришла к вам.

- Вы хотите сказать, что вашей следующей жертвой могла бы стать Анна Шувалова? Ей вы тоже приготовили смертельную инъекцию?

- Ну, зачем же? Эта русская могла бы просто исчезнуть, как каждый год исчезают десятки тысяч американцев. Мы просто не успели ее достать.

Анна поежилась от внезапно накотившего холода. Она не верила своим ушам – пойти на убийство, и не одно, ради какой-то книги! Жалкая фигура Коллинза за стеклом приобрела по-настоящему зловещий оттенок.

- И как же вы собирались это осуществить?

- С помощью магии, дорогой детектив, - рот Коллинза неожиданно скривился в противной усмешке. – Магия хаоса – это страшная сила, поверьте мне.

- Ладно, - Уитни сделал какую-то запись в разложенном на столе досье, закрыл папку и легонько пристукнул ее рукой, - я все понял. На сегодня фантазий достаточно. Продолжим завтра, – сказал он. Затем Джей-Кей встал, обошел сзади стул, на котором сидел Коллинз, и коротко скомандовал:

- Руки назад.

- Секундочку, - вдруг произнес Коллинз.

- Что еще?

- Я знаю, детектив, что моя просьба выглядит странно...но я бы хотел попросить вас дать мне глоток кофе. В конце концов, я же ответил на все ваши вопросы.

Уитни размышлял несколько секунд. Затем он подшел к двери, нажал на какую-то кнопку и в комнату вошел полицейский.

- Присмотри за ним, - бросил ему Джей-Кей. Он вышел из комнаты допросов, сходил на кухню и через пару минут вернулся с двумя бумажными стаканчиками кофе в руках. Уитни отпустил охранника и поставил один из стаканчиков перед арестованным.

То, что произошло дальше, не поддавалось здравому рассудку. Как только Коллинз протянул руку к стакану, во всем полицейском участке свет сначала замигал, будто от перегрузки, а затем и вовсе пропал. Электричества не было несколько секунд, а когда свет зажегся и Анна снова обратила внимание на происходящее внутри комнаты для допросов, кровь в ее жилах застыла от ужаса. Уитни по-прежнему стоял, как и до этого, рядом с Коллинзом и с кофе в руке, а вот сам арестованный полулежал на столе, повернув голову набок, и смотрел прямо на Анну остекленевшими глазами. Из его рта, все еще искривленного в противной усмешке, шла пена. Его кофе был разлит по столу и тонкой коричневой струйкой стекал вниз. Очевидно, Коллинз был мертв.

Глава 17. Король умер, да здравствует король!

Шувалова не могла сомкнуть глаз уже третью ночь подряд. Их с Уитни поход в «Храм магии хаоса», странная смерть Коллинза в участке и последовавшая за этим суэта с вызовом начальства, скорой помощи и попытками реанимации трупа совершенно выбили Анну из колеи. Перед ее глазами стояло ужасное посмертное выражение лица Коллинза, а в ушах звучали его угрозы. Кстати, Уитни, который во всей этой истории сохранял удивительное самообладание, отнесся к ним вполне серьезно. Когда Анна Николаевна сообщила ему о своем решении лететь домой, он пообещал лично отвезти ее в аэропорт, а перед этим они договорились вместе пообедать. В ресторан гавайской кухни «У Роя» на берегу залива Чизапик Джей-Кей опоздал на тридцать минут. Он был чрезвычайно расстроен.

- Что случилось, детектив? На вас лица нет, - участливо спросила Анна, когда Уитни присел за ее столик. По правде говоря, у нее самой тоже лицо было не очень, но даже по сравнению с ним Джей-Кей выглядел просто подавленным.

Оказалось, что с утра он заехал в участок, чтобы оформить кое-какие бумаги, в частности, закрыть дело Трубецкого, а заодно согласовать с начальством пару отгулов - он очень хотел побыть с дочерью. Люси все еще не отошла от пережитого шока, и Марта решила, что ей лучше посидеть дома. И вот, не успев он явиться на свое рабочее место, как его пригласили в кабинет капитана Уайта. Начальник отделения был явно не в духе. Для начала он объявил, что детектив Уитни отстраняется от работы до окончания расследования, назначенного в связи со смертью Уильяма Коллинза. В ответ на требование Уитни объяснить, что происходит, капитан Уайт поведал следующее. Маргарет Форбс, которой тем же вечером, когда это случилось, сообщили о смерти мужа в полицейском участке, успела подать жалобу окружному прокурору на неправомерные действия полиции, в связи с чем в отношении детектива Уитни должны быть предприняты предусмотренные законом меры. Прокурор требовал домашнего ареста, но Уайт смог уговорить его на временное отстранение от дел.

- Но в чем же вас подозревают? – недоумевала Анна.

- Форбс заявила, что это я отравил Коллинза якобы в качестве мести за похищение Люси. Дело усугубляется еще и тем, что все происходящее в комнате для допросов записывается аудио- и видео техникой. Они просмотрели запись и воочию убедились, что я чуть не задушил этого негодяя в начале допроса, когда он упомянул о Люси... Хорошо еще, - Уитни покачал головой, - что аппаратура не записала того, что я ему сказал. Я бы тогда уже точно сидел в камере.

- Но ведь это чистая глупость! – воскликнула Анна. – Зачем вам было убивать его привселюдно? Вы ведь могли легко пристрелить его во время потасовки в Храме... Ну, там, инсценировать нападение на полицейского, или что-нибудь в таком духе.

- Увы, они справедливо считают, что это было бы нелогично – ведь мертвый Коллинз бесполезен, от него показаний не получишь, а без этого все наши подозрения рассыпаются в прах.

- Хорошо, а в чем тогда смысл убивать его после допроса?

- Прокурор считает, что я получил все нужные мне свидетельства, и на почве личной неприязни в состоянии аффекта вполне мог возжелать отомстить Коллинзу. Мы все утро с прокурорскими следователями это обсуждали – они снимали мои показания. Взяли с меня кучу анализов на наличие следов цианида на руках и одежде... - Анна сделала удивленное лицо. - Я разве не сказал? В кофе, который выпил Коллинз, был яд, цианид. Не могу представить, как он туда попал. В темноте я не видел, как все произошло – мое внимание на этих три секунды отвлек потухший свет, но врачи быстро установили причину смерти. Это несложно, ведь при отравлении цианистым калием имеются весьма характерные признаки.

Они помолчали несколько секунд. Каждый размышлял о своем.

- У нас, знаете ли, сложные отношения с прокурорами. Они люди публичные и поэтому реагируют на подобные жалобы избирателей очень нервно, - произнес Джей-Кей. - В довершение ко всему, - Уитни достал из кармана какой-то конверт, - нам в участок подбросили это письмо. Оно было среди утренней корреспонденции. Обратите внимание – никаких почтовых штемпелей, как и в прошлый раз, когда мне, так бы выразиться, подсказали, где искать пропавший Кодекс Архимеда. Я получил его перед тем, как ехать к вам. Оперативно работают ребята. Я начинаю думать, что в нашем отделении у них есть свои люди.

Он протянул конверт Анне. На нем было напечатано «Детективу Джей-Кей Уитни». На лицевой стороне имелся также логотип в виде уже знакомых Анне букв «Эн» и «ай» с огоньком пламени вместо точки.

- Прочитайте сами, - предложил ей Уитни. Анна достала из конверта сложенный втрое лист бумаги. В письме, отпечатанном на компьютере витиеватым шрифтом, содержалась благодарность детективу Уитни за хорошую работу, в частности, за «устранение Уильяма Коллинза», а также предложение о сотрудничестве. Текст явно носил провокационный характер. Особенно циничной была подпись: «Архимед».

- Письмо пришло незапечатанным и ребята его прочитали. По инструкции, они должны были бы передать его прокурорским, но отдали, конечно же, мне. Я в участке более пятнадцати лет работаю, никто же никогда не поверит в мою причастность к смерти Коллинза.

Им принесли еду. Как грустно пошутил Джей-Кей, теперь можно было есть не торопясь, поскольку у него полно свободного времени. Надо заметить, что рыба под особым гавайским соусом и десерт из экзотических фруктов были весьма недурны. После ланча Уитни лично отвез Анну Николаевну в аэропорт и не спускал с нее глаз, пока не убедился, что она прошла на посадку живая и невредимая.

- Спасибо вам, детектив, - сказала ему на прощание Шувалова. - Если я хоть чем-то смогу быть вам полезной, прошу, дайте мне знать. Надеюсь, у вас все разрешится к лучшему.

Уитни проводил взглядом эту симпатичную русскую и отправился к дочери. Марта не возражала против их внеочередного свидания. Остаток дня они провели вместе, катаясь на катере по заливу, благо день выдался солнечный и относительно теплый. Люси немного отошла от пережитого, особенно после того, как Джей-Кей рассказал ей, в общих чертах, историю Кодекса Архимеда, да и пару забавных легенд о нем самом. Она долго хохотала, услышав, как великий грек голым выскочил из ванной и бежал по Сиракузам с криком «Эврика!» когда понял, что объем королевской короны можно определить по объему вытесненной воды.

А вечером ему позвонил Уайт.

- Джей-Кей, ты не представляешь, как мне это все осточертело! И угораздило же нас попасть с этой книгой в историю!

- Что еще случилось, босс? – Уитни в первый раз слышал подобные жалобы от капитана. Он был боец и профи, и совершенно не умел распускать слюни.

- Прокурорские, надо отдать им должное, ребята аккуратные. Они произвели обыск в этом ихнем магическом «храме». Там нашли нечто вроде офиса Коллинза, а в нем – некую записку, написанную им собственноручно пару дней тому назад. Он будто предчувствовал, чем все это кончится... В ней покойный Уильям Коллинз утверждает, что на самом деле инициатором плана по устранению Рица был не он, а его жена, Маргарет Форбс. Это, якобы, именно она подсказала Коллинзу, что и как нужно сделать, вплоть до мелочей. Она же угрозами заставила его выкрасть Люси. Такое вот признание, которое полностью противоречит тому, что он сказал нам на допросе. То есть, он уже с того света сдал нам свою жену.

Уитни вздохнул.

- Любопытно было бы узнать, чем это она ему угрожала. На первый взгляд, Коллинз не производил впечатления подкаблучника.

- Не знаю, я просто цитирую то, что было им написано.

- Позволю себе еще заметить, капитан, - произнес Джей-Кей осторожно, - что эти его утверждения относительно Маргарет Форбс доказать невозможно, если только вы не найдете у нее цианид и инструкций по применению антигипертензивных препаратов, если не сами препараты.

- А это идея, - капитан Уайт даже обрадовался. – Будь на связи, - сказал он и повесил трубку.

Глава 18. Никогда не спорьте с Аристотелем

Сергей Михайлович встретил Анну Николаевну в Борисполе. Усталая после длительного перелета, но счастливая, она просто упала в его объятия.

- Слава Богу, - сказал Трубецкой, - теперь все в сборе.

- Разрешите доложить, герр профессор, - произнесла Анна шутливым тоном, - ваше имя очищено от всяческих подозрений, преступник пойман, зло покарано, все

преступные замыслы вскрыты. Детектив Уитни – теперь наш лучший друг – просил передать поклон и наилучшие пожелания.

- Спасибо, родная, - Трубецкой взял у нее из рук вещи в обмен на огромный букет роз. – Ты должна гордиться, что оказала неоценимую услугу скромному ученому, почти-ставшему-членом всемогущего и всемирного общества иллюминатов. Но ты так просто не отделаешься, я с нетерпением жду подробностей.

Эмоциональное обсуждение новостей из Балтимора и Кембриджа заняло не только всю дорогу домой, но и несколько часов после. Сергей Михайлович расценил развитие событий в Балтиморе, как абсолютно непредсказуемое.

- Невозможно было представить, чтобы вокруг обычной, в общем-то, книги, пусть и XIII века, закрутилось столько страстей. Это какая-то американская специфика: если в Англии этих так называемых «иллюминатов» интересовали в первую очередь философские, а бы даже сказал, спиритические аспекты трудов Архимеда, то, как я теперь понимаю, в США пытались использовать его работы для получения вполне материальной выгоды.

- Любопытно то, - заметила Анна, - что при этом существенным образом использовалась концепция «бесконечности» числа «пи». Я нашла время и поинтересовалась философским видением этой проблемы, поскольку строго математически все, вроде бы, понятно. Так вот, Аристотель, как оказалось, подходил к проблеме бесконечного диалектически. По его мнению, бесконечное как таковое нельзя ни признавать, ни отрицать, но из этого не следует, что оно существует, или не существует. Это означает, что бесконечности как таковой нет, что бесконечность бесконечности рознь и что справедливо в отношении одной бесконечности, нелепо в отношении другой. Поэтому Аристотель отрицал актуальную и признавал лишь потенциальную бесконечность. Так, он считал, что число не может быть актуально бесконечным. Аристотель понимал бесконечность как процесс - не может быть бесконечного числа, но всегда может быть число, большее данного. Не может быть и наименьшей величины, но всегда может быть величина, меньшая данной. Аристотель говорил: «То, вне чего всегда есть что-нибудь, то и есть бесконечное». Поэтому Аристотель относился к бесконечности, я бы сказала, с благоговением, он говорил, что бесконечное непознаваемо и неопределенно.

А вот что касается бесконечности мысли, то здесь Аристотелю принадлежит вполне материалистическое замечание, что не все то, что мыслимо, существует в действительности. В частности, хотя мы можем мыслить бесконечное число как не имеющее предела в направлении к наибольшему, это не значит, что бесконечное существует в действительности.

- Прости, что нагрозила тебя древнегреческой философией, но мне было важно поделиться с тобой этими мыслями, - так завершила свой высоконаучный монолог Анна.

- Но если Аристотель прав, то это значит, что говорить об абсолютной бесконечности числа «пи» не приходится, а это ставит под сомнение все

чрезвычайные ожидания «иллюминатов», как классических, так и «новых», связанные с этим магическим числом.

- Похоже, что это так, - заметила Шувалова. – Впрочем, они все мне так надоели, что больше не хочу говорить об Архимеде. Чудесно, что колеса – круглые, но еще более важно, что они привезли нас домой. А тот факт, что длина окружности колеса не подлежит точному измерению – так на все воля Божья.

- Знаешь, а мне вся эта история очень напомнила спекуляции на тему библейского кода, которые последних лет десять активно гуляют по страницам мировых средств массовой информации, - задумчиво сказал Трубецкой.

- Ты имеешь в виду утверждения, что текст Библии содержит, якобы, закодированные послания о будущих событиях, и вопрос заключается лишь в том, как их найти?

- Именно. По этому поводу были даже опубликованы две весьма скандальных книги. А потом, не так давно, было доказано, что и «Война и мир», и даже «Моби Дик» с таким же успехом, как и библейские тексты, могут быть использованы для поиска самых разнообразных, в том числе безумных пророчеств, даже наперед заданных. Хотя тут имеется один интересный и вполне научный вопрос: можно ли сформулировать некий конечный набор условий, которым должна удовлетворять произвольная последовательность букв, чтобы в ней можно было найти осмысленный текст?

- Ты как Хорхе Борхес, - Анна улыбнулась, – предлагаешь отыскивать смысл в вымышленной Вавилонской библиотеке, где книги представляли собой именно произвольную кашу из букв и знаков препинания.

- Ну, нет, это уже притянуто за уши, - запротестовал Сергей Михайлович. – Но вот возьми во внимание такой факт: в Библии, в ее оригинальном варианте, на иврите, содержится всего около 305 тысяч букв, а в английском варианте короля Джеймса от 1611 года всего где-то около 600 тысяч слов, почти три миллиона букв. Это мы говорим о Ветхом Завете. А число «пи», как мы с тобой теперь знаем, вычислили с точностью до трех триллионов знаков, и это не предел. То есть, если каждой цифре поставить в соответствие одну букву, то там легко поместится ну, где-то, миллион библий.

- И все-таки мне кажется, что с числом «пи» ситуация особенная. Современная Библия, как ни крути, - продукт человеческого ума, а число «пи» существует помимо нашей воли, оно объективно.

- А если предположить, что мы просто пользуемся неправильной системой исчисления? – Трубецкой дал волю своей фантазии. - Может быть, в каком-то другом, не-десятичном мире длина окружности равна некоему точному числу диаметров? Или давай рассмотрим не традиционное соответствие буква-число, а наоборот? Что, если числа – это своеобразный алфавит некоего языка, который мы все еще не выучили?

- Так, я чувствую, что в доме пора заводить математика, - заметила не без сарказма Шувалова, - а то два гуманитария – это уже слишком.

- Давно пора, - Сергей Михайлович поцеловал жену в щеку. – Я это отчетливо понял, еще когда летел из Лондона в Киев.

- Кстати, а как ты отнесся к предложению иллюминатов влиться в их тесные ряды?

- Я думаю, что они прекрасно без меня обойдутся, как и я без них. Мне кажется, что в XXI веке все эти игры в тайные общества пора заканчивать. Это пифагорейцы считали, что фундаментальные знания должны храниться в тайне, а Сократ вообще запрещал своим ученикам записывать свои слова. То есть раньше еще существовали сведения, которые прочитать было невозможно, они распространялись только устно. А теперь какие там тайны, если в интернете при желании можно найти все, даже любовные письма моей бабушки, написанные ею в третьем классе Киевской муниципальной гимназии номер сорок три? Или возьми, к примеру, такие проекты, как «Викиликс». А тут взрослые дяди играют в средневековые игры по выявлению распространению «тайных знаний». Смешно, ей-Богу.

- С этим понятно, - Анна кивнула головой. - Но вот что мне до сих пор не понятно – это кто нам прислал эту газету, «Балтимор Сан» с информацией о смерти Рица? – вернула Трубецкого с небес на землю Анна. - Видимо, кому-то было важно предотвратить твой приезд в США. - Шувалова пожала плечами. – Ума не приложу, кто бы это мог быть. Весь полет об этом размышляла.

- Увы, я тоже не представляю, - Сергей Михайлович взял ее за руку и поднес к губам. – Пусть это остается загадкой. Это такой особый шарм, который шекочет нервы и бодрит мозги - знать вопрос, на который нет ответа.

- И это не единственная загадка, - парировала Анна. – Я забыла тебе сказать, что, как выяснилось, группе Рица-Форбс удалось прочитать практически весь текст, который был скрыт под средневековыми молитвами. Весь, кроме пяти страниц. Их так тщательно смыли в XIII веке, что ни одной буквы из старого текста не осталось. Об этом мне по секрету сообщила Мария – девушка из лаборатории Рица-Форбс. Я тогда и подумала: а вдруг именно на них были записаны самые важные открытия Архимеда? Тот самый код бесконечности? И еще. Как ты помнишь, при исследовании Кодекса Архимеда были найдены ранее неизвестные работы древнегреческого оратора Гиперида, а также рукопись с критикой Аристотеля. Так вот, и Гиперид, и Аристотель умерли в 322 году до нашей эры. Как и Александр Македонский. Это ведь ты мне рассказывал об удивительном числе-символе 322? Но это, конечно же, все чистое совпадение.

Глава 19. Не в своей тарелке

Детектив Уитни чувствовал себя крайне неудобно. Ему несчетное количество раз приходилось бывать в комнате для допросов, но впервые он находился в ней не как представитель власти, а по совершенно другую сторону закона - как подследственный. И еще ладно бы – хорошо знакомая комната в родном участке, так

ведь здесь, в ФБР, все было иначе. И стены мрачного темнозеленого цвета, и стол металлический, как в морге, и стульев больше, да и сама комната – вытянута, как коридор. Когда сегодня утром к нему прямо в квартиру заявились двое крепких ребят в однотонных костюмах и дешевых галстуках, он сначала решил, что это розыгрыш. Однако ему предъявили постановление о задержании и предложили следовать за ними. Джей-Кей не ощущал за собой никакой вины и повиновался с чистой совестью, хотя волнение все равно никуда не девалось. В балтиморском отделении ФБР его препроводили в комнату для допросов и оставили собираться с мыслями.

Минут через пятнадцать в комнату вошел уже знакомый ему агент Марли, а с ним еще один белобрысый парень без пиджака, но в подтяжках. Рукава его рубашки были завернуты так, будто он только что месил тесто. «Будут играть в игру хороший полицейский – плохой полицейский, - подумал Уитни. – Интересно, кто из них кто?».

- Это агент Дворжак, - сказал Марли, указывая на коллегу и усаживаясь за стол, - мой напарник. Белобрысый присел на край стола.

- Рад вас видеть, агент Марли, - произнес Уитни с легким сарказмом. – Чем обязан честью посетить вас в штаб-квартире столь уважаемого мною Бюро?

- Это хорошо, что у вас приподнятое настроение, - парировал Марли. – Оно вам понадобится. Вы, наверное, думаете, что мы привезли вас сюда в связи с убийством Коллинза?

- Вот тебе и раз. - Уитни слегка напрягся. – А в связи с чем же еще? Я, вроде, нигде больше не наследил.

- Вас допрашивают по делу об убийстве доктора Стивена Рица, - вступил в разговор Дворжак. Он был чрезвычайно серьезен. – Оба дела объединены в одно производство.

- Но разве дело Рица не закрыто? Я слышал, что вы признали его смерть естественной. Какое я теперь имею к нему отношение? – Джей-Кей был не на шутку удивлен.

- Детектив Уитни, дело Рица не закрыто. Ваш друг Грег Норман, очевидно, считает, что мы в Бюро преимущественно играем в шахматы, и поэтому верит всему, что ему говорят. А зря.

«Значит, они все это время слушали мой телефон, - подумал про себя Уитни. – Дело принимает крутой оборот».

- Тогда вы, может быть, объясните, в каком качестве по этому делу прохожу я? – сказал он вслух.

- В качестве свидетеля, - ответил Дворжак. – Пока.

- Что значит – пока? Вы скажете мне, черт возьми, что происходит?

В разговор снова вступил агент Марли.

- В силу конфиденциального характера тех работ, которые доктор Риц выполнял для правительства США, мы засекретили расследование. Но сейчас пришло время кое-что вынести наружу. Сразу после того, как мы забрали дело под свою юрисдикцию, в доме Рица был проведен тщательнейший обыск. Ваши ребята плохо

умеют это делать, халтурят, поэтому нам пришлось все делать самим. К счастью, мы нашли те материалы, которые нас интересовали, и не только их. В спальне Рица за кроватью была обнаружена пудреница, самая обыкновенная женская принадлежность. А на ней – отпечатки пальцев. Сейчас мы уже знаем, чьи они.

- И чьи же? – поинтересовался Уитни.

- Скажите, - снова заговорил Дворжак, - а кто по профессии ваша жена?

- Вы хотели сказать – бывшая жена? – уточнил Уитни, не скрывая своего удивления. – Мы разведены уже скоро как три года. А при чем тут она?

- Да, конечно, бывшая, - кивнул головой Дворжак. – Ее ведь зовут Марта? Вы поддерживаете с ней связи?

- Думаю, вы знаете, как ее зовут, - резко ответил Уитни. – Она медсестра, работает в госпитале университета Джона Хопкинса. Подозреваю, вы и это уже знаете. Нас с Мартой объединяет только дочь. Никаких других связей я с ней не поддерживаю. К чему весь этот цирк?

- К тому, что на пудренице – ее отпечатки пальцев.

Уитни остолбенел. Дар речи вернулся к нему лишь через минуту. Ему нужно было осознать услышанное. Отпечатки пальцев Марты в спальне у Рица? Причем тут она?

- Но...как в спальне Рица могла оказаться ее пудреница? – Джей-Кей все еще был в шоке.

- А вы как думаете? – не без сарказма поинтересовался Дворжак.

- Ладно, - перебил его Марли, - оставь это.

Он продолжил, уже обращаясь к Уитни:

- Сначала Марта обслуживала Рица просто как медсестра. После того, как тому диагностировали гипертонию и проблемы с сердцем, она два - три раза в неделю приходила к нему домой проверять давление и, если нужно, делать уколы. Потом она стала его любовницей. Это продолжалось почти год.

- Но ведь соседка Рица Элеонора Госсип опознала по фотографии Маргарет Форбс....

- Госпожа Форбс тоже иногда навещала Рица, но они не состояли в близких отношениях. Это во-первых. А во-вторых, у госпожи Госсип возрастная катаракта, она не сможет отличить мужчину от женщины на расстоянии десяти шагов. Я так думаю, она просто фантазировала, когда вы показали ей фото. Очевидно, старушке было приятно заслужить вашу похвалу и внимание. Она очень одинока.

Детектив Уитни стал понемногу приходить в себя.

- Но если Марта бывала дома у Рица и делала ему уколы, значит...

- Вот именно, - кивнул головой Марли. – Вполне вероятно, что это она сделала Рицу роковую инъекцию, а не Коллинз. Тот просто использовал ее, а сам ждал в машине.

- Что!?

- Как выяснилось, они были хорошо знакомы еще по совместной работе в отделении реанимации госпиталя Джона Хопкинса. Знали ли вы об этом?

- Разумеется, нет, - Уитни был просто вне себя. – В чем вы меня подозреваете? Что я в сговоре с Мартой прикрывал всю эту операцию, затем инспирировал похищение собственной дочери, чтобы обелить себя, а затем убил Коллинза, чтобы прикрыть Марту?

- А как еще объяснить то, что вы сначала так легко и изящно обнаружили, где так называемые похитители держат Люси, а потом почти безболезненно, чуть ли не в одиночку, освободили дочь и арестовали главного преступника, который потом мистическим образом скончался буквально у вас на руках?

- Это Люси подсказала мне, где ее держат. Похитители решили через нее передать их требование закрыть дело о Кодексе Архимеда. А Люси воспользовалась одной из наших с ней детских игр о египетском боге Ра и успела произнести по телефону несколько ничего для посторонних не значащих фраз. Но для меня из ее слов следовало, что место, где она находится, имеет отношение к магии и хаосу. Стало очевидно, что это храм этих так называемых «новых иллюминатов». А то, что я смог освободить ее без кровопролития – так это следствие неожиданности, они ведь не могли представить, что я туда заявлюсь так быстро, да не один.

- Кстати, мы так понимаем, что вы были там с этой русской? – снова подал голос Дворжак.

- Да. Она оказалась весьма боевой дамой и помогла мне вытащить Люси.

- Кто дал вам санкцию привлекать посторонних? Капитан Уайт?

- Нет, все было на мой страх и риск. Уайт тут не причем. И вообще, это не имеет отношения к делу.

- Тут решаем мы, - процедил сквозь зубы Дворжак, - что имеет отношение к делу, а что нет. Он начал злиться, поскольку вся его стройная концепция участия семейства Уитни в операции по устранению Рица стала разваливаться.

Джей-Кей решил не обращать внимания на этого белобрысого парня. Очевидно, тот очень стремился быстро сделать карьеру, и ему нужны были новые раскрытые дела, причем, чем фантастичнее – тем лучше. Истина для таких целеустремленных ребят – понятие второстепенное. Впрочем, справедливости ради следовало признать, что появление во всей этой истории Марты было действительно непредсказуемым развитием событий.

- У вас есть доказательства, что инъекцию сделала моя бывшая жена? – Уитни все еще не верил в подобный сценарий.

- Прямых улик пока нет. Но тот сосед, который накануне смерти Рица слышал шум подъехавшей к его дому машины, показал также, что автомобиль достаточно долго стоял у дома с включенным двигателем. Значит, в нем кто-то был, кроме Марты, - ответил Марли.

- Кто-то видел, что там была именно она?

- Нет, но кто еще кроме нее имел ключ к дому Рица и мог бесшумно войти?

- Да кто угодно! Ключ можно было украсть, сделать дубликат... Или все это шито белыми нитками, - сказал Уитни решительно, - или вы что-то мне не договариваете.

- Ладно, - вмешался в диалог Марли и Уитни Дворжак, - думаю, пора сказать ему еще кое-что.

Марли взглянул прямо в глаза Джей-Кея.

- У нас есть еще две новости, - медленно произнес он. – Пока вы катались с Люси на катере по заливу, мы провели у Марты обыск. У нее были найдены капсулы с сильным антигипертензивным препаратом, следы которого были обнаружены в крови Рица. Кроме того, мы проверили абонентов, с которыми она общалась по телефону в тот день, накануне и после убийства. В составленном телефонной компанией списке Уильям Коллинз – не единственный ваш общий знакомый из дела Рица. Другим ее крайне любопытным абонентом, которого знаете и вы, оказался адвокат Поль Манже.

Агент Марли не без удовлетворения наблюдал выражение лица Уитни. У того явно был день открытий. Марли даже слегка ему посочувствовал. Джей-Кей имел хорошую репутацию и безупречный послужной список. Это, очевидно, было недоразумение, что он попал в историю со столькими неизвестными. Но дело есть дело – ничего личного, просто бизнес.

- Кстати, - снова вступил в разговор Дворжак, - когда вы громили этот магический и хаотический храм, пришлось ли вам столкнуться с их лидером – «великим магом»?

- Нет, я не знаю, кто это. Мессу, или как там это у них называется, вел тогда Коллинз, это я видел сам.

- Взгляните на этот портрет. Мы изъяли его в храме. На нем – их «великий маг» собственной персоной.

Он достал из папки и показал Джиму слегка размытую фотографию человека, одетого в какой-то замысловатый костюм, с капюшоном на голове, накрашенными глазами и амулетами на груди. Детектив Уитни не без труда узнал в этом человеке обычно прилизанного и холеного адвоката Поля Манже. Джим покачал головой:

- Ума не приложу....

- У нас есть еще пару вопросов, и на сегодня мы закончили, - произнес Марли. – Вы убивали подозреваемого Уильяма Коллинза?

- Разумеется, нет, - устало ответил Уитни. – Что за идиотское предположение? Марли сделал пометку в бумагах.

- Вы лично отправились делать ему кофе. Зачем? Вы ведь могли попросить кого-то из обслуживающего персонала.

- Мог, но в тот момент я как-то не подумал об этом.

- Скажите, когда вы делали кофе, там, рядом с вами, больше никого не было?

Уитни задумался. Этот вопрос был очень даже по-существу. Он напряг память.

- Не помню... – медленно произнес он, и вдруг его осенило: длинные музыкальные пальцы! – О, Боже...- Уитни покачал головой. - Я не хочу понапрасну выдвигать подозрения, но в тот момент действительно произошел один маленький эпизод. Я уже сделал кофе себе и наливал вторую порцию, когда сзади меня кто-то подтолкнул. Я оглянулся. Это был наш стажер – блондин такой, он почти разносит, канцелярщину всякую... Я еще разлил полстакана на стол и мне пришлось его вытирать... Он нес в руках какие-то письма и пакеты, которые упали на пол прямо у моих ног. Я помог ему поднять один или два ... я еще запомнил его тонкие, как у пианиста пальцы... Стоп! – вдруг выкрикнул Джей-Кей. – Письма без марок – это ведь он их разносил!

- Какие еще письма? – встревоженно спросил Дворжак.

Уитни рассказал им вкратце историю про то, как одним письмо его навели на след Трубецкого, а другим – попробовали опорочить и связать с «новыми иллюминатами».

- У меня тогда и появилась мысль, что у них в участке есть свой человек. Я просто не успел до него добраться.

Дворжак переглянулся с Марли и вышел из комнаты, встревоженный. Он вернулся через несколько минут, наклонился к уху Марли и что-то ему прошептал. Тот кивнул головой.

- Этот ваш стажер утонул вчера вечером в заливе, - произнес Дворжак. - Его тело находится в городском морге. Предварительный диагноз – острая сердечная недостаточность на почве злоупотребления алкоголем. Удивительная смерть в двадцать пять лет.

Глава 20. Распутанный клубок

Как только Поль Манже покинул здание «Ай-Ти Консалтинг» и уселся за руль своего черного «кадиллака», его лицо расплылось в гримасе радости. В приподнятом настроении он выехал за периметр безопасности и остановился за ближайшим поворотом дороги. Поль огляделся по сторонам, убедился, что рядом с автомобилем никого нет, достал мобильный телефон и набрал номер.

- Ваша задача сильно упростилась, - произнес он в трубку. - Остался лишь один единственный шаг – убрать Уитни, и равновесие будет восстановлено. Он – последний, кто знает подробности этого дела, все остальные – не в счет. Подготовьте все необходимое и дайте мне знать. В случае успеха сумма вашего вознаграждения удваивается.

Он закрыл разговор. Затем набрал еще один номер. С этим собеседником он разговаривал, как с подчиненным.

- Я очень признателен вам за отличную работу с Коллинзом и жду в шесть вечера на пирсе. Как всегда, причал номер девять. Яхта «Аквитания».

Третий звонок был адресован, очевидно, деловому партнеру.

- У нас необыкновенная удача, - сказал он не без торжества в голосе, - мистер Ай-Ти принял мужественное решение и покончил с собой. Я только что от него. Согласно контракту, книга теперь полностью в моем распоряжении. Кроме того, у меня есть еще кое-какая чрезвычайно важная информация. Собирайте людей, я вылетаю в Эдинбург завтра. Нам потребуются математики - специалисты по теории чисел, а также программисты и шифровальщики. Все, кого вы пригласите, должны быть из наших и уметь держать язык за зубами. Пока все, до встречи.

Черный «кадиллак» неспеша, как и положено солидному автомобилю, вырулил на автотрассу по направлению к Балтимору. Его больше не сопровождали, как раньше, два черных «шевроле» с ребятами мистера Ай-Ти. В этот раз позади «кадиллака» пристроилась значительно более скромная «краун виктория» неопределенного коричневатого цвета, которая следовала за ним до самого Мериленда. Но господин Манже был слишком погружен в собственные мысли и об этом даже не догадывался.

Когда Поль появился на пирсе, высокий блондин характерной ирландской наружности уже был там. Манже жестом пригласил его пройти на «Аквитанию» - небольшую однопалубную яхту, какие во множестве бороздили воды залива Чизапик.

- Нам надо поговорить без свидетелей, - бросил ему Поль, включая двигатели. Через пять минут пятьсот лошадиных сил уже плавно уносили их навстречу заходящему солнцу. Поль неплохо знал изрезанные уютными бухточками берега залива. Он уверенно привел яхту в одну из них, заглушил двигатели и пригласил молодого человека на палубу, где был обустроен уголок для отдыха с белыми кожаными сиденьями. Тот с удовольствием развалился на небольшом диванчике, пока Поль сходил за вином и принес два бокала отличного калифорнийского «Шардонне» Роберта Мондави 1999 года. Подавая бокал ирландцу, он обратил внимание на его длинные музыкальные пальцы. «А мог бы играть на пианино», - цинично подумал он.

Слегка желтоватое, выдержанное, с непревзойденным горьковатым привкусом вино послужило отличной маскировкой для препарата, вызывающего паралич сердечной мышцы и острую сердечную недостаточность. Через минуту после второго глотка молодой человек схватился за грудь и обмяк, даже не успев вскрикнуть. Но он еще какое-то время дышал. Все, что оставалось сделать убийце, это влить в его глотку стакан водки и перекинуть тело за борт. Поль Манже допил «Шардонне» в одиночестве, по дороге в Балтимор. Вино и вправду было восхитительным.

Марту задержали тем же вечером. Джей-Кей был предупрежден заранее. Он заехал за Люси в школу, чтобы сразу забрать дочку к себе. Со временем он ей все объяснит, а пока нечего травмировать ребенка.

Поль Манже возвращался в Вашингтон в чудесном настроении. Кажется, уже практически все сделано – небольшая задержка с этой глуповатой любовницей Рица, которая так ему и не перезвонила, была не в счет. Еще один шаг, и цель достигнута. Завтра прямо с утра он изымет книгу из музея и возьмет ее с собой в Эдинбург, где начнется совершенно другая жизнь. Эти надутые кембриджские ангелы и апостолы еще придут к нему на поклон!

Вдруг Поль заметил, что за его «кадиллаком» пристроился полицейский автомобиль с включенными сине-красными маячками на крыше. В Соединенных Штатах это означает, что вы должны остановиться. С полицией шутки плохи, поэтому Манже так и поступил. Он свернул на довольно широкую обочину и остановил машину. «Краун виктория» остановилась сзади, шагах в десяти от «кадиллака».

К нему со стороны пассажира подошел полицейский и показал жестом, чтобы Манже опустил стекло. Тот повиновался и положил обе руки на руль – в США с этим строго.

- Здравствуйте, Поль, - вдруг раздался голос откуда-то из-за полицейского. Манже остолбенел. Этот характерный голос невозможно было спутать, он принадлежал мистеру Ай-Ти. Поль в шоке открыл дверцу и вышел из машины. Его бывший и, как думал Поль, мертвый клиент стоял живой и невредимый рядом с полицейским, засунув руки в карманы и слегка склонив голову набок.

- Вы думали, я действительно застрелился? – Мистер Ай-Ти улыбнулся и пожал плечами. – Ну что вы, Поль, какой промах! Я, честно говоря, разочарован вашим неумением разбираться в людях. Неужели вы поверили, что меня так легко сломить?

К ним подъехал и с визгом остановился еще один автомобиль. Оттуда вышел сам начальник Юго-восточного отделения полиции Балтимора капитан Уайт.

- Просто мы с капитаном Уайтом, – продолжил мистер Ай-Ти, помахав тому рукой, - пришли к выводу, что нам следует несколько ускорить события и помочь вам раскрыть сообщников и дальнейшие планы. А то, глядишь, вы бы и меня решили убрать со временем, так зачем же рисковать? Вы просто какой-то маньяк, Поль. Но теперь полиция имеет против вас столько улик, что суд, который над вами состоится, будет самым коротким и самым справедливым в мире.

- Господин Манже? Или, лучше сказать, Поль Горсан? Или – еще лучше – «великий маг»? – капитан Уайт перешел к официальному протоколу задержания.

- В чем дело? – Происходящее было столь неожиданным, что Поль едва нашелся, что сказать.

- Вы арестованы по обвинению в организации убийства доктора Рица и Уильяма Коллинза, и в покушении на убийство детектива Джима Уитни. Вы имеете право хранить молчание; все, что вы скажете, может быть использовано против вас в суде; ваш адвокат может присутствовать при допросе. Если вы не можете оплатить услуги адвоката, он будет предоставлен вам государством. Но, честно говоря, -

капитан Уайт наклонился поближе к Полю Манже и сказал ему почти на ухо, - я вам этого не советую.

Глава 21. Письмо из Балтимора

После возвращения Анны Николаевны из Соединенных Штатов прошла неделя. Жизнь покатила своим чередом. Трубецкой возобновил свои лекции в университете, а Шувалова занялась анализом нескольких любопытных апокрифов из библиотеки Наг-Хаммади. Но вот однажды, когда Сергей Михайлович вернулся из университета, дома его ждал сюрприз. И это были не столь любимые Трубецким русские пельмени, и не очередной продолговатый иностранный конверт с приглашением на очередную международную конференцию. Анна Николаевна торжественно преподнесла ему распечатку электронного письма, только что полученного ею из Балтимора от детектива Уитни. Они читали его вместе как произведение Агаты Кристи.

Дорогая Анна,

Хочу сообщить вам, что дело Рица наконец-то и окончательно закрыто. Никто из нас не мог предугадать его финала; я и сейчас не до конца понимаю мотивы всех участников этой драмы. Совершенно очевидно, что ничего подобного ни в моей практике, ни в истории полиции Балтимора еще не случилось.

Как оказалось, во главе всего плана стоял Поль Манже – адвокат, который представлял интересы владельца Кодекса Архимеда. Он не просто имел французские корни. Девичья фамилия его бабушки была Горсан. Она приходилась дочерью тому самому солдату, который похитил Кодекс Архимеда в 1921 году из Константинополя. Семья Горсан, мягко говоря, не принадлежала к элите парижского общества, и давно приняла решение продать Кодекс, так как остро нуждалась в деньгах. Однако по разным причинам долгое время им этого сделать не удавалось. Только в 1998 году книга все же была продана на аукционе Сотби. Как вы знаете, ее новый владелец, известный нам под именем мистер Ай-Ти, вскоре передал книгу в музей искусств Балтимора для исследований.

Поль Манже – повзрослев, он взял фамилию отца – знал, что в его семье хранилась эта книга. Именно он, как единственный наследник, и стал, в конце концов, главным бенефициаром вырученных за нее денег. Однако Поль, похоже, воочию увидел книгу только в Балтиморе. Ведь он обосновался в США, когда проект по «Кодексу Архимеда» уже начался. Выпускник Кембриджа, он в свое время состоял в тайном обществе тамошних иллюминатов, однако был изгнан из него за попытки использовать свое положение в недостойных с точки зрения общества целях. В Вашингтоне Манже не без приложения своих кембриджских связей открыл адвокатскую контору, и, поскольку он не гнушался никакой работы, быстро заработал кучу полезных рекомендаций. Через некоторое время он познакомился с мистером

Ай-Ти. Тот нанял молодого и энергичного Поля для ведения некоторых своих дел, в том числе тех, которые касались книги. К тому времени основная часть ее скрытого содержания уже была выявлена, и проект близился к завершению.

При этом, как оказалось, Манже было скучно просто заниматься адвокатской практикой, он стремился к самым вершинам власти. Но в Америке связи наработываются десятилетиями. Чтобы ускорить процесс, он и основал тайное общество, названное им «новые иллюминаты». В чем-то, как мы теперь понимаем, это общество копировало «иллюминатов» Кембриджа, но имело совершенно другие цели и средства. «Магия хаоса» - своеобразная философия, густо замешанная на оккультизме, стремлении к доминированию и призывающая к достижению цели любой ценой, стала центральной идеей «новых иллюминатов». Кроме всего прочего, там практиковались сеансы общения с духами, погружения в гипнотическое состояние и манипуляции сознанием, и тому подобные вещи. Как ни странно, но он преуспел в привлечении нескольких сотен последователей в свои ряды. Среди них были и достаточно влиятельные люди. Однако ему нужна была некая визуализация этой так называемой «магии», какой-нибудь таинственный предмет, который мог бы в глазах его последователей служить источником «магической силы». Старинная книга подходила для этой цели наилучшим образом. И тут выяснилось, что один из наиболее рьяных членов «новых иллюминатов» - Уильям Коллинз - является мужем Маргарет Форбс, фактически второго человека в проекте Рица. Манже решил, что загадочный Кодекс Архимеда весьма удачно подходит для его целей, и было бы неплохо вернуть книгу в семью. Поль Манже сумел полностью подчинить Коллинза своей воле, однако тот постоянно жаловался, что Риц не подпускает его к Кодексу, и даже Маргарет ничего с этим поделать не может. Тогда было принято решение устранить Рица, но сделать это так, чтобы все напоминало естественную смерть.

Проблема Коллинза заключалась в том, что он был болен. Он страдал раздвоением личности, по научному это называется диссоциативное расстройство идентичности, и по этому поводу даже лечился у психиатра. Маргарет Форбс подтвердила нам эти факты. Время от времени он придумывал себе несуществующую реальность и был легко манипулируем. Именно поэтому ему пришлось уйти из госпиталя – он постоянно рассказывал коллегам, что общается с духами и наблюдает воскрешение из мертвых. В конце концов, администрация приняла решение, что человек с психическими расстройствами не может лечить людей. Тем не менее, Коллинзу, пользуясь своим положением страхового агента медицинской компании, удалось раздобыть конфиденциальную информацию о состоянии здоровья Рица, и именно через него Манже вышел на Марту – мою бывшую жену, которая работала медсестрой в том же госпитале. Как оказалось, а я об этом ничего не знал, Марта иногда приходила к Рицу домой измерять ему давление и делать уколы, и со временем стала его любовницей. Только ни о каких чувствах там и речи не было. Просто она, как теперь выяснилось, была по уши в долгах. Риц давал ей деньги, но их было недостаточно. Марта и раньше, когда мы еще были женаты, любила играть в

казино, но как-то себя сдерживала. А после развода сразу проиграла кучу денег и была должна всем, кто хотя бы теоретически мог одолжить ей сколько-нибудь значительную сумму. На этом они ее и подцепили. Марта страшно боялась огласки потому, что в случае судебного преследования со стороны кредиторов и банкротства у нее могли отобрать Люси.

После смерти Рица все вроде бы шло в точности по плану Манже, когда неожиданно появились вы с мужем. Тогда им пришлось реализовать «остроумную» комбинацию по обвинению профессора Трубецкого в соучастии краже книги. Но и эта комбинация до конца не удалась – в Балтиморе остались вы. Как вы теперь сами знаете, Манже и Коллинз что-то придумывали и для вас, но не успели осуществить свой план. Коллинз вдруг, по глупости, решил проявить «героизм» и совершил ошибку – выкрал Люси. Очевидно, это был спонтанный, необдуманный шаг. За это он и поплатился. Их человек, тоже из «новых иллюминатов», имел доступ к нам в участок – он проходил стажировку на предмет будущей постоянной работы. Мы уверены, что это именно он подсыпал яд в кофе Коллинза, хотя, быть может, его целью был и я. Припоминаете, когда вы были у нас в участке, вы мне еще указывали на некоего высокого блондина ирландской наружности, вроде бы похожего на того парня, который поселял вас в отель? Думаю, в отеле был именно он, вы оказались очень наблюдательны. Мне жаль, что я тогда не прислушался к вашим словам. Он утонул в заливе, и никто точно не знает, как это случилось. Формальное заключение – сердечный приступ у двадцатипятилетнего молодого человека – лично у меня вызовет сомнения. Истинную причину его смерти еще предстоит установить.

Да, помните ли вы ту ночь, когда мы взяли Коллинза и привезли его в участок? Так вот, выяснилось, что позже он устроил скандал дежурному офицеру, требуя своего законного телефонного звонка. Тот не выдержал истерики и разрешил ему сделать один звонок. Коллинз звонил Манже. О чем они говорили я не знаю, но думаю, что откровения Коллинза про его гениальный план, Маргарет - любовницу Рица и все остальные выдумки, свидетелями которых мы с вами стали – прямой результат этого телефонного разговора. Я лично считаю, что Манже инициировал признание Коллинза, чтобы отвести следствие от Марты и, главное, от себя, а того вряд ли осудили бы – ведь он был психически болен. В крайнем случае, ему могло грозить принудительное лечение в закрытой клинике.

Но как оказалось, ребята из ФБР вышли на Манже значительно раньше нас. Они, конечно же, сразу обнаружили, что Риц был убит с помощью инъекции и все это время продолжали свое расследование. Подозрение пало на Марту, а через нее они вышли и на Поля Манже. Была разработана операция, сутью которой стало подтолкнуть того к активным действиям сразу по нескольким направлениям, и он попался.

Вот такие страсти возникли у нас в Балтиморе вокруг книги древнегреческого математика. Каждый хотел с ее помощью изменить реальность, использовать как инструмент для достижения своих мелких меркантильных целей. Надеюсь, что

отныне книга обретет покой и займет надлежащее ей место в музейной коллекции как весьма любопытный памятник Средневековья. Я слышал, в Музее искусств ей собираются посвятить отдельную экспозицию.

Теперь самые последние новости. Меня снова пригласили перейти работать в Бюро, и на этот раз я, наверное, соглашусь. Поль Манже и Марта арестованы. Вашему мужу возвращено его доброе имя, чему я искренне рад. Судья, который принимал решение об аннулировании визы господина Трубецкого и о его экстрадиции оказался сочувствующим «новым иллюминатам» - его имя нашли в списках потенциальных членов «храма магии хаоса», когда сотрудники ФБР проводили там обыск. В отношении него проводится расследование. Люси отныне будет жить со мной и приглашает вас в гости. Только в следующий раз не спускайте, на всякий случай, глаз с ваших вещей, а если что случится – сразу звоните мне ☺. Всего наилучшего.

Детектив Джим Кеннет Уитни,
для вас – просто Джей-Кей & Люси